

Украинская ассоциация
преподавателей русского языка
и литературы

Киевский национальный
университет
им. Тараса Шевченко

Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Русистика

Сборник научных трудов
Выпуск 13

Основан в 2001 году

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус

Редакционная коллегия: **Л. А. Кудрявцева** (*главный редактор*), д-р филол. наук, проф. (Киев); **Е. А. Андрущенко**, д-р филол. наук, проф. (Харьков); **Г. Ю. Богданович**, д-р филол. наук, проф. (Симферополь); **И. Т. Вепрева**, д-р филол. наук, проф. (Екатеринбург); **М. М. Гиршман**, д-р филол. наук, проф. (Донецк); **В. В. Дубичинский**, д-р филол. наук, проф. (Харьков); **Л. П. Иванова**, д-р филол. наук, проф. (Киев); **О. С. Иссерс**, д-р филол. наук, проф. (Омск); **Н. Г. Озерова**, д-р филол. наук, проф. (Киев); **Е. С. Отин**, д-р филол. наук, проф. (Донецк); **Т. А. Пахарева**, д-р филол. наук, проф. (Киев); **М. Л. Ремнева**, д-р филол. наук, проф. (Москва); **С. К. Росовецкий**, д-р филол. наук, проф. (Киев); **Н. В. Слухай**, д-р филол. наук, проф. (Киев); **Е. С. Снитко**, д-р филол. наук, проф. (Киев); **В. И. Шаховский**, д-р филол. наук, проф. (Волгоград); **А. М. Подшивайлова** (*отв. секретарь*), канд. филол. наук (Киев).

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. **Л. И. Шевченко**,
канд. филол. наук, доц. **О. Л. Паламарчук**

*Рекомендован ученым советом Института филологии
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко
(протокол № 3 от 23 октября 2013 года)*

В сборнике рассматриваются актуальные проблемы дискуртологии, коммуникативной лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии, фонетики, истории литературы. Публикуются рецензии, хроника, информация.

Для научных работников, преподавателей вузов, средних учебных заведений, аспирантов, студентов-филологов.

Адрес редакционной коллегии: 01601, Киев, ул. Владимирская, 58, комн. 9, тел. (+38044) 239 34 69, e-mail: ros_mova@ukr.net

За содержание статей, достоверность дат, названий, имён, статистических данных и точность цитат ответственность несут авторы публикаций. Редакционная коллегия не всегда разделяет взгляды авторов.

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус

Наукове видання

Русистика

Збірник наукових праць

Випуск 13

Оригінал-макет виготовлено Видавничо-поліграфічним центром "Київський університет"

Формат 60x84^{1/8}. Ум. друк. арк. 11,2. Наклад 100. Зам. № 213-6799.
Гарнітура Times New Roman. Папір офсетний. Друк офсетний. Вид. № Іф32.
Підписано до друку 13.12.13

Видавець і виготовлювач
Видавничо-поліграфічний центр "Київський університет"
01601, Київ, б-р Т. Шевченка, 14, кімн. 43
☎ (38044) 239 32 22; (38044) 239 31 72; тел./факс (38044) 239 31 28
e-mail: vpc_div.chief@univ.kiev.ua
http: vpc.univ.kiev.ua

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1103 від 31.10.02

© Київський національний університет імені Тараса Шевченка
Видавничо-поліграфічний центр "Київський університет", 2013

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В. И. Шаховский (Волгоград)

ЭКОЛОГИЯ АФФЕКТИВНОГО ЯЗЫКА:
ОТ ТЕОРИИ К КОММУНИКАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ*

Рассматриваются типичные примеры эмоционального и эмоциогенного текста коммуникативных практик. Постулируется их семиотическая значимость и взаимозависимость с модусом экологичности коммуникативного климата. Предлагается теоретическая интерпретация эмотивных знаков языка и их семантики. Подчеркивается все возрастающая роль новой парадигмы современной лингвистики – эмотивной лингвоэкологии – в исследовании усиливающейся агрессивности всех видов человеческого общения.

Ключевые слова: эмотивное значение, эмотивный язык, экологичный климат, компетенция экологичной коммуникации, аффективная коммуникация, эмоциогенный текст.

Розглянуто типові приклади емоційного та емоціогенного тексту комунікативних практик. Постулюється їх семіотична значимість і взаємозалежність із модусом екологічності комунікативного клімату. Запропоновано теоретичну інтерпретацію емотивних знаків мови та їх семантики. Підкреслено зростаючу роль нової парадигми сучасної лінгвістики – емотивної лінгвоекології – у дослідженні посиленої агресивності всіх видів людського спілкування.

Ключові слова: емотивне значення, емотивна мова, екологічний клімат, компетенція екологічної комунікації, афективна комунікація, емоціогенний текст.

Treated are typical samples of emotional and emotionally evocative texts of communicative practices. Postulated is their semiotic significance and their interaction with communicative climate of modus of ecology. Proposed is theoretical interpretation of language emotive signs and their semantics. Emphasized is the growing role of the new modern linguistic paradigm – emotive linguoecology – in investigations of more and more increasing aggression in every sphere of human communicative activity.

Key words: emotive meaning, emotive language, ecological climate, competence of ecological communication, affective communication, emotionally evocative text.

Ничто великое не свершалось в этом мире без пристрастия
(Галилео Галилей)

Коммуникативное поведение людей влияет на их психоэмоциональное и ментальное здоровье, а также на здоровье национального языка¹. В последнее время этот факт все более и более привлекает внимание специалистов по теории коммуникации.

В связи с глобальной экспрессивизацией и эмоционализацией всех видов современного общения человека – межличностного, группового, институционального, социального, проявляющегося в фонации, просодии, интонации, в лексике, фразеологии и в невербалике, – сила такого влияния значительно увеличивается. Так, в названии книги М. А. Кронгауза “Русский язык на грани нервного срыва” четко обозначена прямая взаимозависимость между психоэмоциональным состоянием коммуникантов и используемым ими языком, который одухотворяется и приобретает состояние, присущее говорящим – быть на грани нервного срыва. Подобное состояние объясняется все увеличивающейся социальной и индивидуальной агрессией во всех сферах человеческого общения. В указанной книге приводится большое количество так называемой бандитской, гламурной и профессиональной лексики, заполнившей коммуникативное пространство русского языка в последнее десятилетие.

В работах Т. В. Лариной, посвященных изучению категории вежливости в языке, освещается коммуникативная роль эмоций, неумение управлять которыми обуславливает значительное число неудач и провалов в общении. Как показывает автор, коммуникативные неудачи во многом определяются эмотивной некомпетентностью говорящих, неразграничением в речи таких модальных категорий, как “хочешь”, “можешь”, “должен”, смешением и неумением вербализовать важнейшие

* Данная статья представляет собой значительную переработку статьи Шаховский В. И. *Что такое эмотивное значение? // Проблемы изучения слова: семантика, структура, форма: сборник научных трудов.* – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1990. – С. 47–53.

социальные ценности, взаимной нетолерантностью. Проводя сопоставление культуры общения русских и англичан, Т. В. Ларина подчеркивает “хмурость” и несдержанность русских в выражении эмоций, асимметрию в соотношении негативной и позитивной лексики современной русской речи, популярность обсценной лексики в ней². На этот факт указывает и специальное исследование М. М. Козыревой, в котором автор обнаруживает популярность мата в современном коммуникативном пространстве и английской, и русской молодежи³.

Напомним, что во времена Ч. Диккенса даже слово *damn* считалось вульгарным, обсценным и потому не печатным. Таким же словом было и *bloody*. И Б. Шоу был первым, кто устами Э. Дулитл, героини бессмертного “Пигмалиона”, со сцены театра королевского театра “Ковент-Гарден” “запустил” в устное обращение это слово, и великосветская публика, особенно леди, с облегчением и удовольствием тут же подхватили его и вслед за профессором Пиккерингом стали “лепить” это слово как эпитет ко всем существительным. В настоящее время оно обесцветилось и превратилось в слабый интенсификатор, на его место заступило слово *fuck* с бесчисленными дериватами. Так, в романе И. Шоу “At the Top of the Hill” персонажами-интеллигентами, журналистами и спортсменами используется более 80 дериватов этого слова. Современные исследователи пишут о распространенности данной единицы в современном англоязычном общении всех социальных слоев, отмечая, что это обсценное слово также употребляется лишь как слабый интенсификатор. Но, к сожалению, в современных русско- и англоязычном социумах существует много других обсценных слов и выражений, которыми не исчерпывается общение и которые делают его вульгарным и даже неэкологичным (см.:⁴).

Неслучайно сегодня со всей серьезностью встает вопрос о необходимости формирования специальных социальных фильтров, которые бы позволяли контролировать поток неэкологичных вербалий и невербалий в публичном общении. Кроме социальных фильтров должны действовать личностные механизмы, саморецензирующие, регулирующие и редактирующие речь каждого говорящего в межличностном, групповом и межкультурном общении. Такие внутренние механизмы должны формироваться у каждого члена говорящего общества вместе с освоением им языка и прививаться с молоком матери. Именно поэтому лингвисты все чаще и чаще поднимают вопрос о важности лингвоэкологического подхода к языковому обучению и формированию коммуникативной компетенции говорящих: экологичный язык – залог развития экологичного интеллекта, экологичной коммуникации, а значит, формирования экологичного климата общения на всех его уровнях.

В экологическую компетенцию современных членов общества необходимо включить знания о самомониторинге общения, об эмотивной просодии как параметре экологичности высказывания и как элементе культуры нации и языка; о ее стилистике как модусе экологичности высказывания и его вариантах в высказываниях с разной коммуникативной целью; о лингвоэкологической этике и о фиксации ее семиотических норм в специальных словарях. В перечень конституэнтов этой компетенции необходимо также включить знание об экологической валентности слова и прежде всего эмотивного, об эгоэкологии и об эмоциональном тьюнинге (адаптирующем коммуникантов к условиям общения и к речевому стилю их партнеров), знание об эмотивности как стартовом механизме процесса смыслопорождения высказывания и его экологическом статусе. Для успешности общения людей друг с другом необходимы также специальные познания о конфликтообразующих ипостасях эмотивного слова и другие обширные знания из сферы конфликтологии как науки о видах деструктивного коммуникативного поведения, о чем в своих работах неоднократно писала Е. С. Кара-Мурза (см., например:⁵).

Важными следует считать не только знания об эмотивном / эмоциональном общении, но и о возможности и необходимости приобретения эмотивной компетенции. Значительный объем таких знаний можно почерпнуть из специальной теоретической литературы по лингвистике эмоций⁶ и ее новому направлению – эмотивной лингвоэкологии⁷, а также из недавно вышедшего в свет первого в истории лексикографии лингвоэкологического словаря⁸, уникального в своей структуре, контенте, в регистрации двух модусов экологичности (подробнее о словаре см.:⁹).

Наиболее интересным в указанном словаре, по нашему мнению, является выделение двух противопоставленных зон экологичности общения и их основных терминопонятий. Приведем примеры представленных в нем лингвоэкологических терминов, отражающих созидательный характер общения: “**Безопасность лингвоэкологическая**” – состояние общественной жизни, которое характеризуется лингвистическим благополучием, возможностью предотвращения языковых аномалий и катастроф, устранения их вредных последствий (с. 16); “**Лингвистическая компетентность**” – владение в качестве индивидуальной (государственной) ценности языковой культурой, влияющей на состояние информационного пространства, здоровье индивида и окружающих людей (с. 56). Не менее значимыми следует считать выделенные в словаре понятия, отражающие аспект лингвоэкологической опасности

коммуникативного поведения: *“Агрессивное поведение”* – нападки на оппонента без учета ситуации и чувств, потребностей или прав объекта нападения (с. 137); *“Детериоризация лингвоэкологической среды”* – ухудшение окружающей человека лингвистической среды (обычно в результате антропогенного загрязнения) (с. 149); *“Синдром лингвоэкологического напряжения”* – комплекс взаимосвязанных симптомов нарушения лингвистической целостности, связанного с этим нравственного самочувствия людей, характерного для зон лингвоэкологического бедствия (с. 183) и др. Термином, объединяющим две названные выше зоны экологичности общения, является термин *“Антропический (антропный) лингвоэкологический фактор”* – воздействие человеческой деятельности на язык и языковую среду, имеющие как положительные, так и отрицательные воздействия (с. 14).

В то же время для экологичного общения одних только знаний недостаточно, необходимы еще умения пользоваться этими знаниями. Более того, знаний и умений тоже недостаточно, необходимы еще и устойчивые навыки в пользовании обширными знаниями о модусе экологичности и его зависимости от сиюминутных эмоций коммуникантов. Сформировать эти навыки через специальные занятия и тренинги практически невозможно, экологичному общению следует учиться в реальной коммуникации и развивать свои коммуникативные навыки в течение всей жизни.

Наблюдения за речевым поведением публичных деятелей показывают, что многие из них, увы, реагируют не на рациональное содержание слов, а на их эмоциональный фон. По словам В. Шендеровича, они понимают только “чувственность”. Значит, надо дать им почувствовать, что они не правы. Для этого язык располагает широкими возможностями: эмотивной интонацией, просодией, лексикой и синтаксисом, другими единицами с “чувственным” компонентом семантики. Некоторые из публичных деятелей в последние годы изъясняются все более эмоционально и агрессивно, не всегда осознавая свою аффективность, но зато мгновенно реагируя на чужую. Тем самым такое общение умножает и без того вредоносное эмоциональное воздействие современной коммуникации, поскольку при этом создается общее эмоционально-напряженное поле с отрицательной энергетикой.

Примером подобного стихийного эмоционального взаимодействия коммуникантов может послужить речевая реакция депутата Государственной думы А. Исаева на публикацию в “Московском Комсомольце” под названием “Политическая проституция сменила пол” (URL: <http://www.mk.ru/specprojects/free-theme/article/2013/03/15/826727-politicheskaya-prostitutsiya-smenila-pol.html>), а также реакция депутата В. В. Жириновского, который назвал эту газету “Нью-йоркским Комсомольцем”, а “Эхо Москвы” попутно – “Эхом Вашингтона”. Другим недавним примером воздействия на ощущения, но уже не политиков, а сотрудников “Аэрофлота”, было эмоциональное высказывание телеведущего Л. Якубовича на неадекватное пятичасовое поведение сотрудников аэропорта, получившее обсуждение как в СМИ, так и в интернете. Только после горячего слова Л. Якубовича сотрудники “Аэрофлота” начали выполнять свои обязанности, объяснять причины задержки самолета, предлагать бесплатно воду измученным долгим ожиданием вылета пассажирам. До этого “чувственного” аффектива Л. Якубовича все попытки рационального воздействия на сотрудников “Аэрофлота” были безуспешными, и только когда были задеты их личные и профессиональные чувства, они адекватно отреагировали на слова и приступили к действиям. Это совсем не значит, что Л. Якубович в своих оценках и стиле коммуникативного поведения был прав, но ему таким образом удалось заступиться за рядовых пассажиров, когда стало понятно, что по-другому воздействовать на персонал невозможно.

Эти и многие другие примеры речевого поведения, ежедневно транслируемые СМИ и обсуждаемые в обществе, показывают, что эмотивы в разных семантических ипостасях все чаще используются в качестве эмоционального аргумента для достижения коммуникативного эффекта, а эффекты общения в значительной степени определяются модусом сиюминутных коммуникативных эмоций. Многочисленные коммуникативные ситуации демонстрируют случаи нервного срыва как у пользователей языка, так и у самого языка, настойчиво указывают на необходимость перемещения проблемы экологичности языка в центр исследовательской тематики и практических действий представителей науки, общественных организаций, правительства, профессиональных корпораций и отдельных граждан. Именно поэтому для решения проблемы сбалансированного эмоционального модуса экологичности общения в обществе носителям языка необходимо иметь представление об эмотивной семантике слова, его эмотивном потенциале, контенте и функциональных вариантах.

Вопрос о том, что понимать под эмотивным значением единиц языка, до сих пор является дискуссионным в науке. Определение этому сложному понятию в разное время пытались сформулировать многие ученые: А. А. Потебня считал все языковые значения способом представления внеязыкового содержания. В данном случае таким содержанием является аффект, а содержанием самого значения – обобщенное отражение этого аффекта в слове. Некоторые ученые возражают против

подведения эмотивного значения слова под какое-либо понятие. С. Б. Берлизон определяет эмоциональное значение как “своеобразный компонент смысловой структуры слова, реализующий эмоцию, а не понятие о ней и позволяющий выражать (но не обязательно вызывать) различные эмоции и эмоциональную оценку”¹⁰. Ч. Огден, А. Ричардс, У. Эмпсон относят междометия, бранную и ласкательную лексику, инвективы (нецензурные слова) и другую лексику, непосредственно выражающую эмоциональные состояния (без их называния), к непонятной на том основании, что сами эти состояния непонятны. Перечисленные категории слов, по их мнению, никаких понятий вне контекста вообще не передают и не представляют (ср.:¹¹). По нашему мнению, однако, если бы все эмотивные значения были оторваны от понятий и не представляли их ни в одном из своих слагаемых, они вряд ли были бы семантизированными и кодированными в словарях, а следовательно, и общепонятными. Ср. кодифицированные эмотивные значения у выражений типа “*Кошмар!*”, “*Ужас!*” с абсолютно личностными, закрытыми для других коммуникантов аффективными смыслами выражений типа “*Убиться веником!*”, “*Застрелиться и не встать!*”, “*Кино и немцы!*”, “*Блин горелый!*”. Такими примерами могут служить и личностные аффективы Элочки Людоедки – персонажа известного романа Ильфа и Петрова: например, “*Мрачный!*” (по отношению ко всему: “*мрачный кот*”, “*мрачный случай*”), “*Мрак!*”, “*Жуть!*”, “*Жуткий!*” (“*жуткая встреча*”), “*Знаменито!*” и др. Э. С. Азнаурова пишет, что эмоциональное значение может быть определено как “лингвистическое образование, входящее в семантическую структуру слова в качестве одного из ее компонентов (выделено нами. – В. Ш.), выражающее эмоциональное отношение носителя языка к соотносительному со словом понятию или предмету”¹².

Много сделали для разработки общей теории эмотивного значения Ч. Стивенсон¹³ и Э. Станкевич¹⁴. Ч. Стивенсон понимал под эмотивным значением любое языковое выражение с целью психологического эффекта на слушателей. Другими словами, эмотивное значение равно эмоциональному эффекту слова. Такое мнение можно и должно оспаривать, так как, с одной стороны, эмоциональный эффект могут производить на получателя и неэмотивные слова. С другой стороны, одни и те же эмотивные слова могут производить (или не производить) эмоциональный эффект на разных получателей в зависимости от ряда условий по-разному. Возражение вызывает и то, что Ч. Стивенсон все виды эмоционального эффекта слова и языковых выражений объясняет только эмотивным значением, при этом им не разграничиваются случаи типа *home* (вызывание словом приятных ассоциаций), *nazi* (вызывание словом неприятных ассоциаций), *I loved you then* (описание своего прошлого переживания), *How awful!* (выражение своего эмоционального отношения) (более подробный обзор концепций см.:¹⁵).

В приведенных определениях, при всей их глубине и объективности, не учитывалось, что эмотивная семантика языковых единиц неоднородна, не принималось во внимание наличие у слов эмоциональной коннотации, игнорировался тот факт, что все эмотивные компоненты семантики так или иначе опосредуются как минимум эмоциональными представлениями, и именно поэтому любое вербальное выражение эмоций имеет определенную содержательно-концептуальную базу. В то же время для ученых уже давно является несомненным само существование эмоционального феномена в языковой семантике, который необходимо учитывать и с которым нужно считаться: “Отрицать наличие эмоций в языке – значит вступать в противоречие с совершенно очевидным фактом”, – писал В. В. Виноградов¹⁶.

Приведенные выше рассуждения направлены на то, чтобы подтвердить следующую мысль: в языке как результате опосредования, “переработки” эмоций, несомненно, есть эмотивная разновидность семантики, которая неоднородна. Среди различных видов этой семантики есть эмотивное значение. В этом случае эмотивность является самостоятельным содержанием слова или высказывания, а их денотатом / референтом – выражаемая эмоция. Таким образом, можно говорить о специфике эмотивного значения в следующем плане: его специфическим денотатом является выражаемая эмоция; оно не поддается такому четкому и конструктивному определению, как логико-предметное значение, поскольку процесс перехода одного качества признаков (предметного) в другое (понятийное), а этого последнего – в третье качество (семантическое) в случае эмотивного значения идет по явно укороченной программе. В его формировании участвует меньшее количество предметных признаков, с меньшей долей их объективности, с большими границами охвата референтов и пр.

В связи с многообразием проявления эмоций в языке мы предложили свою концепцию эмотивного значения, разграничив описание и выражение эмоций и соответственно – дескриптивное значение, эмотивное значение и эмотивную коннотацию слова. Так, выражения типа *How disgusting!* (*wonderful, charming, etc.*); *Rats! That's horrible!* (*terrible, splendid*) используются не для регистрации и констатации рациональных дескрипций, а для выражения эмоций говорящих; т. е. их эмоциональных состояний и эмоциональных отношений. Эмотивное значение – единственное содержание аффективного слова или высказывания, других компонентов в их семантике нет, в отличие от коннотации, которая является

“эмоциональной добавкой” к логико-предметному содержанию слова или высказывания. Ср.: “фу”, “ого”, “увы” (междометия), “душенька”, “голубушка”, “золотце” (аффективные адресативы), “общага”, “хайло”, “канючить” (коннотативы и аффективы речевые). Одним из следствий неадекватного объяснения механизма семантических изменений в языке сторонниками эмотивизма явилось их утверждение, что метафора не обладает ясным когнитивным значением, так как она связана с эмоциями¹⁷. Ошибочность такого утверждения, а также других типов эмоционального переосмысления и обогащения семантики сегодня очевидна¹⁸. Например, в английском языке с некоторых пор для обозначения подростков стало употребляться слово *teen-ager* после того, как его логический эквивалент *juvenile* приобрел неодобрительную эмоциональную коннотацию за счет контекста *juvenile delinquent / delinquency* (“подросток-преступник”, “подростковая преступность”).

Если учесть, что эмотивное значение можно определить как означивание лексического или синтаксического опосредования (т. е. языковой переработки эмоций), получающее статус денотации, если считать язык практическим, действительным сознанием, а понятие формой мышления, имеющим “разновидность в силу потребностей практической деятельности людей”¹⁹, а также, приняв во внимание коммуникативную функцию эмоций, их тесную связь с мышлением и их сопряженность с представлениями и понятиями, то естественно признать, что любое слово потенциально является эмоционально “нагруженным” как для говорящего, так и для адресата речи²⁰.

У всякого эмотива есть две стороны: сторона говорящего (выражение эмоций) и сторона воспринимающего (высказывание эмоций). Эмотивное содержание высказываний и целых текстов вырабатывается с учетом представлений об обобщенной эмотивной семантике и о совокупности коннотаций, имеющих в сознании коммуникантов и закрепляющихся в общественном сознании носителей языка. В качестве примера неэкологичной коммуникации, рассчитанной на эмоциональную реакцию адресатов, приведем провокационный текст наружной рекламы клуба “Родина” в Екатеринбурге “Продаем Родину”, “60 000 за метр Родины” (пример из²¹), который вызвал бурю негодования и возмущения у жителей города и гневную дискуссию в интернете и в СМИ. Экологичность любого текста определяется системой ценностей, совпадающей или расходящейся у его авторов и получателей. Указанная реклама носила неэтичный (циничный) характер, т. к. она смещала представления о социальных ценностях, нарушала нормы морали и содержала текст, оскорбляющий патриотические чувства граждан.

Следует отметить, что данная скандальная реклама оказалась эффективной для продавцов клуба, которым удалось продать значительную часть площадей, в том числе благодаря достижению пристрастного (положительного и отрицательного) отношения к рекламе со стороны всех ее потенциальных читателей. Данный факт основан на возможности использования эмотивов не только как механизма выпуска “эмоционального пара” (неориентированное выражение эмоций), но и как сознательного приема воздействия на сознание получателя информации (ориентированное выражение эмоций), основанного на объективных, социально закрепленных компонентах эмотивной семантики и субъективных коннотациях.

Известно, что человек способен также к словесной симуляции эмоций, и если она искусна и незаметна для получателя, то ее восприятие может быть динамически эквивалентным псевдоэмоциональному намерению ее отправителя. Другим видом сознательного формирования эмотивного значения высказывания является вербальная имитация эмоций, которая наблюдается, например, при исполнении актером той или иной эмоциональной роли, которой зрители или слушатели верят и которой “заражаются”, так как у них при этом возникает соответствующее (ожидаемое) эмоциональное сопереживание. Понимание вербально выраженной (истинной или мнимой) эмоции основано на знании получателем того содержания, которое несут знаки-эмотивы, и на предшествующем опыте коммуникантов, в том числе на их видовом эмоциональном опыте. Все эти регулятивные возможности эмотивной семантики используются в практике современного общения.

Существование примеров коммуникативных ситуаций “нервного срыва” не только в рекламном дискурсе, но и в других сферах речевого взаимодействия людей, объясняется недостаточной изученностью и сложностью однозначного определения параметров экологичности коммуникативного поведения, эмотивного значения, эмотивной валентности языковых знаков в бесчисленных эмоциональных ситуациях, а также отсутствием должного внимания к проблеме лингвоэкологии. Как нам представляется, начинать решение этой проблемы необходимо с изменения соотношения между негативной и позитивной информацией в коммуникативном пространстве общества и изменения форм общения.

Пожалуй, уже всеми осознается, что объем негативной информации в сфере СМИ и других видах публичного и индивидуального общения превышает все допустимые для психики человека нормы. Все

чаще в социальных и межличностных сферах возникают примеры так называемого синдрома эмоционального выгорания коммуникантов, все чаще публично выражается идея о необходимости уменьшения негативной (а значит, неэкологичной) информации (прежде всего в СМИ). В начале 2013 года депутатом О. Л. Михеевым от города Волгограда был внесен в Государственную думу законопроект о нормах соотношения негативной и позитивной информации в публичных сферах – 30 % и 70 % соответственно. Эту же цель преследует и создание так называемого общественного телевидения России (ОТР), которое по замыслу его авторов должно будет передавать позитивную развлекательную информацию, не будет содержать никакой рекламы, раздражающей телезрителей. Предпринимаемые меры свидетельствуют о том, что общество начинает осознавать значимость эмотивной коммуникации и искать пути ее решения.

Как известно, эмоции семиотичны, консервируются в языковых знаках и прежде всего в слове. Кодифицированность вербальной эмоции предполагает закрепление достаточно определенного для данного языкового социума эмотивного содержания за тем или иным языковым знаком. Эмоциональная семантика языковых единиц “упакована” в лексических синтаксических структурах, предназначением которых является выражение эмоций говорящего и / или эмоциональное воздействие на слушающего. При этом эмоциональное отношение или состояние говорящего как предмет лингвистического обозначения особого типа является не одиночным (индивидуальным) фактом эмоционального переживания, а обобщенным, т. е. типизированным видовым представлением “категорий из области социально-психической деятельности носителей языка”²².

Важнейшим из видов такой деятельности является эмоциональная интерпретация мира и ее отражение в его языковой картине с помощью эмотивной семантики, в том числе и эмотивного значения. В ответ на слова Галилео Галилея, приведенные в эпиграфе к данной статье, можно сказать, что, к огромному сожалению, не только все великое свершается с пристрастием, но и все мелкое свершается с не меньшим пристрастием современным homo sentiens, который все менее и менее похож на homo sapiens. Современное агрессивное общение способствует негативной интерпретации мира, а языковые средства своей эмотивной семантикой моделируют негативную языковую картину мира. Вот почему феномен эмотивного значения продолжает оставаться актуальнейшей проблемой антропологистики, когнитивистики, а теперь и эмотивной лингвоэкологии.

¹ См.: Кононова И. В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Санкт-Петербург, 2010; Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. URL: <http://bookz.ru/authors/maksim-krongauz/russkii-377.html>; Ларина Т. В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. – М.: Языки славянских культур, 2013; Шаховский В. И. Модус экологичности в эмоциональной коммуникации // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография. – Волгоград: Изд-во ВГПУ “Перемена”, 2013. ² Шаховский В. И. Русский мат как коммуникативная “приправа” // Шаховский В. И. Голос эмоций в языковом круге homo sentiens. – М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2012. – С. 112–123. Далее в тексте: Шаховский, 2012. ³ Козырева М. М. Общественная лексика в речи образованных носителей английского и русского языков: функционально-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2013. ⁴ Шаховский, 2012. ⁵ Кара-Мурза Е. С. Лингвоконфликтология: основные понятия и вузовские варианты // Журналистика и культура русской речи. Научно-практический журнал. – 2011. – № 2 (58). – С. 64–79; Продолжение. – № 3 (59). – С. 54–73; Заключение. – № 4 (60). – С. 64–79. ⁶ Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. – М.: Гнозис, 2008. ⁷ Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография. – Волгоград: Изд-во ВГПУ “Перемена”, 2013. ⁸ Сущенко Е. А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / Под ред. докт. пед. и филос. наук, профессора Л. Г. Татарниковой. – СПб.: ИД “Петрополис”, 2011. ⁹ Шаховский В. И., Штеба А. А. Сущенко Е. А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / Под ред. докт. пед. и филос. наук, профессора Л. Г. Татарниковой. – СПб.: ИД “Петрополис”, 2011. – 424 с. (рецензия) // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – Киев, 2013. – № 1. – С. 69–72. ¹⁰ Берлизон С. Б. Эмоциональное значение – особый компонент смысловой структуры ФЕ // Вопросы лексико-семантической системы языка: тез. докл. – К., 1971. – Ч. 1. – С. 57. ¹¹ Шаховский В. И. Соотносится ли эмотивное значение слова с понятием? // Вопросы языкознания. – 1987. – № 5. – С. 47–58. Далее по тексту – Шаховский, 1987а. ¹² Азнаурова Э. С. Очерки по стилистике слова. – Ташкент, 1973. – С. 113. ¹³ См.: Stevenson Ch. L. Meaning: Descriptive and Emotive // The Philosophical Review. – 1948. – Vol. XLVII. – № 2; Stevenson Ch. L. Some Pragmatic Aspects of Meaning // Reading in Semantics. – Illinois, 1974. – P. 17–25. ¹⁴ Stankiewicz E. Problems of Emotive Language. “Approaches to Semantics” / ed. by Th. A. Sebok, Monton and Co. – London, 1964. ¹⁵ Шаховский, 1987а. ¹⁶ Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Тр. ин-та рус. яз. – М.; Л., 1950. – Т. 2. – С. 2. ¹⁷ Жоль К. К. Мысль. Слово. Метафора: Проблемы семантики в философском освещении. – Киев, 1984. – С. 95. ¹⁸ Шаховский, 1987а. ¹⁹ Чесноков П. В. Логические и семантические формы мышления как значения грамматических форм // Вопросы языкознания. – 1984. – № 5. – С. 3. ²⁰ Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987. ²¹ Кара-Мурза Е. С. Юридизированные эмоции как причины и последствия речевых конфликтов // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография. – Волгоград: Изд-во ВГПУ “Перемена”, 2013. ²² Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принципы социологического описания лексики. – М., 1986. – С. 96.

О. С. Иссерс (Омск)

ДИСКУРСИВНЫЕ ИГРЫ “БОЛОТНОГО ПЕРИОДА”

Статья посвящена анализу дискурса о современном гражданском обществе в России. Обсуждаются приемы языковой игры, а также “ключевые слова текущего момента”. Источником материала стали публикации в СМИ и блогах периода митинговой активности в конце 2011 – первой половине 2012 гг. Привлекаются примеры из лингвистических проектов “Русское слово 2012” М. Эпштейна и “Пресс-слово года”. Автор приходит к выводу, что речевое творчество политической оппозиции в России есть индикатор конкуренции интерпретаций, или “борьбы дискурсов”.

Ключевые слова: дискурс, языковая игра, политическая оппозиция, Болотная.

Статтю присвячено аналізу дискурсу про сучасне громадянське суспільство в Росії. Обговорюються прийоми мовної гри, а також “ключові слова поточного моменту”. Джерелом матеріалу стали публікації у ЗМІ та блогах періоду мітингової активності в кінці 2011 – першій половині 2012 рр. Розглянуто приклади із лінгвістичних проектів “Російське слово 2012” М. Епштейна та “Прес-слово року”. Автор приходить до висновку, що мовленнєва творчість політичної опозиції в Росії є індикатором конкуренції інтерпретацій, або “боротьби дискурсів”.

Ключові слова: дискурс, мовна гра, політична опозиція, Болотна.

The paper focuses on discourse analysis of the modern Russian civic society. The linguistic games on political stage are discussed. “Key words of current moment” are also analyzed. The sources of the research are Mass media publications and blog’s materials on meeting activity of the end of 2011 – first half of 2012. Linguistic projects “Russian word 2012” by M. Epshtein and “Press-word 2012” are also reviewed. The author concludes that speech creative of political opposition in Russia is the indicator of interpretation’s competition, or “the fight of discourses”.

Key words: discourse, language game, political opposition, Bolotnaja.

Развитие гражданского общества и попытки построения полноценного общественного диалога в России в явной и скрытой форме обнаруживают т. н. “борьбу дискурсов” (термин Н. Фэркло). Она проявляется в том, что определенный дискурс конкурирует с другими дискурсами, претендующими на то, чтобы по-иному описывать реальность и устанавливать другие принципы социальной практики. Там, где сталкиваются дискурсы, могут возникать “конфликты интересов”, вплоть до антагонизма. Как правило, они разрешаются через “артикуляцию с помощью силы”: один дискурс удаляет через интервенцию другой¹. Будет преувеличением считать, что эта интервенция всегда происходит в рамках доминирующей идеологии и под контролем структур власти. Носители языка могут принимать или отвергать какие-либо значения даже тогда, когда они не осознают идеологической сущности своей практики. Как отмечал Н. Фэркло, “субъекты позиционированы идеологически, но они также **способны действовать креативно** (здесь и далее выделение мое – О. И.), создавая свои собственные связи между разнообразными практиками и идеологиями, действию которых они подвергаются, а также **преобразовывать эти практики и структуры**”².

Борьба дискурсов разворачивается вокруг идей, которые становятся своеобразными символами Добра и Зла, фокусирующими наиболее актуальные для общественной жизни проблемы. Вокруг них формируются не только дискуссионные, проблемные, но и дискурсивные поля. Меняющиеся на наших глазах речевые практики (или “способы говорения”), в свою очередь, отражают процессы индивидуального и массового сознания.

В этом смысле показательным представляется анализ конкурирующих в общественно-политической жизни России дискурсов – власти и оппозиции, а также наблюдения за дискурсивными практиками “разговоров об оппозиции”.

“Голос оппозиции” демонстрирует иную – по сравнению с официальной – систему значений и смыслов, иную интерпретацию событий и фактов и, следовательно, обнаруживает попытки критического осмысления и языковых фактов, и социальных реалий. “В общественном и политическом вакууме 2000-х годов вся скрытая энергия российского бытия, вся тоска по смыслу и воля к смыслообразованию стали опять переходить в язык, в языкотворчество, потому что больше им просто некуда было деться”, – заметил автор проекта “Слово года” М. Эпштейн³. На наш взгляд, это можно отнести к проявлениям креатива в широком смысле – и языкового, и социального.

Наша задача – проследить, какие дискурсивные элементы “артикулируются” по-новому, как в современном русскоязычном дискурсе идет борьба относительно их значения, какие лексические новообразования отражают “текущий момент”.

Материал собран из нескольких источников.

Во-первых, это лексика, выявленная по результатам проекта М. Эпштейна «Слово года» и проведенного компанией Public.ru исследования «Пресс-слово года»⁴.

Проект М. Эпштейна стартовал в России в 2007 году. Это продолжение международной традиции: в США подобные «выборы» проходят с 1990 года. Суть его довольно проста. Это взгляд на языковую жизнь российского общества, ограниченную четкими календарными рамками одного года: по нескольким словам можно судить о том, какова была атмосфера того времени. Отбор проходит через социальную сеть Facebook, где выбирают **неологизм года** и **слово года**. После того как примерно 300 человек предложат свои слова года и неологизмы, экспертный совет (филологи, лингвисты, писатели, журналисты, культурологи) выбирает «лидеров» по пятибалльной системе.

Как отмечает организатор конкурса Михаил Эпштейн, 2012 год оказался самым щедрым на новые слова и выражения с тех пор, как проводится этот конкурс. За все нулевые годы (а может, и со времен перестройки) в язык не входило сразу так много понятий, прежде всего общественно-политических⁵.

Проект «Пресс-слово года 2012» реализовала компания Public.ru. С помощью собственной системы медиапоиска и анализа (более 4000 СМИ) аналитики постарались зафиксировать неологизмы, авторскую креативную лексику и вернувшиеся обратно в активное употребление редко используемые слова и термины, на основании чего был составлен рейтинг «Пресс-слово года 2012». Для целей нашего исследования оба проекта, несомненно, представляются актуальными источниками.

Во-вторых, в материал включено «плакатное творчество» протестного электората Москвы и крупных городов в период думской и президентской выборных кампаний в конце 2011 – начале 2012 гг. В настоящее время тексты плакатов и лозунгов оппозиции собраны в виде своеобразных Интернет-коллекций (<http://www.openspace.ru>, www.publicpost.ru и др.), которые достаточно репрезентативны для анализа данного жанра⁶.

В-третьих, это материалы, извлеченные из блогосферы, поскольку в «новых» медиа нередко рождаются и шлифуются новые социальные и языковые феномены. В источниковую базу вошли примеры из российских блогов (портал «Эхо Москвы» – <http://www.echo.msk.ru/blog>, социальная сеть «Макспарк» – <http://maxpark.com>, «Живой Журнал» – www.livejournal.com и некоторые другие)⁷.

Наконец, еще одним источником исследования стали публикации в СМИ, связанные с митинговой активностью конца 2011 – первой половины 2012 гг.

В новейшей политической истории России и стран ближнего зарубежья, как и в дискурсе постсоветских десятилетий, можно отметить одну важную особенность. Еще в середине 90-х гг. исследователи зафиксировали изменение тональности протестных выступлений⁸. М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова, анализируя коммуникативную и языковую природу лозунгов и плакатов того времени, обратили внимание на такой факт: речь на митингах уже тогда значительно отличалась от публичных выступлений застойных лет и включала в себя не только и не столько речь публичную, ораторскую, но и различные микродиалоги, а также традиционные народно-площадные жанры (частушки, прибаутки, острословицы)⁹.

Всплеск митинговой активности 2011–2012 гг., продолжая наметившуюся линию карнавализации политической жизни, продемонстрировал формирование новых дискурсивных практик и коммуникативных игровых приемов. Через них становятся понятными многие социальные изменения, произошедшие в России 2000-ных.

В качестве гипотезы мы рассматриваем идею о том, что в целом «воля к смыслообразованию» и «языкотворчество» являются дискурсообразующими установками для рассматриваемого материала (при всей его разноплановости). Именно это обуславливает широкое использование различных приемов языковой игры на разных уровнях.

Основной интенцией, определяющей специфику современного дискурса оппозиции, можно считать стратегию дискредитации политического оппонента, причем с установкой на комический и – точнее – сатирический эффект. В дискурсивных политических тактиках нового века ценится не агрессия, а – прежде всего – чувство юмора¹⁰. В частности, остроумие явилось доминантой оппозиционного плакатного дискурса, предметом своеобразной конкурентной борьбы, средством выделения из толпы. Плакат стал актом самовыражения – но не стихийного, в отличие от событий 90-х гг., а организованного.

Для понимания специфики современного языка оппозиции актуально, что в дискурсивном пространстве митинга находят применение речевые тактики, свойственные рекламному дискурсу. В частности, одним из мощных ресурсов лингвистического креатива на лексическом уровне являются многозначные слова, омонимы, паронимы¹¹. Полисемантические свойства языковых единиц активно эксплуатировались авторами протестных текстов, намеренно актуализирующих столкновение значений

многозначного слова. Так, лозунг митингующих “*Вы нас даже не представляете!*”, по результатам проекта М. Эпштейна, победил в номинации “выражение 2012 года”.

Столкновение различных грамматических форм в пределах одного высказывания было описано Е. Н. Ремчуковой как прием грамматического контраста¹². Его цель – актуализировать значение грамматических форм, которое в условиях их сопоставления становится прагматически значимым. Текст на плакате оппозиционеров “*Выборы с выбором!*” обретает идеологическую направленность ввиду противопоставления формального и реального гражданского права оппозиции высказывать свои электоральные предпочтения.

Паронимическая аттракция

Одним из традиционных приемов языкового творчества является актуализация внутренней формы и **прием паронимической аттракции**¹³. Подобные оценочные новообразования, построенные на основе сходства в звучании отдельных компонентов двух “сближаемых” слов, очень характерны для социальной критики: они высвечивают наиболее острые проблемы общественной жизни. В 90-х гг. в фокусе общественного внимания были *прихватизация* и *прихватизаторы*, *демокрады*, *дерьмократы* и др.¹⁴. В 2011 г. в лидерах “Слов года” зафиксированы *здравохоронение*, *извирательная кампания*.

Дискредитирующий потенциал паронимической игры обнаруживается в шуточном названии политической партии – “*Киприоты России*”, отсылающем к прототипу – партии “Патриоты России”. Намек на несоответствие декларируемых и истинных ценностей ее лидеров содержится в имплицитной отсылке к мошенническим схемам приобретения капитала путем ухода в оффшорные зоны (одна из них – Кипр).

В плакатном творчестве митингующих в 2011–2012 гг. источником подобных окказионализмов нередко являются аллюзии на известных политических деятелей: “*Остопутело!*”; “*Небольшая путиница в протоколах. В целом – все очуровательно!*” (Владимир Чуров – председатель Центральной избирательной комиссии).

Данный прием использования антропонимов не нов как в художественной, так и в публицистической речи. Исследователи отмечают, что в постперестроечный период собственные имена политических и общественных деятелей порождали целые серии производных разнообразной семантики и структуры. Так, ключевое имя собственное 90-х годов – *Ельцин* – стало основой для производства разнообразных окказионализмов – от иронических *ельцинолюб*, *ельцинофобия* до уничижительных *ельциноголовые интеллигенты* и *ельциноиды*¹⁵. Искаженные имена политических лидеров активно использовались в оппозиционной прессе как своеобразные “обзывалки”: *Чубаучер (Чубайс)*, *Черномырдная рябина (Черномырдин)*, *Пол таранил (Потаранин)* и др.¹⁶.

Традиция “антропонимических игр” с именами политических противников продолжается и в настоящее время: “*Созывали силком. Любви к «лидеру» это не добавляет, как раз наоборот. Чем дальше, тем больше старания теперь володинских сурков наводят уныние и неприязнь к такой заботе. Может, от избытка дармовой водки у путиниц в глазах задесятерилось?*” (ЖЖ).

Аллюзия на бывшего вице-премьера правительства Владислава Суркова, которого считали главным идеологом Кремля, и одного из функционеров “Единой России” В. Володина достаточно очевидна – так же, как и внутренняя форма именования последователей партийного лидера.

В то же время в целом, как нам представляется, в современном дискурсе оппозиции языковая игра имеет не столь агрессивную форму, как в 90-х гг., хотя ее уничижительная иллюкутивная сила отнюдь не меньше.

Заметим, что различные приемы паронимических и окказиональных игр с внутренней формой слова использовались, на наш взгляд, как сигнал именно мирного характера протеста, чтобы снять жесткость прямых обвинений в адрес властей.

“Политическая дериватология”: контаминация и другие модели

Наиболее яркие примеры “нового русского слова” (в том числе и по данным проекта Михаила Эпштейна) построены на основе **контаминации** – т. н. “междусловного наложения”¹⁷. В. К. Харченко относит данный прием к проявлениям компрессии – сжатия речевых форм. “Как средство языковой игры, контаминация захвачена публицистическим дискурсом” (*мавродики, зряплата*)¹⁸.

Наблюдения за функционированием слов-гибридов в политической риторике постсоветского периода показывают их активное использование в стратегии дискредитации политического противника: *гайдарономика* (калька с популярного в США в 70–90 гг. *рейганомика*, *клинтономика*), *демунисты* (наложение слов *демократы* и *коммунисты*), *коммунофашизм*, *иудоккоммунисты* (примеры Е. А. Земской и Е. В. Какориной).

Потенциал этой словообразовательной модели (во всех ее вариациях) оказался востребованным и в риторике “текущего момента”: “*Тандемократы, уйдите по-хорошему*” (плакат).

Контаминационная и другие словообразовательные модели в политическом дискурсе нередко востребованы в целях обозначения роли общественных и государственных деятелей, персонификации их ответственности за те или иные события, процессы. В 90-х годах было популярно слово *чубаучер* (приватизацию и ее инструмент – ваучеры – связывали с именем А. Чубайса), зафиксировано *ГКЧПуга* (от ГКЧП и фамилии одного из инициаторов путча – Пуго) (примеры Е. А. Земской). В 2011–2012 гг. высока была роль председателя Центральной избирательной комиссии В. Чурова. Социальная оценка его действий в оппозиционном дискурсе закрепилась в словосочетаниях, построенных на аллюзиях: *чуровщина года* и *чурова победа*.

В последние годы в “политических”okkaционализмах актуализируется ответственность президента России В. В. Путина. Так, Поклонная гора в противовес митингам на Болотной и Сахарова собрала свое сообщество – тех, кто выступал против угрозы “оранжевой” революции и активно поддерживал кандидатуру В. В. Путина на предстоящих президентских выборах. Именно поэтому митинг на Поклонной горе, как и все последующие провластные акции, получил забавное название *путинг*.

Ярким примером быстроты персонифицированной языковой реакции на события общественной жизни может служить следующий факт. Весной 2013 г. известный французский актер Ж. Депардьё, уходящий от налогов в своей стране, обратился к Президенту России с просьбой о получении российского гражданства, что активно обсуждалось в прессе и блогах. В результате его просьба была удовлетворена, более того, ему было предоставлено элитное жилье. Язык отреагировал стремительно, обозначив подобные действия *депардьироваться*.

Лингвисты-эксперты, выбиравшие “слово 2012”, отмечают удивительную тесноту семантического ряда: “чувствуется сфокусированность, плотность политического сознания, которая отражает произошедшие события года”¹⁹. В списке наиболее актуальных слов прошлого года, образованных по модели контаминации, есть *религархия*, обозначающая сращение религии и политики во властных структурах. К этому же семантическому полю, отражающему реалии политической жизни, относится *кривосудие*. Иронический скепсис по поводу технологического прорыва России, провозглашенного экс-президентом Д. А. Медведевым, отразился в “слове 2011” – *нанопрезидент*.

Нужно сказать, что большая часть лексических единиц, отмеченных в проектах Михаила Эпштейна и Public.ru как “неологизмы года”, появилась не за счет заимствований, а на исконно русской почве: слова образованы из морфем русского языка, построены по его словообразовательным моделям. Первую премию на конкурсе неологизмов года получило слово *молчевидец* (автор Отар Бежанов) – ‘тот, кто видит, но молчит’. Отмечены также *ропщественность* (‘приглушенное возмущение’), *всегодняй* (*негодняй* – ‘тот, кто никуда не годится’, а *всегодняй* – ‘тот, который всегда и на всё способен, и на хорошее, и на плохое’). Даже из этого небольшого списка видно, насколько сильным воздействующим потенциалом обладает словообразовательная модель контаминации.

Существенно, что оценочность неологизмов – 2012 не ограничивается критикой политического противника – она может выражать насмешку, самоиронию над измелечанием человека, личности: *мелкомученик*, *бессмыслец*, *комфорточка*. “Свобода в России заканчивается самоиронией”, как верно подмечено журналистом А. Архангельским²⁰.

По словам года можно наблюдать не только лексические новации, но и словообразовательные тенденции. Так, отмечена активность морфемы *-фиг-*, которая выражает равнодушие и наплевательство (сравните с *-фил* и *-фоб*). Можно высказать предположение, что в наше время растущего “пофигизма” этот смысл нуждается в регулярном выражении: наплевательское отношение к обществу – *социофигия*, к политике – *политофигия*, к культуре – *культурофигия*, к самому себе – *эгофигия*. Зафиксирован также экспрессив *шизофигия*, который, на наш взгляд, не нуждается в комментариях.

Картина “политического словообразования” была бы неполной без нарицательных имен лиц – участников активных политических действий. Как отмечено еще в 90-х годах Е. А. Земской, “герой современного словообразования – человек”²¹. Именно поэтому наиболее активны такие разряды наименований, которые отражают социальные новации. Протестные акции 2011–2012 гг. внесли свой вклад в состав “нового русского словаря”: *белоленточник* (сторонники оппозиции в знак мирного характера протеста носили на груди белые ленточки), *кошунники* и *кошунницы* (солистки группы Pussy Riot, устроившие панк-молебен в храме Христа Спасителя), *болотник* (тот, кто протестовал на Болотной площади), *карусельщик* (участник фальсификационных действий с открепительными талонами на выборах – *карусели*), *нашист* – сторонник провластного движения “Наши” (примечательно, что эта же лексема использовалась в украинском политическом дискурсе для обозначения членов партии “Наша Украина”)²².

А дальше на уже подготовленной почве, естественно, начинаются разговоры, что на Сахарова пришли «новые буржуа», не имеющие отношения к российскому народу. В этом утверждении **нашисты, коммунисты и жириновцы едины** (Григорий Меламедов, политик).

Иллюстрацией взрыва словообразовательной активности под влиянием политических процессов может быть одно из самых резонансных событий 2012 года – вынесение обвинительного приговора участницам панк-группы Pussy Riot (58 144 упоминаний в СМИ в 2012 году). Оно вызвало не только колоссальный общественный резонанс в России и за ее пределами, но и привнесло в речь и тексты средств массовой информации множество новообразований – производных от названия панк-группы по самым разнообразным моделям. Кроме стандартного суффиксального деривата *пуссинисты*, зафиксированы *пущироты* (защитники и сочувствующие, паронимически ассоциирующиеся с патриотами, они же *пущканутые*), пренебрежительное *пущки*, контаминированные образования (*пущистерия*, *пущирайтгейт*), образованное за счет приема “рифмованного эха” *братцы-пущиратцы* и др.

Как показали наши наблюдения, “разговоры об оппозиции” и “оппозиционный” дискурс отражают и специфику общественного диалога в России, и креативный потенциал его субъектов. Анализируя материалы, трудно не согласиться с оптимистическим мнением Михаила Эпштейна: “Начался процесс сознательного возвращения в родной язык, оживление вкуса к языкотворчеству, словотворчеству. Этот процесс можно назвать *воязыковлением* – по сходству с воцерковлением. <...> Мы возвращаемся уже взрослыми в тот язык, которому принадлежим по факту рождения в нем, и уже сознательно участвуем в его обрядах. Заново открываем смысл в тех словах, правилах и грамматических структурах, которые раньше употребляли автоматически, по привычке. Воязыковление – это обратное вхождение в язык всех выходцев из него, готовность сомыслить и сотворить ему, выращивать новые, живые побеги на его заскорузлых корнях”²³.

“Борьба дискурсов”, которую мы наблюдаем в современной России, проявляется не только в конкуренции обозначений реалий политической жизни, но и в языковой игре, отражающей базисные установки членов социума. Это подтверждает идею о том, что речевые практики не пассивно реагируют на социальные сдвиги, а активно формируют новые способы коммуникативного взаимодействия в обществе. Они способствуют тому, чтобы на смену доминированию одного дискурса пришло понимание права всех членов общества участвовать в формировании новых смыслов и идентичностей. На основе наблюдений за развитием новых прагматических значений, созданием новых единиц политического словаря можно диагностировать попытки построения двустороннего и равноправного публичного диалога. Это дает надежду, что потенциал творческого развития и совершенствования социальной и языковой систем послужит основой для построения общественного диалога и – как его следствие – социального согласия.

¹ Йоргенсен М. В., Филипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков, 2008. – С. 90–94. ² Fairclough N. Discourse and Social Change. – Cambridge: Polity Press, 1992. – № 1. – С. 33–41. ³ Цит. по: Архангельский А. “Язык политизируется там, где отсутствует политика” // Огонек. – 2012. – № 51. Далее – Архангельский 2012. ⁴ Пресс-слово года 2012. URL: www.public.ru/press-word2012 (Дата обращения 10.06.13). ⁵ Архангельский 2012. – С. 20. ⁶ См. об этом подробнее в работе: Иссерс О. С. Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени. – Омск, 2012. ⁷ Источники примеров из “Живого журнала” документируются “ЖЖ”, поскольку многие авторы выступают анонимно (под никами). ⁸ Баранов А. Н. Языковые игры времен перестройки (Феномен политического лозунга) // Русистика. – 1993. – № 2; Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000 и др. ⁹ Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. “Свое” – “чужое” в коммуникативном пространстве митинга // Русистика сегодня. – 1995. – № 1. – С. 93–116. ¹⁰ Ср. интолерантность политической риторики в массмедийном дискурсе Украины, отмечаемую в работе: Кудрявцева Л. А. Медиадискурс “посторанжевой” Украины // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М., 2010. – С. 126–127. Далее – Кудрявцева 2010. ¹¹ Гридина Т. А. Языковая игра: стереотипы и творчество. – Екатеринбург, 1996; Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учеб. пособие. – М.: Флинта, 2009; Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. – М., 2006; Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999 и др. ¹² Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. – М., 2005. – С. 130–160. ¹³ Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современная политическая коммуникация // Русский язык конца XX столетия (1998–1995). – М., 1996. – С. 151–240; Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999 и др. ¹⁴ Какорина Е. В. Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1998–1995). – М., 1996. – С. 422. Далее – Какорина 1996. ¹⁵ Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 99–103. Далее – Земская 1996. ¹⁶ Какорина 1996. – С. 411. ¹⁷ Журавлев А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982. – С. 86; Земская Е. А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – С. 191–192. ¹⁸ Харченко В. К. Современная повседневная речь. – М., 2012. – С. 59–61. ¹⁹ Архангельский 2012. – С. 20. ²⁰ Архангельский А. Свобода или смех // Огонек. – 2012. – № 38. – С. 17. ²¹ Земская 1996. – С. 103. ²² Кудрявцева 2010. – С. 126. ²³ Цит. по: Архангельский 2012. – С. 21.

Л. А. Шестак (Волгоград)

PAK SLAVICA: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается языковая ситуация и языковая политика в славянских странах.

Ключевые слова: языковая ситуация, языковая политика.

У статті розглянуто мовну ситуацію та мовну політику в слов'янських країнах.

Ключові слова: мовна ситуація, мовна політика.

The subject of the article is the language situation and the language politics in the modern Slavonic countries.

Key words: language situation, language politics.

Современные славянские языки являются яркой иллюстрацией как общих тенденций развития славянских народов и славянских культур, так и разных векторов этого развития. Целью статьи является установление общих закономерностей современного развития славянских языков, задачами – установление векторов и основных геолингвистических моделей их развития.

Исторически славянские народы постоянно находились на возрастающей кривой своего развития. Так, в XIX в. только Россия была независимым государством, сегодня же все славянские народы независимы, по крайней мере, формально. Впервые в одном политическом лагере славянские народы оказались после II мировой войны (под руководством СССР). После окончания холодной войны для многих стало интересно членство в ЕС.

Сейчас славяне находятся в двух лагерях: восточные славяне (Россия, Белоруссия и Украина) и остальные славянские народы, вошедшие в состав ЕС. В будущем в условиях одинаковых правил в ЕС славянские народы вновь окажутся перед вызовом: приведет ли их культурная и языковая близость к более узкому сотрудничеству в рамках ЕС? Так, известно, что в условиях Австро-Венгрии чехи, словаки и сербы взаимно помогали друг другу в большей степени, чем неславянским народам монархии. Славянский вопрос в конце концов привел к началу I мировой войны и распаду Австро-Венгерской империи. Отношение к России для славян в ЕС также трансформируется в настоящее время через правила ЕС. Отдельной проблемой является для современного славянского мира вступление славян в НАТО. В большинстве случаев – это результат манипуляций с общественным мнением.

Как видим, общим направлением развития славянских языков с эпохи национального возрождения являлась дезинтеграция. Однако после угрозы уничтожения наций и народностей в период первой, и особенно в период второй мировой войны возобладали тенденции интеграции: создание мультинациональных славянских государств с одним-двумя государственными или фактически государственными языками (Югославия, Чехословакия, СССР). Важным элементом государственной идеи этих стран была генетическая и языковая близость населяющих эти страны этносов.

Факторами, определяющими общие черты современной культурной жизни и языковой ситуации славянских стран, являются следующие: возникновение и кодификация новых славянских языков (сербский, хорватский, черногорский); расширение спектра функций славянских языков и, как следствие, дополнительная языковая стратификация (стилевое варьирование, диглоссия, изменение статуса и престижности разных языковых средств, например, язык русинов в Украине); переход на позиции языка-импортера интернациональной лексики, прежде всего английского; развитие аналитизма в грамматической системе. Однако при общности языковой ситуации в современных странах славянского мира языковая политика их может значительно различаться, в том числе в отношении русского языка.

Русский язык сохраняет на сегодняшний день позиции мирового языка (в клуб мировых языков входят английский, французский, испанский, китайский, арабский и русский), языка межнационального общения народов бывшего СНГ (литовцы с узбеками по-прежнему “втихаря” ведут переговоры по-русски) и народов России, является государственным языком Российской Федерации.

В России типичными ситуациями разного статуса русского языка является три следующих ситуации: русский язык в автономной республике в составе РФ, где государственным являются как русский, так и титульный язык республики (Татарстан); русский в республиках “ближнего зарубежья”, где русский обладает статусом государственного (Беларусь); русский в республиках ближнего зарубежья, которые с точки зрения языковой политики однозначно предпочитают собственный титульный язык (Казахстан).

Следует отметить, однако, рост в Казахстане гимназий с 2 или 3 языками, часто это казахский, русский и турецкий или казахский, русский и китайский.

В самих республиках в составе Российской Федерации русский язык функционирует наравне с языком титульной нации, а также часто наряду с иноструктурным языком регионального общения. Так, в Башкортостане среди 13 языков республики выделяются 3 с максимальным набором функций, но различным статусом: русский как государственный РФ и средство межнационального общения, нетитульный в условиях Республики Башкортостан; башкирский как язык титульной нации и – татарский язык, на котором говорит около трети населения Республики Башкортостан, нетитульный в условиях Республики Башкортостан, но охватывающий 2/3 территориального распространения РБ¹.

Характерной чертой языковой жизни современных славянских стран является формирование или укрепление собственного государственного языка. То, что все славянские языки, за исключением так называемых малых славянских языков, имеют статус государственных, является языковой универсалией на современном этапе развития. Вместе с тем отдельные славянские страны характеризуются достаточной индивидуальностью своих языковых ситуаций. При этом ряд славянских стран, получивших статус независимых государств, одновременно осуществляет языковую политику, направленную на гармонизацию межэтнических отношений, в том числе путем учета полиэтничности населения, соблюдения основных мировых конвенций о языках и культурах этнических меньшинств. К этим меньшинствам в ряде славянских стран относится и русский язык.

Так, Словакия по этническому составу населения относится к гетерогенным государствам²: словаков большинство (85,5 %), венгров 9,7 %, цыган 1,7 %, чехов 0,8 %, русинов 0,4 %, украинцев 0,2 %, немцев 0,1 %. Действующий Закон Национального Совета Словацкой Республики о языке Словакии принят в 1995 г. Кодифицированная форма литературного языка предлагается Министерством культуры Словацкой Республики на основе предложений научных работников в области словакистики (Словацкая Академия Наук, университеты, институты). Составной частью правовой системы Словацкой Республики стали Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным или языковым меньшинствам, Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств, Европейская хартия о региональных языках или языках меньшинств. Всего в Словацкой Республике насчитывается 9 языковых национальных меньшинств: венгерский, чешский, русинский, украинский, немецкий, польский, хорватский, русский, болгарский и ромский. Все языки меньшинств в Словакии в настоящее время кодифицированы. К факторам, поддерживающим развитие словацкого языка, относится его положение государственного языка в самостоятельном государстве, статус официального языка Европейского Союза, численность в 2,7 млн пользователей вне “материнского государства”, относительно хорошее описание словацкого языка в словарях, компендиумах и учебниках. К отрицательным факторам относится обилие эргонимов на английском языке, недостаточное финансирование лингвистических исследований.

Вошедшая в Евросоюз Словакия стремится выполнить и требование политики Евросоюза к владению двумя иностранными языками для всех выпускников общеобразовательных школ: с сентября 2008 г. обязательное преподавание первого иностранного языка для всех школьников было введено с 3 класса основной школы, а второго – с 5 класса. В системе школьного обучения иностранным языкам в Словакии предлагается выбор из 5 языков: английский, немецкий, французский, русский, испанский, итальянский. Чаще всего школьниками Словакии выбираются английский и немецкий языки. Много реже выбирается обучение французскому и русскому языкам, однако в основных школах масштаб обучения русскому языку в 3 раза превышает масштаб обучения французскому (в средней же школе масштаб обучения французскому языку в 6 раз превышает масштаб обучения русскому)³.

В связи с политикой Евросоюза содействовать обучению менее используемых и изучаемых языков в Словакии существуют также школы с преподаванием на языках меньшинств: венгерском (297 основных и 123 средние), украинском (8 основных и 2 средних) и немецком (2 основные и 1 средняя) языках. Министерством образования разработан и с 1 сентября 2002 г. введен Образовательный стандарт преподавания английского, немецкого, французского и русского языков (№ 869/2002–42). На основании этих документов в словацких школах введен обязательный экзамен на аттестат зрелости по первому из иностранных языков на уровне B1 или B2.

Гармоничному решению проблем функционирования славянских и неславянских языков на собственной территории привержена и политика самопровозглашенной республики ближнего зарубежья – Приднестровья. Приднестровье следует апробированному в демократических странах варианту лингвистического законодательства: одинаковый правовой статус в регионе имеют языки трех основных этнокультурных групп населения – русский, молдавский, украинский, что оптимально соответствует исторически сложившейся в регионе лингвистической ситуации. Социальной доминантой этой функционально устойчивой системы выступает русский язык, консолидирующая роль которого

проявляется в укреплении исторически сложившихся представлений приднестровцев о своем интернациональном единстве. Истинная забота полиэтничного социума Приднестровья о национальной культуре каждого из самобытных народов даже в экстремальных условиях политической непризнанности и экономической блокады позволила избежать юридически обеспеченного национального неравенства и сохранить единые духовные ценности – паритет и толерантное взаимодействие трех основных этносов, правовое равенство их языков, культурные ориентации и языковые права отдельной личности.

Проблемой, которую приходится решать многим славянским странам, вставшим на путь государственного развития, является соответствие юридического статуса языка реальным языковым потребностям населения. Современная языковая ситуация в славянских странах характеризуется несоответствием, а то и противоборством языковой политики и языковой действительности с точки зрения статуса и престижа. Одной из причин такого положения дел является реальная политическая ситуация в славянском мире последнего десятилетия. Консолидировавшая общество на рубеже 80–90 гг. благородная идея сохранения языков и культур всех нерусских народов стараниями идеологов независимых постсоветских государств была трансформирована в концепцию национального возрождения лишь одного из народов полиэтничного социума. Сложное переплетение элементов в системе двойных стандартов, усугубляющее повышенную внутри- и внешнеполитическую конфликтность общества и личности, – это зеркально отраженные составляющие того ценностного вакуума, который характеризует духовное состояние всех групп населения регионов постсоветского пространства и стимулирует формирование “диаспоральных” свойств сознания и навыков поведения славян. Проблема соответствия языковой политики языковой ситуации также решается славянскими странами по-разному.

Языковая ситуация современной Беларуси определяется как билингвизм. Известно, что в процессе исторического развития отношения между близкородственными славянскими языками в Беларуси были нарушены, в результате чего русский язык занял в Беларуси доминирующее положение во всех сферах общения. Соответствующий реальному положению дел Закон Беларуси “О языках” предусматривает строгий юридический паритет белорусского и русского языка в системе образования. Однако после введения его в действие право гражданина выбирать язык общения в основном реализуется в пользу русского языка. Об этом свидетельствует увеличение количества общеобразовательных учреждений с русским языком обучения. В стране, где 81,2 % населения, согласно данным переписи, считают себя белорусами, русский язык в системе дошкольного, школьного и вузовского образования оказывается более востребованным в результате добровольного выбора подавляющего населения граждан республики. Так, в 2005/6 учебном году в городских школах с белорусским языком обучения получали образование 20,5 % учащихся, с русским языком – 66,7 %, с двумя языками – 12,7 %⁴. В городах используется преимущественно русский язык, в сельской местности – белорусский. Большинство городских жителей Беларуси – представители неравноправного двуязычия. Для русифицированного просторечия жителей Беларуси характерно также произвольное смешение языков, называемое с начала 90-х гг. XX в. “трясянкой”⁵. При этом сознательное переключение с одного языкового кода на другой встречается в разговорной речи и активно используется в публицистике.

Что касается Украины, то согласно последней переписи 2001 г., 77,8 % всех жителей Украины составляют украинцы, 17,35 % – русские и 4,95 % – другие национальности. Однако в качестве родного русский язык определяют для себя 30 % населения Украины. На отдельных же территориях Украины, как, например, в Крыму, это число приближается к фактически полному охвату населения. Так, в Крыму, где компактно проживают более 125 этносов, основным языком является русский: на нем говорит и мыслит 86,4 % населения. В Севастополе с населением в 377 тысяч человек русский язык считают родным 90 % жителей “города русской славы”⁶.

Язык – не только бытовое общение, это термины, знания, и это идеология, взгляды на жизнь. Именно поэтому столь велика и важна роль языка образования. Современную языковую ситуацию в высшей школе Украины можно охарактеризовать как диглоссию с убывающей динамикой⁷. На Украине имеет место почти полное отсутствие русского языка и литературы как предмета в общеобразовательной школе, усилилось влияние диалектов, вызванное притоком сельского населения в города. С одной стороны, налицо динамика использования украинского языка в коммуникативной ситуации “преподаватель – студент” (от 65 % в 2003 г. до 90 % в 2008 г.). С другой стороны, в общении со сверстниками только 16 % (в 2003 г. – 23 %) принципиально общаются на украинском языке, 27 % (в 2003 г. – 35 %) выбирают русский язык и 57 % выбирают язык в зависимости от ситуации (в 2003 г. – 40 %). Таким образом, за последние 5 лет увеличилось (на 17 %) количество респондентов, одинаково владеющих разговорными формами русского и украинского языка.

Суржик как гибридная форма существования языка играет на Украине роль просторечия – роль языка семейного общения, регистра языковой игры. На самом деле в суржике происходят более глубокие процессы смешения: от фонетического до синтаксического уровня (*врем'я, міроприємство, пойняв, селідка, командерівка, тусівка* и проч.). Постепенно формируется и украинский слэнг. Если согласиться с мыслью Л. Ставицкой, что развитая городская лингвокультура – это здоровье языка⁸, то шансы на языковое выздоровление у Украины есть. Ежегодно в украинском языке возрастает количество украинских жаргонизмов, созданных от украинских слов по украинским моделям: *курсач, заліковка, впасти на мороз* 'сдать зачет или экзамен путем придумывания обстоятельств, рассчитанных на чувство жалости у преподавателя'. Таким образом, реальный коммуникативный потенциал украинского языка повышается.

Юридически Украина – одноязычное государство. Объективно же Украина живет в условиях фактического двуязычия. Формально права меньшинств на Украине, как и в других славянских странах, защищены законом. С 1 января 2006 г. вступила в силу ратифицированная Верховной Радой Украины 15 мая 2003 г. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств. Статья 10 Конституции Украины устанавливает свободное развитие, использование и защиту русского языка наряду с другими языками национальных меньшинств Украины. Статья 11 Конституции Украины дополнительно регламентирует, что в местах проживания большинства граждан других национальностей языком работы, делопроизводства и документации наряду с украинским языком может быть и национальный язык большинства населения той или иной местности, а также язык, приемлемый для населения данной местности.

Преимущественно русскоязычным является весь восток и юг Украины, но языковая политика государственной власти направлена лишь на их дерусификацию. Сегодняшние власти Украины отдают приоритет тем, кто “думает по-украински об украинской Украине”⁹. За последние 16 лет было принято более 70 законов, направленных в той или иной мере на ограничение или исключение из обращения русского языка. Коллегия Министерства образования и науки Украины приняла решение (№ 3/1–4 от 21.03.2008) об обязательном переводе преподавания во всех вузах Украины исключительно на украинский язык. Министр образования и науки Украины Иван Вакарчук пообещал ликвидировать русский язык в вузах в течение ближайших 3 лет, хотя, скажем в вузах г. Николаева более 87% респондентов считают своим родным языком русский. Школьные программы постоянно меняются в сторону устранения русской литературы и русского языка из школьного обучения, меняется и программа и содержание курса истории. Закрепленные Конституцией права граждан Украины в должной мере не обеспечиваются.

С 90-х гг. XX в. осуществляется целенаправленная замена русских слов, а также заимствованных слов, пришедших в украинский язык в период вхождения Украины в СССР, словами староукраинскими и польскими. Слово *физкультура* заменено на *руханку*. Слово из греческих корней *аэродром* заменено на *літовище*, глаголы *сфотографировать, госпитализировать* – на *у світлинити* и *ушпіталити*, *вертолет* – на *хелікоптер* или *гвинтокрил*, *поезд* – на *потяг*, *чемодан* – на *валіза*, *банка* – на *стіклянниця*, *бюрократ* – на *папіротворець*, *акушерка* – на *пупорізка*. Изымается даже совсем новая по происхождению компьютерная терминология, успевшая войти в украинскую лексическую систему до 1991 г. Так, английское слово *файл* заменено на *кавалок*, слово *трафик* – на *перебіг*, *desktop* – на *стілниця*, *опция* – на *налаштування*, междометие *ОК* на *хай*, *гаразд* (примеры из доклада Е. А. Карпиловской¹⁰).

Борьба с языком и культурой и борьба языком и культурой – давние геополитическая цель и геополитическое оружие. Так, в области гуманитарных дисциплин у мирового сообщества наблюдается стойкое недоверие, а то и замалчивание концепций достаточно раннего и широкого расселения славян (например, так называемой “Велесовой книги” – летописи на деревянных дощечках, в которой указывается, что славянское море когда-то плескалось по берега современной южной Франции). Свидетельством этому являются островки так называемых серболужицких племен, описанию которых посвятил свою докторскую диссертацию профессор славянской кафедры Львовского государственного университета Константин Константинович Трофимович.

Нуждается в корректировке и утверждение о почти полном отсутствии письменности у славян, поскольку на территории нынешней Польши и Чехии остались камни с надписями, выполненными славянским руническим письмом. Путаница между исконно славянским и заимствованным церковнославянским письмом хорошо видна еще на чеканке монет киевского князя Владимира.

В области науки *de facto* единоличные позиции занял английский язык как язык международного бытового и научного общения. Так, на II Когнитивном конгрессе в Санкт-Петербурге в 2006 г. Оргкомитетом сразу было предложено участникам перейти на английский язык, чтобы создать атмосферу комфорта для гостей (присутствовало 900 человек, из них 600 человек – гости). В области

образования происходит вытеснение русской советской модели с хорошей теоретической базой (специалитет со специализацией с 3 курса) американской моделью утилитарно-прикладного значения с многочисленными спецкурсами, когда выпускник славянской филологии, знает, к примеру, рецепты блюд древнерусской кухни, но не знает, кто такой Николай Михайлович Карамзин.

Новая геополитическая реальность представляет, правда, и новые возможности развитию русского языка. Так, новые возможности для популяризации русского языка предлагает российский бизнес. По признанию выдающегося отечественного слависта В. М. Мокиенко, число поляков в его семинаре выросло многократно (несмотря на антирусскую направленность официальной политики Польши), поскольку в будущем они планируют установить бизнес-контакты с Россией. В некоторых славянских странах группы обучения русскому языку также увеличились в несколько раз именно потому, что появились возможности деловых контактов, не скованных закрытыми границами или “визой” парткома. В Варшавском университете конкурс на отделение русской филологии выше, чем на отделение английской.

Новые возможности увеличения роли и места русского языка в современном мире представляет и обучение на русском языке. Договоры советского периода о взаимообмене студентами редуцированы или отменены (выполняются лишь договоры с Китаем). А ведь при наличии для Прибалтики и Украины квот в МГУ туда будет стоять очередь! И язык никого смущать не будет.

Безусловно велико притяжение русской культуры на территориях ближнего и дальнего зарубежья в форме гастролей и фестивалей, в виде трансляции телевизионных программ, радиовещания и проч. В этом смысле и Фестиваль юмора в Юрмале, и “Поле чудес” с участием гостей из Узбекистана и Молдовы, и участие в КВН команд из Армении, Казахстана, Белоруссии имеют не только культурное, но и политическое значение. Наконец, популяризации русского языка за рубежом способствует увеличивающийся из года в год поток русских туристов. В Греции – огромные очереди на курсы гидов для русских туристов. В Англии в периоды туристических пиков, на Новый год, например, производится буквально “мобилизация” через прессу русских эмигрантов для проведения экскурсий. Русский язык звучит на улицах Франции и Италии, Швейцарии, Австрии и Германии. И, одновременно, именно на русском языке проводятся экскурсии для жителей Прибалтики, казахов и украинцев, поскольку держать гида с латышским или туркменским языком мировым туристическим фирмам экономически невыгодно. Роль таковых исполняют “по случаю” эмигранты, да и то – лишь для состоятельных индивидуалов.

Таким образом, перед Россией в современной ситуации стоят ответственные политические и культурные задачи. Русская цивилизация отличается как от рационально-индивидуалистической западной, так и от азиатски-роевой модели культуры. Не поддаваясь поэтому на провокации геополитических конкурентов (а отношение даже классической Европы к России А. С. Пушкин когда-то с горечью определял как “сколь невежественное, столь и неблагодарное”), необходимо хранить свою историческую культурную идентичность, ценить присущую русским и разделяемую другими народами России ментальность всечеловечности, соборности, духовности, нестяжательства, совестливости, стремления к справедливости, умение принять Вызов и осуществить Прорыв, силы возродиться из пепла, народный оптимизм и русское мастерство, выраженные в том числе и в русских словах, фразеологизмах, пословицах, политических манифестах и текстах художественной литературы.

¹ Аюпова Л. Л., Салихова Э. А. К проблеме языковой ситуации: на примере функциональной дистрибуции языков Республики Башкортостан // Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 24–26 марта 2009 г.): Труды и материалы / Составители О. В. Дедова, Л. М. Захаров; Под общим руководством М. Л. Ремневой. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С. 9. Далее в тексте – Славянские языки и культуры...² Гадушова З., Мала Э. Языковая политика Словакии – теория и практика // Славянские языки и культуры... – С. 13; *Одреевич С.* Современная языковая ситуация и языковая политика в Словакии // Там же. – С. 19.³ *Vutašová A. a kol.* Jazyková politika v Slovenskej republike – 2004 – jej východiská a smerovanie. – Bratislava, 2006.⁴ *Статистический справочник* Министерства образования Республики Беларусь. – Минск, 2005; ⁵ *Свяжынски Ул.* 3 гісторыі беларускай “трасянікі” // Наша слова. – 1990. – № 2. – С. 5. ⁶ *Величко Н. В.* Современное состояние и тенденции функционирования русского языка на территории Украины (Крым, г. Севастополь) // Славянские языки и культуры... – С. 11.⁷ *Пчелинцева Е. Э.* Языковая политика и языковая ситуация в украинской высшей школе // Там же. – С. 21. ⁸ *Ставицька Л.* Кровозмісне дитя двомовності // Критика. – 2001. – № 10 (48). – С. 23. ⁹ *Грибанова И. В.* “Язык здесь пестрый”: лингвокультурологические и социолингвистические проблемы взаимодействия славянских языков на юге Украины // Славянские языки и культуры... – С. 15. ¹⁰ Симпозиум “Славянские языки и культуры в современном мире” (Москва, МГУ, 24–26 марта 2009 г.), заседание Круглого стола, выступление Е. А. Карпиловской (Институт языковедения им. А. А. Потебни НАН Украины, Киев, Украина) “Семантико-функциональная дифференциация словообразовательных ресурсов языка: свое и усвоенное”.

И. В. Шалина (Екатеринбург)

УРАЛЬСКОЕ ГОРОДСКОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД¹

В статье раскрываются возможности лингвокультурологического описания уральского городского просторечия в опоре на реконструкцию культурных сценариев. При анализе используются тексты-разговоры, записанные автором с помощью метода включенного наблюдения. Выявляются типы культурных сценариев и параметры их описания. Доказывается, что культурные сценарии позволяют выявить когнитивную базу просторечной лингвокультуры – доминантные ценностные установки, стереотипы, презумпции, лингвокультурные типажи.

Ключевые слова: лингвокультура, городское просторечие, культурный сценарий, когнитивная база лингвокультуры.

У статті розкрито можливості лінгвокультурологічного опису уральського міського просторіччя в опорі на реконструкцію культурних сценаріїв. Для аналізу використано тексти-розмови, записані автором за допомогою методу включеного спостереження. Виявлено типи культурних сценаріїв і параметри їх опису. Доведено, що культурні сценарії дозволяють виявити когнітивну базу просторічної лінгвокультури – домінантні ціннісні установки, стереотипи, презумпції, лінгвокультурні типажі.

Ключові слова: лінгвокультура, міське просторіччя, культурний сценарій, когнітивна база лінгвокультури.

In the paper the possibilities of linguoculturological description of Ural urban popular language by way of reconstruction the cultural scripts are revealed. When analyzing the material, the author used texts-conversation with the help of the inside observation method. The types of cultural scripts and parameters of their description are shown. It is proved, that the cultural scripts allow to explicit cognitive foundation of popular linguoculture – the dominant values, stereotypes, linguoculturological types.

Key words: linguoculture, urban popular language, cultural script, cognitive foundation of linguoculture.

Разворот лингвистической проблематики XXI века в сторону человека и его места в культуре определил антропологическую направленность лингвокультурологии, в границах которой осуществляется описание вербализованных культурных ценностей, т. е. получающих языковое воплощение нравственных и эстетических идеалов, норм и образцов коммуникативного поведения, национальных обычаев и традиций. Традиционный взгляд на городское просторечие как языковую подсистему национального языка ориентирован преимущественно на выявление языковых неправильностей, которые становятся яркими диагностическими пятнами речевого портрета носителя просторечия, особенно в ситуации взаимодействия последнего с носителями литературного языка². Однако для внутрикультурной коммуникации, осуществляемой в рамках того или иного микроколлектива – постоянного (семейного, профессионального, дружеского) или временного (попутчики в поезде), структурно-ортологическая ущербность речи оказывается нерелевантной. Лингвокультурологический подход намечает перспективу открытия новых граней описания городского просторечия как “особого ментально-психологического и социального мира, вырабатывающего своеобразный кодекс речевого поведения”³. Взгляд “изнутри”, направленный на поиск ментально значимых ценностных объектов, получающих вербализацию в диалогическом и монологическом взаимодействии носителей городского просторечия, дает возможность преодолеть узкий ортологический взгляд на просторечие как источник языковых неправильностей, описать просторечие как лингвокультуру, когнитивную базу которой составляет система доминантных ценностей, стереотипов, установок, лингвокультурных типажей. Они находят воплощение в репертуаре жанров, ролевом поведении, речеповеденческих практиках. Для осмысления лингвокультуры оказывается существенной ее коммуникативно-этическая составляющая: нормы, оценки, презумпции, запреты, предписания. На этой основе можно вывести коммуникативно-этические константы лингвокультуры.

Принципиальным для нас является обращение к живому речевому взаимодействию горожан-уральцев. Материал, полученный методом включенного наблюдения, собирался в течение десяти лет (1999–2009 гг.), был расшифрован и переведен на письменные носители⁴. Анализировались преимущественно тексты-разговоры пожилых носителей просторечия. Прослеживается совпадение событийной канвы биографий и ценностных ориентаций информантов: они прошли первичную социализацию в деревенской культуре, в молодые годы перебрались в город и осели там, создали собственные семьи, получили профессию и в той или иной мере впитали ценности и нормы культуры городской.

Опорным для нашего исследования стало понятие культурный сценарий⁵. Разрабатывая это понятие, мы опираемся на корпус текстов людей, связанных поколенческой общностью. Общими оказываются их социокультурные предпочтения, оценки важных явлений общественной и личной жизни. Мы

оттолкнулись от идеи сценарного воплощения событийной канвы жизненной биографии информантов. Исследователи проводят аналогию между коммуникативным событием (ситуацией), коммуникативным взаимодействием вообще и театральным сценарием в частности, подчеркивают сценарную органику коммуникации как ролевой игры: “Типичная коммуникативная ситуация может быть уподоблена исполнению пьесы по заранее известному сценарию”⁶. Стержнем культурного сценария является акцентуация этической составляющей коммуникативного взаимодействия носителей просторечия.

Параметры культурного сценария отбираются на основе сущностных характеристик, вмонтированных в сценарий. Хронотоп устанавливает пространственно-временные рамки события. Прикрепленность к локусу задает развитие событийного действия и формирование ролей: *Я родилась в деревне Каменка // В 1951 году я попала в город и там вышла замуж // там и осталась //*. Субъектная организация культурного сценария позволяет выявить виды идентичности: семейная (*папка, мамка, доча*), социальная (*городские, зажиточные, бомж*), гендерная (*девка, мужик, бабушка*), региональная (*свердловские, уральцы*), этническая (*русские, татарка, евреечка*). Типовые функционально-ролевые характеристики субъектов сценария – важный критерий выделения лингвокультурного типажа, например: *мать-заботница, мастер на все руки, закадычная подруга, сварливая свекровь, лучшая работница*. Статусно-ролевые номинации и предикации субъектов группируются на основании обобщенной идентификационной формулы: *Мама староверка / кержачка была //*; *Я старуха старухой //*; *Ты ж деревенская //* и др. Формульность подчеркивает важность идентификационных моделей, определяющих основания дихотомии свой ↔ чужой, способствует реализации наиболее устойчивых культурных смыслов, вычленение которых позволяет судить о специфике мировидения носителей лингвокультуры.

Систематизация собранных текстов, детализированно или точно воспроизводящих разномасштабные события, позволяет разграничить общий и частный культурные сценарии. Первый взят в общей проекции на жизнь носителя лингвокультуры, не дает разверстку событий, а лишь фиксирует важные вехи жизни. Отмеченность того или иного события (“встреча с будущим избранником”, “рождение ребенка”, “вступление в партию”) обуславливается рядом факторов, в том числе влиянием традиционных культурных представлений о смысложизненных ценностях. В частных культурных сценариях, укрупняющих конкретные типовые событийные участки семейной, профессиональной, досуговой, религиозной и других сфер жизни, личность предстает не как нечто константное и определившееся, а как динамическое.

В нарративах, служащих базой для реконструкции культурного сценария, события как бы заново проживаются рассказчиками, проигрываются как в пьесе или как по напоминающему пьесу киносценарию. Повествование получает композиционную организацию: выделяются фрагменты, соответствующие экспозиции, завязке, развитию действия, кульминации, развязке.

Реконструируются целостные культурные сценарии, их фрагменты и звенья, что обуславливается особенностями монтажного сопряжения событий, о которых рассказывает информант. Он выступает как монтажер, “осуществляя неожиданные перебросы в пространстве и времени, варьируя крупность плана, сжимая или растягивая время”⁷, совершая отбор, комбинацию и рекомбинацию пережитого. Это позволяет динамизировать повествование, укрупнить и подчеркнуть существенное, психологически важное, ценное. Специфика “монтажного мышления” зависит от ряда объективных и субъективных факторов: масштабности события, психологического состояния коммуниканта, специфики памяти, призванной “собирать” мир в сознании человека. Одни информанты способны воскресить события прошлого в мельчайших подробностях, передать их динамику – “осколочная память” других позволяет представить лишь общий план события, “вырвать” на временной оси жизни “куски”, звенья не позволяющие сложиться целостной картине. Тем не менее, во всех случаях реконструкции сценариев выявляется когнитивная база лингвокультуры.

Проиллюстрируем сказанное. Опорные “вехи” общего культурного сценария очерчены в поздравительном тексте, который коммуникантка Зинаида Степановна Попова (далее **З. С.**) адресует своим бывшим деревенским друзьям, отмечающим золотую свадьбу (запись сделана в деревенском доме юбиляров). Перед собравшимися за праздничным столом гостями зачитываются сочиненные ею в честь юбиляров стихи:

З. С. Слушайте внимательно / обращаюсь //
Дорогие Ира и Юра! Мы на это имеем полное право / мы знакомы с детства //
С вашим славным юбилеем поздравляем от души /
Несмотря на все преграды / до сих пор вы хороши! /
Желаем здоровья и счастья лукошко /
По жизни по вашей пройдемся немножко //

Детство убежало / юность пролетела //
Сердце молодое влюбиться захотело //
Приглянулись / сговорились / полюбили / поженились //
Есть у нас три завета / всё вы выполнили это //
Возвели сначала дом / посадили садик //
Ну а дальше / детишек народили //
Пока детишек ростили на славу и на радость //
Внучата появились //
В хлопотах / заботах / годочки пролетели //
Как-то незаметно височки поседело //
Родителям вашим низкий поклон //
За то / что сидим мы за этим столом!
С огромным уважением деревенские подружки детства / юности / и всей нашей жизни
/ Фая Исакова и Зина Попова //

Автором поздравительной речи ретроспективно очерчивается жизненный путь юбиляров, представляющийся носителям просторечной культуры эталонным. В нем выделяются динамично организованные опорные звенья, символизирующие основные этапы жизни. Время движется поступательно: одна жизненная пора последовательно сменяет другую: детство → отрочество → (юность) молодость → зрелость → старость. Темпоральная семантика поддерживается как лексическими, так и грамматическими средствами. Выделим тематические слова (*влюбиться, детишки, внучата, поседело (височки), годочки, до сих пор*); переносные словоупотребления (*детство убежало; юность пролетела; молодое сердце*); глаголы совершенного / несовершенного вида, организованные в однородные ряды (*выполнили, возвели, посадили, народили, ростили; приглянулись, сговорились, полюбили, поженились*).

В сознании автора стихов жизненное время антропологично: оно ассоциируется со значимыми для человека событиями. Возрастные этапы (кроме детства и юности) связываются с нормативно-этическими представлениями о статусно-ролевых позициях субъектов. Так, молодость – это время расцвета, пора влюбленности, “проектирования” будущего, “примерки” новых ролей (косвенно обозначены роли жениха и невесты, затем – мужа и жены): *Сердце молодое влюбиться захотело // Приглянулись / сговорились / полюбили / поженились*. В ходе развития событийного ряда “знакомство – брак” точно выделяются экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация и развязка. Этическая основа брака – любовь. Материальный достаток молодоженов не обсуждается. Стереотип *жениться по любви* многократно реализуется при обсуждении семейных проблем. Зрелость – пора осуществления жизненного строительства, обретения устойчивых статусно-ролевых позиций (мать / отец, хозяин / хозяйка дома), рождения и воспитания детей, каждодневного труда, направленного на получение материальных и духовных благ: *Возвели сначала дом / посадили садик // Ну а дальше детишек народили / <...> ростили на славу и на радость //; В хлопотах / заботах годочки пролетели //*. Старость – время подведения жизненных итогов, заботы о внуках (косвенно обозначены роли дедушки и бабушки): *годочки пролетели //; Как-то незаметно височки поседело //; внучата появились //*.

В соответствии с представлениями коммуникантки цель жизни связана с активным трудом, преодолением трудностей, борьбой за выживание. Так, лексемы *заботы, хлопоты* указывают на потребность в активной деятельности, направленной на благо семьи, а слово *преграды* напоминает о превратностях жизни. Нравственные концепты *труд, жизнь, семья* осмысляются в границах эквиполентных оппозиций⁸: полнота *жизни* мыслится как единение *трудоу* и *семейной жизни*.

В поздравительном тексте выделяется *три завета*, т. е. ‘наставления, совета последователям, потомкам’, начинающим самостоятельную жизнь. На культуророспецифичность этих заветов указывает маркер с обобщенным значением *у нас*, в данном случае – у тех, кто родом из деревни. Деревенские не только впитали и сохранили в своей памяти культуру родительских семей, но и воплощают ее в реальной жизни.

Опорные звенья сценария группируются вокруг ценностных объектов, трех констант, обуславливающих нормальное (идеальное) функционирование семейной жизни: *дом (сад) – дети / внуки – родители*. Внедренные в речевую ткань стихотворения уменьшительные номинации создают особую умильную тональность поздравления. *Дом* представляется оплотом хозяйственной и нравственной жизни семьи. Это “уголок мира”, место обитания членов “семейного круга”. *Сад* – ‘участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами, сами растущие здесь деревья’. *Садик*, как свидетельствуют культурные практики носителей просторечия, связывается с окультуренным пространством, артефактами, тем, что возведено и сделано своими руками, символизирует результаты труда (жить – значит трудиться и пользоваться полученными благами), красоту жизни. Культурно-фоновые знания участников застолья позволяют также

интерпретировать слово *садик* в соответствии с реалиями жизни: ‘небольшой участок земли (4–6 соток), используемый для подсобного хозяйства, а также неблагоустроенный дом’. Важно, что в саду трудится вся семья. Выращенными овощами, ягодами, фруктами питаются всю зиму.

Детишки (внучата) – вторая культурная константа. Дети и внуки – *слава и радость*, залог продолжения рода, свидетельство признания выполненной родителями жизненной миссии. Не случайно слово *родители* помещается в коммуникативно сильную позицию (конец поздравительной речи).

Родители – третья культурная константа. Они дают жизнь, являются символом защиты, помощи, духовного покровительства. Жест *низкий поклон* символизирует идею уважения и почитания родителей. Сохраняется христианская заповедь “Чти отца своего и мать свою”, а смысл жизни в деревенской культуре как культуре традиционной оказывается заданным. Он – в самой жизни, поступенчатом проживании, преодолении каждого из ее этапов, неразрывной связи с истоками и будущим. Человек обретает себя, творя свою жизнь, свое настоящее и будущее в опоре на прошлое.

Общий сценарий конкретизируется в границах “своего круга”. Показательна в этом плане идентификационная формула, выбранная коммуниканткой: ***деревенские подружки детства / юности / и всей нашей жизни*** // Эта формула подчеркивает значимость общности социального происхождения (*деревенские*) и общности испытаний в прошлом и настоящем. Именно деревенские друзья и подруги осознаются проживающей в городе более 50-ти лет пожилой женщиной как “свой круг” людей, со своими, сформировавшимися в детстве и юности представлениями о межличностных отношениях, нравственных ценностях, жизненных устремлениях.

Среди частных культурных сценариев, их фрагментов и звеньев выделяются такие, как “Жизнь в деревне”, “Путь в город”, “Начало самостоятельного пути”, “От знакомства к браку”, “Супружеская измена”, “Трудовая деятельность и общественная работа”, “Городская жизнь сегодня и сейчас” и другие. Они описывают типовые участки коммуникативно-речевого взаимодействия носителей просторечия в различных типах микроколлективов. Приведем пример речевого взаимодействия соседей – жителей многоквартирного дома, образующих микроколлектив на основе постоянных контактов и пространственной близости.

Образная составляющая концепта *сосед* отражает восприятие субъекта как человека общительного, открытого, приветливого, реже – конфликтного. Так, нижеследующий текст-разговор выявляет образ соседки как исключительно *душевного человека*. Разговаривают соседи, приглашенные на поминки умершей А. С.

В. И. Ну чё / выьем // Пусть земля ей будет пухом! Отмучилась // Не чокаемся / не чокаемся / чокаться низя // Душа уходит // В нашем доме сорок лет прожили // Анна Семеновна чувствует // Она нас видит //

[Пьют, закусывают].

В. И. *Добрая была / скромная //*

Ф. П. *Рассудительная такая //*

З. А. *Несмотря на свои годы / ум у нее сохранен был полностью //*

В. И. *Любила она стряпать // Она мастерица была // Любила поесть // Жили дружно // Она чем-нить да угощала // Мы угощались то пирогами / то блинами //*

А. Н. *Она компанию любила // Немало песен перепето у нас с ней // Помню пировали / она стучит в стенку «Тише!» // Всей компанией туда к ней завалили и к себе увели // Молодые были //*

Ф. П. *Скоко она после Аркадия Ивановича-то [умершего мужа. – И. Ш.] прожила?*

Н. И. *Почти четырнадцать лет // Очень она плакала по нему //*

Ф. П. *Как ни зайдешь / начинает вспоминать / плачет // Фотографии смотрели //*

З. А. *У меня есь такая фотография / белый воротничок // Где-то ей лет наверно шисят //*

Ф. П. *Не работягой работала / следила за собой //*

В. И. *Всегда аккуратненькая ходила // Выйдет во двор / вся нарядная // В хорошем платье / в хорошем платочке // Фартовая / куда-куда // Чистюля / дома всегда чисто у нее было / прибрано //*

Ф. П. *И не ходила када уже / за собой следила // Всегда старалась по-домашнему / но ходить чтобы чистенько / уютненько //*

А. Н. *Бывало придешь / обо всем-обо всем можно говорить / и про политику / и про всё //*

Ф. П. *На любую тему // Привыкли к друг дружке //*

В. И. *Душевная была женщина // Царство небесное! <...>.*

Умершая соседка предстает в образе человека, обладающего набором положительных качеств. Это не просто формальная дань памяти умершей. Собравшиеся за столом люди вербализуют свои искренние чувства. Прежде всего соседи вспоминают о доброте и скромности А. С.: ***Добрая была / скромная //***. Такие нравственные характеристики, как *доброта* и *скромность* представляют главную ценность для людей, сосуществующих в одном пространстве длительное время и вступающих в каждодневные контакты. Быть *добрым* означает ‘быть отзывчивым’, ‘внимательным и приветливым по отношению к

другим людям', 'помогать в трудную минуту'. Быть *скромным* – 'не хвастаться своими заслугами и достоинствами', 'вести себя естественно и просто'. Кроме того, соседка ценится за открытость и общительность, умение поддержать компанию (*Она компанию любила // Немало песен перепето у нас с ней //*), искренность, умение вступить в разговор, поговорить на разные темы обстоятельно и степенно, проявляя благоразумие и мудрость (*Бывало придешь / обо всем-обо всем можно говорить / и про политику / и про всё //*). Взгляд со стороны фиксирует в положительной характеристике женщины-жены такие важные составляющие, как верность мужу, преданность семье; опрятный внешний вид и умение следить за собой. Специально оценивается умение своими руками создать домашний уют, поддерживать чистоту и порядок: *Чистюля / дома всегда чисто у нее было / прибрано //*. Ценится гостеприимство соседки, умение вкусно готовить, желание и потребность удивить, угостить искусно приготовленными блюдами (*Мы угощались то пирогами / то блинами // Любила она стряпать // Она мастерица была // Любила поест*).

Характеризаторы (*добрая, скромная, общительная, рассудительная, гостеприимная, хозяйственная*) становятся смысловыми компонентами этического предиката *душевная*. Семантический потенциал лексемы *душевный* достаточно емкий, он вбирает в себя не только этические смыслы. Так, наблюдаем трансформацию частнооценочного предиката *рассудительная* (в значении 'трезво оценивающая жизненные ситуации и помогающая другим (соседям) разумно разрешать житейские проблемы') в этический.

Душевность прежде всего проявляется в общении. Характеризирующая речевая формула (*Душевная была женщина*) указывает на человека, обладающего высокой нравственностью. Материал подтверждает вывод о том, что "русская «душа» – это не просто душа отдельного человека, но душа, которая возникает и которая живет в общении с другими людьми"⁹.

В сознании коммуникантов-соседей не концептуализируются представления о закрытости жизни отдельной семьи: *Все про всех знаем //*. Социоцентризм носителей просторечной лингвокультуры проявляется в житейной формуле, обобщающей эмоционально-этический опыт взаимодействия соседей: *скоко пережито / и в горе / и в радости //*. Стереотип *жить по-соседски* объединяет группу кооперативных практик, к числу которых относятся: угощение приготовленными блюдами и обмен кулинарными рецептами (*Фаина / открывай / уху горячую несу //*); совместные встречи праздников (*Как Новый год / стол на площадку вытаскиваем / закусточка / бутылочка // И пошло-поехало // Музыку включим / танцуем // Ой / весело как у нас всегда было //*); поминки; посещение соседки (реже соседа) с целью обсуждения текущих дел и новостей (*Заходи ко мне / расскажешь / как ты в деревню съездила //*). Установки "Своим можно доверять", "Следует заботиться о своих" делают возможными доставку соседкой почтовых отправлений (*Глаша / открывай! Почтальон Печкин пришел // Газеты возьми и жировку //*), покупку для соседей продуктов. Соседям оставляют ключи от квартиры, в их присутствии ведут личные разговоры по телефону.

Установки на кооперативность общения, другоцентричность исключают коммуникативный эгоизм. Внутри микроколлектива соседей избегают тех, кто не умеет слушать других, ущемляет права адресата, захватывает право на Я-тему, навязывает свою точку зрения как единственно возможную, использует жестовые позы, нарушающие гармонию коммуникативного пространства и эстетику разговора: *Нина Федоровна вышла гулять / все соседки разбежались / никто не хочет с ней общаться // Дак чё / невозможно / это больной чек [человек] // Всем рот затыкает / руками машет / в грудь тыкает "Я / я / я! Я ходячая энциклопедия! Я все знаю!"* Повседневное общение с соседями – неотъемлемая сторона языкового существования носителей просторечия.

Таким образом, речевая реконструкция культурных сценариев позволяет выявить ценностные доминанты сознания носителей просторечия. Целостность просторечной лингвокультуры обеспечивается устойчивостью коммуникативно-этических констант, системностью установок, внутрикультурной преемственностью. Просторечная лингвокультура выступает как городской вариант культуры народной. Лингвокультурологическая интерпретация уральского городского просторечия позволяет углубить представления о национальном коммуникативно-культурном пространстве, способствует решению задачи полномасштабного описания общенародной лингвокультуры.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке государства в лице Министерства образования и науки РФ (соглашение № 14.А18.21.0273, проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России»). ² *Городское просторечие: Проблемы изучения* / Отв. ред. Е. А. Земская и Д. Н. Шмелев. – М., 1984. ³ *Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь.* – М., 2004. – С. 243. ⁴ *Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия* / сост. И. В. Шалина. – Екатеринбург, 2011. – 360 с. ⁵ *Шалина И. В. Уральское городское просторечие: культурные сценарии.* – Екатеринбург, 2009. ⁶ *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческих концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы.* – М., 2005. – С. 15. ⁷ *Мартыанова И. А. Киновек русского текста:*

парадокс литературной кинематографичности. – СПб., 2002. – С. 9–13. ⁸ Кузнецова Э. В. Язык в свете системного подхода: учебное пособие. – Свердловск, 1983. – С. 54. ⁹ Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М., 2005. – С. 496.

Русистика

Вып. 13

Київ – 2013

Е. В. Брысина (Волгоград)

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛЕКС (на материале донских казачьих говоров)

Этнокультурное своеобразие диалектных фразеологизмов во многом определяется их компонентным составом. Фразеолексы отражают различные стороны жизни диалектоносителей: мыслительную деятельность, быт, социальные отношения, временные и пространственные понятия, элементы материальной и духовной культуры – и поэтому вполне могут служить показателем этнокультурного своеобразия диалектной фраземики.

Ключевые слова: диалект, фразеологизм, фразеолекса, этнокультурная значимость.

Етнокультурна своєрідність діалектних фразеологізмів багато в чому визначається їх компонентним складом. Фразеолекси відображають різні сторони життя носіїв діалекту: розумову діяльність, побут, соціальні відносини, часові і просторові поняття, елементи матеріальної та духовної культури – і тому можуть бути показником етнокультурної своєрідності діалектної фраземики.

Ключові слова: діалект, фразеологізм, фразеолекса, етнокультурна значимість.

Ethnic and cultural peculiarity of dialect phraseology is largely determined by their component composition. Frazeolekxes reflect different aspects of life of dialect users and therefore may well be an indicator of ethnic and cultural identity of dialect frazeology.

Key words: dialect, idiom, frazeolex, ethnic and cultural significance.

Современные диалекты являются той лингвистической средой, исследуя которую можно расширить и углубить представления о семиотическом своеобразии русского языка, его этнокультурном потенциале. Лингвокультурологический анализ фразеолекс как компонентов диалектного фразеологизма способствует достижению этой цели. Привлечение диалектного материала для решения проблемы этнокультурного потенциала русского слова является сравнительно новым подходом в современной русистике и нуждается в глубокой разработке, чем и обусловлена актуальность данной статьи.

Этнокультурная специфика диалектной фраземики во многом определяется типом фразеолекс – тех слов, которые представляют компонентный состав диалектных фразем. Как показывает материал, более половины всех донских диалектных фразем (далее в тексте – ДДФЕ) состоит из слов общенародного языка (67 % – около 3350 из 5000 обследованных). Их диалектная принадлежность определяется не столько составом входящих в их состав лексических единиц, сколько локальностью распространения, сравните: *пропасть с кожей* ‘бесследно исчезнуть’, *пройти льном* ‘о проныре’, *обнищать глазами* ‘о плохом зрении’, *не достать рога* ‘об очень высоком человеке’, *наступить на порог* ‘требовать, принуждать’, *наломать язык* ‘приобрести умение говорить, спорить’, *прохлопать ноздрями* ‘прозевать что-либо’, *жареное долото* ‘об отсутствии съестного’ и мн. др. Однако все же значительная часть фразеологических единиц донских говоров включает в свой состав собственно диалектную лексику. При этом распределение по типам диалектизм-фразеолекс осуществляется в говорах неравномерно. В составе ДДФЕ преобладают лексические диалектизмы. Они представлены, в первую очередь, следующими лексико-семантическими группами:

1. **Антропоцентрическая лексика**, то есть слова, называющие человека, части его тела, свойства характера, привычки, поступки, действия, состояния и т. п. (*баглай* ‘лентяй’ (*баглай ожеребистый* ‘бездельник, тунеядец’), *ходун* ‘тот, кто свободно передвигается’, *сидун* ‘тот, кто сидит без посторонней помощи’ (*ни ходун ни сидун* ‘о слабом, беспомощном человеке’), *выбрык* ‘взрывающееся движение’ (*выбрык телячий* ‘некто, ничего не стоящий, но выказывающий свои претензии’), *прыск* – (переносное) явление по значению глагола *прыскать* ‘обдавать брызгами, мелкими каплями какой-либо жидкости’ (*в самом прыску* ‘вершина физического здоровья, силы’), *хириша* ‘задняя часть шеи’ (*брать за хиришу* ‘наказывать, заставлять подчиняться’), *куфилка* ‘голова’ (*куфилка не работает* ‘кто-либо ничего не понимает, не соображает’), *полуда* ‘бельмо’ (*иметь полуду на глазах* ‘не замечать очевидного’), *нетужимый* ‘веселый, беззаботный’ (*нетужимая головушка* ‘о веселом, неунывающем человеке’), *огрѣбом* ‘загребая обеими руками’ (*брать огрѣбом* ‘захватывать в большом количестве – о жадном

человеке'), *одор* 'страх' (*одор* взял 'кто-либо испугался'), *подеется* 'случиться' (*ничего не подеется с кем* 'ничего страшного не случится, кто-либо легко переживет что-либо'), *наветка*, *нахиляция*, *нагонка* 'наставление, нотация' (*дать наветку* 'дать наказ, отругать, прочесть нотацию'), *прыгать* 'прыгать, подскакивать вверх' (*выше не прынешь* 'ничего нельзя поделаться, необходимо смириться'), *расцобекаться* 'разобраться' (*не расцобекаешься* 'не разберешься в чем-либо – о чем-либо запутанном, непонятном'), *ворохнуться* 'пошевелиться' (*ни повернуться ни ворохнуться* '1) о болезненном состоянии; 2) о тесноте'), *прихиять* 'приклонять' (*прихиять голову* 'найти приют'), *улытнуть* 'убежать' (*улытнуть от своих слов* 'отказаться от ранее сказанного'), *блзниться* 'мерещиться' (*блзнится в глазах* 'привиделось что-либо'), *торить* 'водить (носом), поворачивать' (*не тори ус на чужой кус* 'не рассчитывай на чужое') и мн. др.).

Интересно, отметить, что среди фразеолекс данной группы встречается единичное число лексем, называющих самого человека по какому-либо признаку. Видимо, как фразеолексы такие слова неактуальны: обладая высокой степенью оценочности, образности и эмоциональности, они являются семантически самодостаточными и поэтому их фразеологическая активность приближена к нулю. Ни разу не встретились нам в составе ДДФЕ такие, например, слова, активно употребляемые в говорах, как *неумоя*, *нехалюза*, *нехомоза*, *нечистоха*, *нечупаха* 'неряха, грязный, неопрятный человек', *нехлюй* 'неловкий, нерасторопный человек', *лотошиха* 'чрезмерно суетливая женщина', *захлюстанка* 'грязнуля', *зевло* 'раззява' и под. Большинство диалектных фразеолекс-антропоцентризм называют действия, состояния человека, свойства его характера, то есть наиболее активной в этой группе оказывается глагольная лексика, а также отглагольная субстантивная. Соматизмы в составе ДДФЕ представлены в большинстве своем общенародными словами (голова, нос, ноги, руки, уши, губы и нек. др.) и лишь немногие являются лексическими диалектизмами, которые представляют собой стилистически маркированные варианты литературных слов, порою приближенных к просторечным формам (*зенки*, *гачи*, *бельмы*, *бельтюки*, *носотырка*, *хребтук*, *хрип*, *грабли* и др.).

2. Лексика, называющая **артефакты**: орудия труда, всевозможные постройки, приготовляемую пищу, одежду, элементы материальной культуры (*курень* 'казачий дом' (*своему куреню голова* 'кто-либо хозяин в доме'), *хата* 'разновидность жилья' (*выносить сор из хаты* 'разглашать семейные тайны'), *бабайка* 'весло' (*три бабайки в гору* 'о высоком человеке'), *гнуздак* 'уздечка' (*гнуздак не перегрызёт кто* 'робкий, стеснительный, несмелый'), *кислиця*, *сырица*, *сырница* 'сыромятная кожа' (*выкручивать кислицу (сырицу)* 'наказывать, бить'), *торока* 'переметная сума, приторенная к седлу, в которой содержатся вещи верхового казака' (*смерть в тороках сидит* 'об опасности, подстерегающей казака на войне'), *взвар* 'компот из сухофруктов' (*дать взвару* 'отругать, наказать'), *куделя* 'пучок шерсти для пряжи' (*не к рукам куделя* 'о неспособном, неумелом, ленивом человеке'), *кизе'ки* 'топливо из навоза' (*кизека не слепил* 'о ленивом человеке'), *едка* 'пища, еда' (*ни пойка ни едка* 'о плохих вкусовых качествах пищи'), *жданки* 'пышки для долгожданных гостей' (*поест все жданки* 'о долгом ожидании кого-либо, чего-либо'), *кросна* 'пряжа из конопли' (*не влазь не в свои кросна* 'не вмешивайся в чужие дела'), *пряжка* 'ремень' (*вложить пряжки* 'наказать, побить'; *пряжка плачет по ком* 'кто-либо заслуживает наказания'), *гашник* 'пояс, притороченный к нижнему белью' (*виши гашник переели* 'о бедности'), *заткнуть за гашник* 'взять превосходство над кем-либо'), *шпунт* 'пробка, затычка' (*шпунт от бочки* 'малозначительный человек') и мн. др.).

В данной группе диалектизмов достаточно равномерно представлены все тематические подразделения. Большая часть этих слов активно функционирует в говоре как самостоятельные лексемы, т. к. обозначает предметы повседневности, с детства известные каждому жителю станицы. Это, с одной стороны, делает их этнокультурно маркированными, а с другой, повышает их способность включаться во фразеологические процессы.

3. Слова, называющие **объекты растительного и животного мира** (*купырь* 'растение с трубчатым стеблем' (*лезть в купырь* '1) возмущаться по пустякам; 2) унижаться, проявлять подхалимство'), *жгучка*, *сербучка* 'крапива' (*найти в жгучке* 'о незаконнорожденном ребенке'), *печерика* 'гриб' (*сидеть как печерика* 'неподвижно, сидеть, не трогаясь с места'), *бут* (*бутовый*) 'лук-порей' (*бутовая толкушка* 'о бестолковом человеке'), *хист* 'сообразительность, удача' (*хисту не хватает* 'не хватает ума, смекалки'), *лазореый цветок* 'степной тюльпан' (*как лазореый цветок* 'о красивой девушке, женщине'), *чекамас* 'окунь' (*ловить чекамасов носом* 'дремать'), *бирюк* 'старый одинокий волк' (*жить бирюком* 'жить одиноко, нелюдимо'), *байбак* 'грызун семейства сусликовых' (*спать как байбак в норе* 'о бездельнике') и нек. др.). Следует отметить, что диалектных слов данной тематической группы немного. Абсолютное большинство наименований растений, рыб, птиц и животных в составе ДДФЕ представлено общерусскими словами (волк, бык, лошадь, лиса, сорока, ворона, воробей, сом, линь; груша, ряска, ива и др.).

4. Диалектизмы с **отвлеченным, абстрактным** значением. Сюда относим слова, называющие пространственно-временные, философско-бытовые и иные отвлеченные понятия, квантитативы, разного рода интенсификаторы: *могута* ‘внутренние силы’ – от глагола *мочь* – ‘иметь возможность, быть способным’ (*могуты нет* ‘о сильном чувстве усталости’), *знатьё* ‘сведения, информация, известие’ (*кабы знатьё про это житьё...* ‘если б знал, поступил бы иначе’), *упруг* ‘приложенные усилия за один промежуток времени’ (*в один упруг* ‘одним разом’; *в вечерний упруг* ‘в период вечерней работы’), *хмыл* ‘пожар, огонь’ (*как хмылом взяло* ‘кто-либо бесследно исчез’), *лихо* ‘дело, какая-либо необычная работа’ (на все лихи мастер ‘мастер на все руки’), *рахунок* ‘порядок’ (*наводить рахунок* ‘приводить в порядок’), *выщелка* ‘показуха, похвальба’ (*на выщелку* ‘с целью похвалиться’), *емя* ‘еда’ (*на семя и на емя* ‘много всего, в достаточном количестве’), *квасцы* ‘болезнь, хандра’ (*не выходит из квасцов* ‘постоянно пребывать в болезненном состоянии’), *чох-мох* ‘нечто элементарное’ (*не понимать чоху-моху* ‘о глупом человеке’), *не замай; нехай* ‘пусть; дозволение чего-либо’ (*ни суй, ни пхай – и так нехай* ‘о глупом, недалекоем, малопригодном человеке’), *не лютить* ‘не ладиться – о делах’, *обтрусить* ‘отрясти, сбросить’, *охоботь* ‘старые, ненужные вещи’ (*обтрусить свои охоботь* ‘расстаться с прошлым, начать новую жизнь’), *позычить* ‘позаимствовать’ (*позычить у собаки глаза* ‘о наглоте, бессовестном человеке’), *помороковать* ‘подумать, поразмыслить’ (*помороковать головой*), *бусарь* ‘1) глупость; 2) буйный нрав’ (*с бусарью кто*), *загоить* ‘зажить, перестать болеть’ (*сердце загоилось* ‘кто-либо перестал переживать, успокоился’), *скрутно* ‘тяжело, трудно, невыносимо’ (*скрутно и тошно* ‘о трудном положении, о тяжелом состоянии’), *с неподхватом* ‘без поддержки’, *дурата* ‘глупость’ (*творить дурату* ‘совершать глупые поступки’) и др.

Следует отметить, что лексические диалектизмы этой группы не обладают темо-семантической самостоятельностью. Каждая из названных лексических единиц тематически примыкает к одной из вышеуказанных групп – антропоцентризмам (сравните: *скрутно*, *дурата*, *хист* и др.), артефактам (*слом*, *охоботь*). В единую систему их объединяет только отвлеченный характер семантики.

Для диалектной системы характерно наличие целой группы слов, значение которых остается не выясненным до конца, поэтому трудно говорить об их лексико-семантической принадлежности. Некоторые из таких слов являются частично мотивированными (сравните: *собачья сбеглежь* ‘сброд, хулиганы’, где лексема *сбеглежь* представляет собой субстантивированное образование от глагола *сбегаться*; *скрутно* и *больно* ‘о тяжелом положении’; наречие *скрутно* является отглагольным дериватом – оно, вероятнее всего, образовано от глагола *скрутить*; *сморозить бухтину* ‘сказать что-либо неуместное’; здесь также можно предположить деривационную связь существительного с просторечным глаголом *бухнуть* ‘сказать не вовремя и невпопад’). Другая группа лексических диалектизмов, выступающих в роли фразеолокс, является вышедшими из активного употребления, устаревшими наименованиями реалий. Значение таких слов можно обнаружить в исторических словарях, в “Толковом словаре живого великорусского языка” В. И. Даля или диалектных словарях иных регионов: *все пошло култуком*: в татарском языке одно из значений слова *култук* – тупик (Даль, 1998, П: 216), поэтому значение фразеологизма можно определить как ‘дело не пошло; зашло в тупик’; *и так и кавалками* ‘всего много, в достатке, в большом количестве’, где *кавалок* (пензенское, курское, воронежское) – шмат, кусок, ломоть (Даль, 1998, П: 71) и др. Еще одна группа собственно лексических диалектизмов представляют собой немотивированные или слабомотивированные образования, внутренняя форма которых затемнена. Одни из них являются созвучными формальными аналогами парных компонентов (*ни сказки ни гаски* ‘о полном безразличии’; *ни детей ни витей* ‘о полной свободе’; *посулил да осоллил* ‘о пустых обещаниях’); другие представляют собой произвольно образованные на основе частичных звуковых совпадений с базовой лексемой слова-интенсификаты (о ленте: *шатыль мотыль*, *шата бата* (ср.: шататься, мотаться), *шель шевель*, *шень перешень* (ср.: шевелиться), *шах мах* (ср.: махать); о моднице: *чик на вычик*, *шик на вышик* ‘ярко, модно, претенциозно’ (ср.: шиковать)) или абсолютно произвольные звуковые комплексы, которым носителями диалекта присваивается то или иное значение (*чик в чик* ‘точно, аккуратно’; *шинтарь навынтарь* ‘абы как, беспорядочно, бездумно’ и нек. др.).

Другой представленной значительным числом единиц группой фразеолокс являются **словообразовательные** диалектизмы. Сам характер диалектного словообразования является культурно маркированным элементом диалектной речи, так как здесь обнаруживаются определенные закономерности развития лексической системы говора. Выделяем следующие словообразовательные типы диалектных слов:

1) префиксальные: а) образованные присоединением приставки к общенародному слову: *приждать нечего* ‘нет никакой надежды’ (ср.: ждать); *с разлёту* ‘не раздумывая’ (ср.: с лёту); *идти напоперёк* ‘не соглашаться, возражать’ (ср. поперек); *хоть закунайся* ‘много всего, в избыточном количестве’ (ср.:

купайся); б) заменой одной приставки на другую: *не сговорить натошак* 'о несговорчивом, скандальном человеке' (ср.: не уговорить); *не покрывать зубов* 'болтать без умолку' (ср.: не прикрывать); *не ухвалятся* 'не нарадуются' (ср.: не нахвалятся); *жить в придовольствии* 'жить беззаботно, ни в чем не нуждаясь' (ср.: удовольствие); *обмывать руки* 'уклоняться, снимать с себя всю ответственность' (ср.: умывать руки); *отсколок от черта* 'о хулигане' (ср.: осколок) и др.

2) суффиксальные: а) замена одного суффикса на другой: *хлипавый на расплату* 'трусливый' (ср.: хлипкий); *хоть репушку пой* 'о тяжелом, безвыходном положении' (ср.: репку); *как надоедная муха* 'кто-либо назойлив, надоедлив' (ср.: надоедливый); *пускаться на хитраки* 'хитрить' (ср.: хитрости); *бабичьи сказки* 'ложь, выдумка' (ср.: бабьи); *бить и не велеть жалиться* 'серьезно наказывать' (ср.: жаловаться); *пустить волка в овчарник* 'о ненадежном, нечестном человеке' (ср.: овчарня); *устаток не берет* 'о сильном, выносливом человеке' (ср.: усталость); б) присоединение к общенародному слову какого-либо суффикса: *всё дажечки* 'всё до последнего' (ср.: даже); *давать поводок* 'стимулировать подтолкнуть' (ср.: повод); *не на такового напал* 'не тут-то было, не на такого напал' (ср.: такой); *устроить лаёж* 'устроить крик, шум, ссору' (ср.: лай); *ходить юлочкой* 'крутиться вокруг, подлизываться' (ср.: юла); *витья ужаком* 'изворачиваться' (ср.: уж) и др.

3) суффиксально-префиксальные (одновременное присоединение к общенародному корню нетипичных приставки и суффикса): *на одно поличье* 'похожие, одинаковые' (ср.: лицо); *дать прикоротку* 'наказать, ограничить в действиях' (ср.: укорот); *держаться отдала* 'наблюдать со стороны' (ср.: даль) и нек. др.

В отдельную группу выделяется в говоре большое количество безаффиксных образований – лексемы, образованные путем усечения основы общенародного глагола или отглагольного существительного: *галд* 'крик, шум' (*с галдом и с криком*), *слом* 'поломка, износ' (*слому нет кому, чему* '1) кто-либо физически силен; 2) о предмете высокого качества'), *смек* 'соображение' (*не знать смеку* 'о глупом человеке'), *уём* 'угомон, успокоение' (*не знать уёму* 'кого-либо нельзя остановить, успокоить'), *заклин* 'прекращение деятельности' (*ни уёму ни заклин* 'кто-либо не способен вовремя остановиться, успокоиться'), *утолок* 'усталость' (*ни угомону ни утолоку* – с тем же значением), *блись* – от глагола блестять (*пятки только блись* 'быстро, стремительно убежать'), *глум* 'издевка, глумление' (*пустить в глум* 'издеваться, насмеяться'), *скок* 'прыжок' (*на заячий скок* 'о незначительном расстоянии; мало; недалеко'), *отжив* 'время ограниченного проживания на определенной территории' (*жить, как хохол на отживе* (*на отшибе*) 'ни за что не отвечать, ни о чем не заботиться') и др.

Кроме собственно лексических и словообразовательных диалектизмов, в роли фразеолокс выступают также и семантические, фонетические, морфологические диалектизмы. По количественному составу они заметно уступают двум первым группам.

Морфологические диалектизмы в составе ДДФЕ отражают изменение отдельных грамматических категорий: рода (*без роду, без породу* 'никто, незначимый, ничем не примечательный человек', *в одну рядку* 'вместе, одновременно, рядом'), видоизмененное формообразование разных частей речи: падежных окончаний имен существительных (*накрутить хвоста* 'наказать', *не ко время* 'не вовремя', *приложить сто титул* 'обругать', *моль моля' ест* 'один другого стоит'), окончаний множественного числа (*волка' завелись в огороде* 'о запущенном хозяйстве', *возрастать на сахарах* 'ни в чем не испытывать недостатка', *как на шильях* 'беспокойно, нервно', *набивать в обоя скулья* 'наедаться вдоволь', *на все боки* 'быстро, во всю силу, с максимальной скоростью'), личных окончаний глаголов (*ноги гудут* 'о сильной усталости'), форм деепричастий, обычно выступающих в составе ДДФЕ в качестве наречий (*жевать жеймя, жевмя* 'сживать со свету', *не ходи разумии* 'будь осторожен', *торчмя торчат* 'долгое время находиться где-либо').

Особую группу составляют языковые единицы, имеющие соответствия в литературном языке, но употребляемые в диалекте в нетипичных синтаксических конструкциях: *до жизни веку* 'долго', *живо два* 'быстро убежать', *зри в три* 'будь бдителен, внимателен', *кричать на пуп* 'громко кричать', *почём зря попало* 'о бурном проявлении чего-либо', *как могёшь моги* 'старайся изо всех сил'. В силу специфических синтагматических характеристик таких слов диалектные фразеологизмы, в состав которых они входят, представляют собой оригинальные синтаксические образования, присущие только данным говорам.

Семантических диалектизмов в составе диалектных фразеологических единиц незначительное число. Сюда относим слова, имеющие формальные аналоги в литературном языке, но отличающиеся от них своим значением, то есть являющиеся по сути омонимами литературных слов. Наиболее употребительными среди них являются *пряжка* 'ремень' (*пряжка плачет по ком* 'кто-либо заслуживает наказания'), *старцы* 'нищие' (*жить как старцы* 'жить очень бедно', *прикидываться старцами* 'жаловаться на свою бедность, будучи вполне обеспеченными'), *глухой* 'бездеятельный' (*глухая*

пора ‘время отдыха, период – обычно поздняя осень и зима –, когда наступает некоторый перерыв в активной хозяйственной деятельности’, ср.: *шей да пори – не будет глухой поры*), *санки, салазки* ‘челюсти’ (*дать под санки; поправить салазки* ‘побить’), *виски* ‘волосы’ (*расчесывать виски* ‘наказывать’), *поршни* ‘грубая рабочая обувь, сделанная из целого куска кожи’ (*ходить в поршнях* ‘быть бедным, нищим’), *хоронить* ‘прятать’ (*хоронить концы* ‘заканчивать дело’, *хорониться за чужую спину* ‘отсиживаться, жить за счет других’), *званье* ‘известие’ (*и званья нет и знаку* ‘кто-либо бесследно исчез’), *завет* ‘мысль, дума’ (*и в заветах не было* ‘и не думал, и не мыслил, не предполагал’) и нек. др.

Собственно диалектная лексика обладает разной степенью фразеологической активности. Тем не менее, важно отметить, что абсолютное большинство диалектных слов употребляется в качестве фразеолокс два и более раза. К примеру, среди фразеологических единиц, в состав которых входят лексические диалектизмы (738 случаев словоупотребления) таких единиц более ста пятидесяти (*прикачнуться* ‘привидеться’, *гаманок* ‘кошелек’, *летошний* ‘прошлогодный’, *тычок* ‘удар, толчок’, *чекамас* ‘окунь’, *кочет* ‘петух’, *гашиник* ‘притороченный пояс на нижнем белье’, *могута* ‘физические силы, способности’, *насердка* ‘раздражение, злость’, *сырица* ‘невыделанная кожа’, *хата* ‘жилище, дом казака’, *калган* ‘голова’, *гнуздалка* ‘узда’, *докучный* ‘назойливый’, *кут* ‘угол’, *мороковать* ‘думать, соображать’, *полуда* ‘бельмо’, *журичься* ‘печалиться’, *лунь* ‘луна, месяц’, *кавалок* ‘кусок’, *карга* ‘ворона’, *тям, хист, хиз* ‘смекалка, соображение’, *жданки* ‘выпечные изделия из теста’ и др.).

Как показывает материал, в составе ДДФЕ встречается практически вся диалектная лексика, активно функционирующая в говорах в качестве самостоятельных лексем. Она отражает различные стороны жизни диалектоносителей: мыслительную деятельность, быт, всевозможные чувства и эмоции, социальные отношения, временные и пространственные понятия, элементы материальной и духовной культуры – и поэтому вполне может служить показателем этнокультурного своеобразия диалектной фраземики казачества

Русистика

Вып. 13

Київ – 2013

Н. С. Болотнова (Томск)

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ ТЕКСТА

В статье обосновывается понятие “ассоциативное поле текста”, рассматривается его соотношение с понятием “ассоциативное поле слова”. На основе анализа результатов ассоциативных экспериментов и лексической структуры текстов, взятых для исследования, выявляется интерпретационный потенциал ассоциативного поля поэтического текста. Исследование проводится в русле коммуникативной стилистики художественного текста.

Ключевые слова: ассоциативное поле текста, ассоциативное поле слова, интерпретация.

У статті обґрунтовано поняття “асоціативне поле тексту”, розглянуто його співвідношення з поняттям “асоціативне поле слова”. На основі аналізу результатів асоціативних експериментів і лексичної структури текстів, узятих для дослідження, виявлено інтерпретаційний потенціал асоціативного поля поетичного тексту. Дослідження проведено у межах комунікативної стилістики художнього тексту.

Ключові слова: асоціативне поле тексту, асоціативне поле слова, інтерпретація.

The article points to a notion “associative sphere of a text” and its correlation with a notion “associative sphere of a word”. Interpretative potential of associative sphere of poetic text is revealed on basis of analysis of associative experiments and lexical structure of texts, which have been researched. The research is based in realm of communicative stylistics of a feature text.

Key words: associative sphere of a text, associative sphere of a word, interpretation.

Интерес к понятию “ассоциативное поле текста” обусловлен текстоцентризмом современного гуманитарного знания и усилением внимания к анализу текста в коммуникативно-деятельностном аспекте. В задачи статьи входит обоснование данного понятия и определение интерпретационного потенциала ассоциативного поля поэтического текста. Исследование проводится в русле коммуникативной стилистики художественного текста, развивающейся на стыке с психолингвистикой, лингвистической прагматикой и герменевтикой¹. При коммуникативно-деятельностном подходе текст рассматривается “как коммуникативная система речевых знаков и знаковых последовательностей, воплощающая сопряженную модель деятельности адресата и отправителя сообщения”².

За исходные нами взяты следующие положения. Познавательная деятельность адресата художественного текста имеет ассоциативно-образный характер. Ассоциативное развертывание текста,

стимулированное прежде всего его лексической структурой, происходит в сознании читателя и является его реакцией на текст. При этом следует различать ассоциативный потенциал текста как системы знаков и знаковых последовательностей, связанный с их способностью потенциально направлять ассоциативную деятельность читателей. В этом случае с известной долей вероятности можно прогнозировать возможные направления ассоциативного развертывания текста на основе использования исследователем приема интроспекции и анализа лексической структуры текста.

Ассоциативное развертывание текста можно рассмотреть и как процесс возникновения в сознании читателей сети ассоциатов, стимулированных текстовыми структурами разного типа (прежде всего лексическими), включая ключевые слова-стимулы, опорные слова и слова-маркеры ассоциатов. Ассоциат определяется нами как смысловой коррелят к слову-стимулу – элементу лексической структуры текста, соотносимый в сознании воспринимающего текст субъекта с явлениями текстового мира, сознания, а также с другими словами. Ассоциативное развертывание текста в этом случае можно выявить экспериментально на основе опроса информантов и компьютерной обработки полученных данных. Итогом ассоциативного развертывания текста является компрессия, обобщение текстовых ассоциатов, образующих ассоциативную структуру текста. Ее можно определить как модель, отражающую связь основных направлений ассоциирования, стимулированных системой текстовых знаков и знаковых последовательностей в процессе восприятия текста и интерпретационной деятельности адресата.

Ассоциативная структура текста является своеобразным “каркасом” его ассоциативного поля. Оно трактуется нами как система порожденных текстом и структурированных особым образом в сознании адресата ассоциаций – реакций на текст. Моделирование ассоциативного поля текста предполагает учет частотности полученных на текст-стимул реакций и их систематизацию относительно ядра и периферии поля. Как показал эксперимент, применительно к поэтическому тексту полученные реакции соотносятся с его тематическим, предметно-логическим, сюжетно-композиционным, эмоциональным, образным уровнями и с личностью автора. Анализировалось более двух тысяч реакций, выявленных в ходе свободного ассоциативного эксперимента, в котором участвовало 150 информантов – студентов Томского государственного педагогического университета. После прочтения ими каждого из 4-х взятых для анализа поэтических текстов М. И. Цветаевой и И. Бунина предлагалось зафиксировать возникшие в сознании ассоциации. Ответы ранжировались в порядке убывания и автоматически сортировались на основе компьютерного анализа.

Выяснилось, что ассоциативное поле текста обладает большими информативными возможностями для изучения процесса восприятия текстов читателями, для исследования роли разных уровней текста и элементов его системы в регулировании ассоциативной деятельности адресата, для изучения прагматики текста, его макроструктуры и отдельных микроструктур. Наряду с субъективными факторами (социальный и языковой опыт читателя, его информационный тезаурус, уровень духовной культуры, психологические особенности, ситуативная обусловленность и т. д.), можно говорить и об объективных факторах ассоциативной деятельности адресата, обусловленных особенностями самого текста, его семантикой, структурой и прагматикой. Это особенно важно для разработки методики смысловой интерпретации текста.

Ассоциативное поле текста еще не было объектом специального внимания исследователей, в отличие от другого понятия – ассоциативное поле слова, достаточно разработанного в психологии, лингвистике и психолингвистике (см. работы Л. С. Выготского, А. А. Леонтьева, А. А. Залевской, Ю. Н. Караулова, Н. В. Уфимцевой, Ю. А. Сорокина, А. Е. Супруна, А. П. Клименко, И. Г. Овчинниковой, Л. Н. Титовой, Л. Ю. Максимова и др.). Определяя статус ассоциативного поля текста и сопоставляя его с ассоциативным полем слова, можно говорить о наличии сходства между ними.

1. То и другое есть совокупность реакций в сознании человека на стимулы, которыми являются соответственно слово и текст, включая его элементы. Например, анализ ассоциативного поля поэтического текста М. И. Цветаевой “Моим стихам...”, насчитывающего 475 реакций по данным проведенного нами опроса информантов, показал, что многие ассоциации стимулированы не всем текстом, а отдельными актуализированными в нем лексическими единицами: *Моим стихам, написанным так рано, / Что и не знала я, что я – поэт, / Сорвавшимся, как брызги из фонтана, / Как искры из ракет, // Ворвавшимся, как маленькие черти, / В святилище, где сон и фимиам, / Моим стихам о юности и смерти / – Нечитанным стихам! – // Разбросанным в пыли по магазинам / (Где их никто не брал и не берет!), / Моим стихам, как драгоценным винам, / Настанет свой черед.* Например, стимулы “Сорвавшимся, как брызги из фонтана, / Как искры из ракет”, отражающие резкость, стремительность поэзии Цветаевой, вызвали соответственно реакции информантов: 1) *внезапность 2, фонтан 1, сила 1; взрыв 2, ветер 2; энергия 1, суета 1, скорость 1, порыв 1*; 2) *огонь 3, салют 2, фейерверк, солнце, солнце*

на дворе, янтарь, искры, искристость, блики солнца на стекле. Стимул “Ворвавшись, как маленькие черти”, отражающий необычность, озорной характер стихов, вызвал реакции: новизна 2; неожиданность 2; свобода, протест; новаторство, непредсказуемость, а также ассоциации, связанные со словом “черти”: белый 2, ангел 2, церковь 1. Ряд реакций явно стимулирован сравнением поэзии с драгоценными винами (“как драгоценным винам, настанет свой черед”). Эти реакции соотносятся как с буквальным смыслом отдельных слов: шампанское, папин бар, красное вино, вино долгой выдержки, драгоценный, – так и с глубинным смыслом текста, отражающим признание поэзии автора в будущем: будущее 8, бессмертие 3; уверенность в будущем 3, всему свое время 2, время 2, взгляд в будущее 2, вечность 2, незабвенность.

Многие реакции (36) возникли на основе стимула “Нечитанным стихам, – Разбросанным в пыли по магазинам / (Где их никто не брал и не берет)”, отражающего непризнание поэзии современниками: неизвестность 5; одиночество 3, непонимание 3, непризнание 2, неоцененная по достоинству поэзия 2; неопределенность 2; равнодушие; неудача; обреченность; неприязнь, несправедливость, ненужные книги. Таким образом, ассоциативное поле текста включает как реакции на текст в целом, так и на отдельные элементы текста (словные и сверхсловные единицы), актуализированные автором.

2. Ассоциативные поля слова и текста имеют богатые информативные возможности. Ассоциативное поле слова отражает особенности его семантики, грамматической оформленности, звукового облика, морфемной структуры, тематической соотнесенности, стилистической окраски и прагматики³. Что же касается ассоциативного поля текста, здесь наблюдается та же обусловленность его семантикой, структурой, прагматикой, включая стилистическую маркированность и экспрессивность. Например, в ассоциативном поле текста “Моим стихам...” М. И. Цветаевой больше всего реакций обобщающего характера. Среди них есть связанные с идеей произведения (108), – верой в будущее признание стихов: надежда 25; уверенность 12, слава 8, вера 8, будущее 8, мечты 6, оптимизм 4, ожидание 4, пророчество 3, признание 3, вера в себя 3, бессмертие 3, уверенность в будущем 2, всему свое время 2, время 2, взгляд в будущее 2, вечность 2, удовлетворение, уверенность в успехе, уверенность в себе, уверенность в завтрашнем дне, предчувствие светлого будущего, предвидение, победа, достижение цели и др.

На втором месте по частности находятся реакции, связанные с эмоциональной тональностью текста, которая является варьирующейся. Это связано с лексической структурой текста и ее элементами, актуализирующими в сознании информантов как минорную тональность (60): грусть 14, печаль 7, соглашение 5, обида 4, тоска 3, горечь 3, разочарование 2, переживание 2, недовольство 2, грустное 2, уныние 1, отрешенность, отчаяние, отчужденность, мимолетная грусть, боль, безысходность и др., так и мажорную (36): легкость 5, светлое 3, праздник 3, нежность 3, чистота 3, светлый 2, свет 2, умиротворение, светлость, светлая грусть с надеждой, радость, приятное, пафос, восторг, жизнелюбие, возбужденность, беззаботность и др.

На третьем месте по частности находятся тематические реакции, отражающие как общую тему поэта и поэзии (47), так и отдельные микротемы. Сравним реакции первого типа: талант 10, поэт 5, творчество 4, стихи 3, поэзия 4, вдохновение 3, толстые книги 3, темы стихов, стопки книг, рифма, поэтичность, первый опыт, любовь к своим стихам, жизнь нелегкая поэта и др. К ассоциациям, связанным с отдельными микротемами стихотворения, можно отнести такие, которые стимулированы указанием автора на тематику своих стихов (“о юности и смерти”). Это нашло выражение соответственно в реакциях: молодость 19, юность 10, детство 2, раннее детство 1, мальчик; смерть 3, черная вуаль. Микротема традиционной поэзии (“святилище, где сон и фимиам”), нашла воплощение в реакциях: чертоги, уютный кабинет, тяжелые шторы, тишина, сокровище, сладость, скука, мягкость, дворец, большой кабинет, бархат.

Интересно и то, что в реакциях на текст нашел отражение образ автора – целеустремленной, глубокой, духовно богатой женщины, великодушной, любящей свои стихи и вместе с тем, по мнению читателей, судя по их реакциям, гордой, честолюбивой, самоуверенной, с завышенной самооценкой, ср.: женщина; женственность, гордость 3, честолюбие, самоуверенность, напыщенность, завышенная самооценка, вера в себя, целеустремленность, любовь к своим стихам; известность, глубина, великодушье, власть. Среди реакций обобщающего характера есть и указывающие на тип поэтической речи, отраженный в стихотворении, являющемся монологом-размышлением: размышления 2, раздумья 2, оценка 2, мысли 2, задумчивость 2, самопознание, открытие, осознание своего таланта, знание, думы. К реакциям, связанным с оценкой художественных особенностей текста, можно отнести: красота 4; сравнения, изящество, звучание, мелодичность. Таким образом, разные аспекты текста и личности автора, “стоящей за ним”, находят отражение в ассоциативном поле текста.

3. Ассоциативное поле слова и текста объединяет наличие ядра и периферии, то есть наиболее частотных, типовых реакций и индивидуальных, единичных. Ядерные единицы ассоциативного поля текста наиболее значимы для выявления закономерностей познавательной деятельности читателей, стимулированных текстом. Они являются определяющими для изучения ассоциативной структуры текста в рамках его ассоциативного поля и смыслового развертывания текста. При этом, как показывают наблюдения, наиболее частотные реакции обусловлены типом текста. Они отражают либо его *идею* (если текст имеет характер *рассуждения*, например стихотворение М. И. Цветаевой “Моим стихам...”, в ассоциативном поле которого наиболее частотной реакцией является *надежда 25*, либо *тему* произведения (если оно является *описанием*, как в стихотворении М. И. Цветаевой “Красною кистью...”, в котором конкретизируется время рождения лирической героини, а наиболее частотной реакцией является *осень 46*; либо *повествованием*, как в стихотворении М. И. Цветаевой “Идешь, на меня похожий...”, где ключевой является реакция *смерть – 52*).

По результатам проведенного нами эксперимента на основе анализа 2104 реакций, входящих в ассоциативные поля 4-х поэтических текстов (включая стихотворение И. Бунина “Вечер”, кроме ранее отмеченных произведений М. И. Цветаевой), можно утверждать, что к *ядерным реакциям* принадлежат соотносящиеся с *темой* произведения или его *идеями*, а также с *эмоциональной тональностью текста*. Что же касается *периферии* ассоциативного поля текста, к ней отнесены индивидуальные единичные субъективные реакции, как правило, не мотивированные текстом. Промежуточную зону между ядром и периферией составляют реакции, указывающие на особенности образа автора, отдельные микротемы и образы, а также соотносящиеся с хронотопом и художественными особенностями текста.

4. Ассоциативные поля слова и текста объединяет обусловленность культурно-историческим и социальным контекстом и динамичность при наличии инварианта, определяемого объективными качествами стимулов, их коммуникативной сущностью. По свидетельству авторов Русского ассоциативного словаря, в нем “представлен активный словарный фонд (50–60 тыс. единиц), используемый в определенном промежутке (10–20 лет), и в котором зафиксированы доминантные для этого периода понятия и связи между ними, а также устойчивые связи между отдельными словами и группами слов (типовые ассоциации)”⁴. На исторически, социально и психологически обусловленный характер читательских ассоциаций указывают и некоторые элементы ассоциативного поля текста. Среди реакций на стимул “Спорили сотни / Колоколов. / День был субботний: / Иоанн Богослов”, входящих в ассоциативное поле стихотворения “Красною кистью...”, есть достаточно частотные, относящиеся к ядерной части поля (66), отражающие современное отношение к религии, в отличие от воинствующего её отрицания в прежние годы (ср. реакции: *церковь 3*, *звон колокольчиков 15*, *праздник 13*, *храм 2*, *святой день*, *молитва*, *купола*, *благословение*, *библия*).

5. Ассоциативные поля слова и текста объединяет диалогичность. О ней писал М. М. Бахтин: “Каждое слово (каждый знак) текста выводит за его пределы. Всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами”⁵. Адресат не только соотносит воспринимаемый текст с другими, но и формирует свой на основе интерпретации, то есть вступает в диалог с ним. Это находит отражение в ассоциативном поле текста, фиксирующем знания читателя, его оценку и впечатления. Так, на диалогичность ассоциативного поля текста указывает, например, то, что в ассоциативное поле стихотворения И. Бунина “Вечер” входят реакции обобщающего характера, отражающие постижение читателем художественного смысла произведения: *умиротворение 7*, *любовь 5*, *чистота 4*, *внутренняя гармония 3*, *гармония с природой 3*, *желание жить*, *жизнь*, *удовлетворенность жизнью*, *все прекрасно*, *все благополучно*, *наслаждение мигом тишины*. В ядро ассоциативного поля текста входят реакции, связанные с его темой и идеями: *счастье 16*, *спокойствие 13*, *природа 11*, *умиротворение 7*, *покой 6* (ср. идею стихотворения: “А счастье всюду”).

Разный характер восприятия стихотворения особенно проявляется в оценке его эмоциональной тональности, диапазон которой широк. Так, 48 реакций отражают его восприятие как текста, имеющего спокойную и даже оптимистическую тональность: *спокойствие 13*, *умиротворение 7*, *покой 6*, *легкость 4*, *радость 3*, *успокоение*, *улыбка*, *удовлетворенность жизнью*, *удовлетворение*, *тихая радость*, *теплое спокойствие*, *оптимизм*, *окрыленность*, *одухотворенность*, *нежность*, *доброе*, *восхищение*, *безмятежность*. Вместе с тем 34 реакции указывают на минорную тональность: *печаль 6*, *грусть 6*, *усталость 4*, *тоска 4*, *задумчивость 3*, *уныние 2*, *скука 2*, *чувство тоски*, *тяжесть*, *страдание*, *сожаление*, *смерть*, *переживание*, *надрыв*. Таким образом, ассоциативные поля слова и текста многое объединяет. Наблюдается и различие.

1. Более сложная структура и семантика текста, его составность и уровневая организация определяют своеобразие его ассоциативного поля, которое включает реакции, коррелирующие с разными единицами

и уровнями текстовой организации: тематическим, сюжетно-композиционным, денотативными, эмоциональным, образным, идейным. Об этом можно судить по ранее рассмотренным примерам.

2. Различие касается и интерпретационных возможностей ассоциативных полей в соответствии с коммуникативным статусом стимулов. Слово участвует в общении как элемент высказывания; текст же определяется как форма коммуникации, характеризующаяся цельностью и связностью. Ассоциативное поле текста фактически содержит разноплановую информацию о нем, отражающую интерпретационную деятельность читателей, осуществляемую на ассоциативной основе с опорой на лексическую структуру текста. В качестве примера рассмотрим информативные возможности ассоциативного поля текста одного из стихотворений М. И. Цветаевой из цикла “Стихи о Москве”: *Красною кистью / Рябина зажглась. / Падали листья. / Я родилась. // Спорили сотни / Колоколов. / День был субботный: / Иоанн Богослов. // Мне и доныне / Хочется грызть / Жаркой рябины / Горькую кисть. //*

Тема *осени* как времени рождения лирической героини является ведущей в произведении, судя по полученным реакциям. Наряду с актуализированной в тексте атрибутикой осени (ср. реакции: *осень 4б; листопад 3, листья 2, золотая осень 2, бабье лето 2, шорох желтых сухих листьев, ранняя осень, осенний лес, желтизна*), в сознании информантов возникают традиционные, “осенние” образы, которые не актуализированы в тексте, но возникли в качестве реакций (*дождь 2, пасмурно 2, шум крыльев, холод, туман, слякоть, пасмурное небо, пасмурная погода*). Ср. также отражение ассоциаций по смежности в реакциях *первый снег, лето, зима*.

Образ *времени* рождения лирической героини, художественно конкретизированный в стихотворении: от времени года до дня недели и религиозного праздника, – также находит очень полное и глубокое отражение в реакциях на текст: *рождение 20, жизнь 6, день рождения 4; начало, младенчество, крик ребенка, крик; время 2, вечность 1, выходной 4, суббота, утро, рассвет, серый день 2, осенние дни*. Среди “сопутствующих” реакций есть: *детство 3, юность 2, пробуждение, чудо, что-то живое, моя улица детства, смерть, безжизненность* (по контрасту). С образом времени рождения лирической героини связана тема *воспоминания*, на которую указывают реакции: *воспоминания 8, воспоминание 4, прошлое, зрелость*. От читателей, таким образом, не ускользнула такая особенность текста, как использование глаголов в форме прошедшего времени: (*зажглась, падали, родилась, спорили, был*).

Особенно много в ассоциативном поле текста реакций, объединенных *церковной тематикой*, обусловленной упоминанием о религиозном празднике, совпавшем с днем рождения героини: *церковь 31, звон колоколов 15, праздник 13, храм 2, святой день, молитва, купола, благословение, библия*. В данном случае также нашли отражение как ассоциации, актуализированные в тексте (ср.: *Спорили сотни / Колоколов. / День был субботный: / Иоанн Богослов*), так и реакции, “сопутствующие” теме и отражающие прагматику текста в целом.

Ассоциативное поле текста, как было отмечено ранее, включает реакции, указывающие на восприятие *варьирующейся эмоциональной тональности*: от эпически спокойной в первых двух строфах до взволнованной в заключенной строфе. При этом текст может восприниматься по-разному, судя по полученным реакциям, в которых отражается не только общая тональность целого текста, но и его отдельных фрагментов. Стихотворение ассоциируется у информантов с разными чувствами: *печаль 7, грусть 7, разочарование 5, тоска 4, ностальгия 2, меланхолия 2, чрезмерное страдание, уныние, тяжесть, тревога, сожаление* – с одной стороны; *спокойствие, смирение* – с другой; наконец: *радость 6, упоение, счастье, сладость, светлая радость, свечение, светлый, светло, приподнятое настроение, прекрасное*. Это связано с тем, что в тексте отсутствует жесткая актуализация эмоциональной тональности за счет особых языковых средств, передающих динамику состояния лирической героини.

В отличие от других, в этом произведении М. Цветаевой идея выражена имплицитно, через сквозной в ее творчестве образ *жаркой и горькой рябины*. Идею можно сформулировать как *предоущущие трагической горькой судьбы* лирической героини. С идеей соотносятся многочисленные реакции: 1) *горечь 12, горькое, горько, горечь жизни, горесть, горе, судьба 5, доля, трагизм, трудности, страдание, одиночество, обреченность, неудовлетворенность, несчастье, неотвратимость, путь в никуда, испытания*; 2) по контрасту – *жажда жизни 3; жизнелюбие*. Ключевой в тексте образ *рябины*, значимый в идейно-художественном отношении, нашел ассоциативный отклик у читателей в виде реакций: *красный цвет 8, рябина 7, кровь 3, яркое, ягодный сок, рубиновый цвет, огонь, огни, красная ягода, костер, краски, жар огня, горячее*.

Таким образом, ассоциативное поле текста и его структура являются коммуникативно значимыми в интерпретационном плане для постижения художественного смысла текста читателями и для выявления закономерностей этого процесса. Поскольку диалогичность ассоциативного поля текста, в отличие от ассоциативного поля слова, осложнена личностью автора, “стоящей” за текстом (Ю. Н. Караулов),

ассоциативное поле текста может включать в себя различные реакции на биографию писателя, его творческий путь, созданные им творения, некоторые особенности характера и т. д.

В целом своеобразие стимулов определяет специфику реакций и особенности ассоциативных полей слова и текста. Вместе с тем очевиден их изоморфизм, диалогичность и коммуникативная обусловленность. В силу отмеченных особенностей понятие “ассоциативное поле текста” является значимым как для психолингвистики, когнитивной лингвистики, так и для коммуникативной стилистики текста. Первое определяется тем, что ассоциативное поле текста можно рассматривать как одну из моделей ментальной структуры определенного социума (если речь идет о коллективном ассоциативном поле текста) или отдельной личности (если речь идет об индивидуальном ассоциативном поле текста). Понятие ассоциативное поле текста представляет интерес и для коммуникативной стилистики текста, нацеленной на исследование закономерностей организации творческого диалога автора и читателя на основе текста. Ассоциативное поле текста позволяет судить об особенностях восприятия личности автора: его лексикона, тезауруса, прагматикона, стили автора и его интенциях, концептуальной картине мира, отраженной в читательских ассоциациях⁶. Наряду с этим исследование коллективных ассоциативных полей текстов разных типов позволит в перспективе моделировать ассоциативные нормы в интерпретационной деятельности читателя и выявлять некоторые особенности процессов восприятия и понимания текста.

¹ *Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Васильева А. А. и др.* Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль: коллективная монография / отв. ред. Болотнова Н. С. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2001. – 331 с.; *Болотнова Н. С.* Коммуникативная стилистика художественного текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 157–162.; *Болотнова Н. С.* Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 384 с. ² *Сидоров Е. В.* Проблемы речевой системности: монография. – М., 1987. – С. 5. ³ *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 263 с.; *Болотнова Н. С.* Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1992. – 312 с.; *Болотнова Н. С.* Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 1994. – 212 с.; *Карпенко С. М.* Ассоциативные связи слова в узусе и поэтическом тексте (на материале творчества Н. С. Гумилева): автореф. дис. канд. филол. наук. – Томск, 2000. – 26 с. ⁴ *Русский ассоциативный словарь: Кн. 1 / Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А.* – М., 1994. – С. 7. ⁵ *Бахтин М. М.* Человек в мире слова. – М., 1995. – С. 131. ⁶ *Болотнова Н. С.* Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической картины мира автора // Вестник Том. гос. пед. ун-та. – Сер.: Гуманитарные науки (Филология). – 2004. – Вып. 1 (38). – С. 20–25.

Рүсисти́ка

Вып. 13

Ки́ев – 2013

У. А. Карпенко (Ки́ев)

СООТНОШЕНИЕ ПЕРВОКОРНЯ И КОНЦЕПТА

В статье прослеживается соотношение первокорня и концепта, рассматривается понятие первокорня, трансляция заложенного в нём смысла и трансформация значений.

Ключевые слова: смысл, значение, этимология, первокорень, концепт.

У статті вивчається співвідношення першокореня та концепта, розглядається поняття першокореня, трансляція його смислу та трансформація значень.

Ключові слова: смисл, значення, етимологія, першокорінь, концепт.

The article deals with the correlation of concept and primary root, translation of it's sense and transformation of it's meanings.

Key words: sense, meaning, etymology, primary root, concept.

Одним из наиболее активно изучаемых явлений в современной науке когнитивной лингвистики выступает концепт. Концепт, как известно, идёт из глубокой древности и, как правило, вербализируется, реализуясь в слове. Всякое слово имеет корень и, очевидно, древний корень, восходящий к праязыку, может представлять собой также концепт. Однако подобное соответствие не всегда возможно. Рассмотрим, каким образом соотносятся эти два явления, связующие глубокую древность с современностью.

Концепт является элементом когнитивной лингвистики и, следовательно, затрагивает аспект ментальной сути первокорня. Анализ внутренней формы слова “концепт” позволяет подчеркнуть одно из значений, весьма важных, на наш взгляд. Возможной версией интерпретации может быть то, что

“концепт”, от латинского “conceptus”, состоит из корня -серт- и приставки соп-. Данная приставка как морфема, обладающая семантической наполненностью, обозначает ‘совместное’ действие, ‘объединение разрозненного во единое’¹.

Следовательно, “соп-серт” предполагает ‘объединение смыслов вокруг некоей ядерной сущности значения’; умственный образ, сформированный на основе обобщенных впечатлений. В связи с этим представляется справедливым именование В. А. Масловой концепта “свёрнутым текстом”².

Трактование концепта как зародыша прослеживается в статье С. А. Аскольдова: “Концепты – это эмбрионы мысленных операций... Когда произнесённое кем-нибудь слово понимается в своём значении, то это значит, что понимающий производит некоторый мгновенный акт, служащий зародышем целой системы мысленных операций”³.

Согласно этимологической версии, концепт – это зародыш, самый важный и ценный, главный смысл, замыкающий вокруг себя другие, организованные определённым образом значения.

Подобно концепту первокорень представляется зародышем смысла. Однако культурная значимость, заключённая в первокорне, не соотносима с той, что несёт в себе концепт. Ядром, вокруг которого формируются слои структуры концепта, выступает первокорень как этимологическое начало слова, вербализирующего концепт.

Сущность концепта толкуется тремя антиномиями:

1. Концепт постоянен (константен) и замкнут в своём строении – концепт когда-то возник и постоянно эволюционирует.

Первокорень не замкнут в своём строении, он не существует вне слов, которые он же порождает. С момента своего возникновения первокорень эволюционирует, но каждая его трансформация – это уже самостоятельная сущность подобно тому, как связаны между собой предки и потомки, однако дед и внук – это уже разные люди, в то время как концепт в контексте этой метафоры – один человек.

2. Концепт существует благодаря тому, что он используется и активизируется в речемыслительной деятельности носителей языка (существование концепта субъективно) – концепт функционирует вне зависимости от чьего-либо незнания о нём (существование концепта объективно).

Первокорень имеется вне зависимости от того, пользуются ли им носители, он может быть затерян на стенах древнего храма либо цитироваться в статьях современных лингвистов, занимающихся, в частности, этимологией, однако причастность носителя к использованию того или иного слова для первокорня значения не имеет.

3. Концепт архетипичен, универсален – концепт своеобразен и по-своему актуален для каждого народа и каждой культуры.

Данное утверждение справедливо для первокорня, если оно не подаётся как антиномия. В первокорне нет противоречий, поскольку это завершённая, статичная сущность, в отличие от живого концепта. Следовательно, первокорень архетипичен, однако в результате полисемии по-разному осмысливается носителями разных языков и культур ввиду особенностей их картины мира.

Первокорень, как и концепт, – это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Однако концепт окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом. Как отмечалось выше, первокорень лишён эмоциональной окраски.

Что касается методологии поиска, первокорень объективно находится в этимологических словарях разных языков, через которые он транслируется, поиск концепта сопряжён с привлечением многих литературных и фольклорных источников, а результаты этого поиска всегда подвергаются определённой доле сомнения, поскольку то, что один исследователь считает концептом, другой может не расценить как ментальную сущность.

Первокорни функционируют сами по себе, концепты объединяются в концептосферы.

Н. В. Коч оперирует термином концентр, определяя его как “Когнитивный слой, однородный по генезису и разнородный по форме репрезентаций (в частности языковых) определённой области знаний, концентрирующий в своих когнитивных структурах генетически значимую для носителей языка культурно-историческую информацию... В такой концентр входят содержательно связанные концепты, которые могут представлять как одну, так и разные концептосферы”⁴.

Основополагающее отличие концепта от первокорня заключается в том, что концепт жив и активен, а первокорень – это застывшая форма, она живёт как первопредок в современных словах.

Тем не менее на момент номинации для носителей языка первокорень был подобен концепту. Для нас этот слепок действительности остаётся первокорнем, поскольку у нас уже нет той пресуппозиции, а культурными слоями первокорень не оброс, не концептуализировался.

Первокорни представляются смальтами мозаики, слепками первоэлементов, из которых был создан мир, однако “химический состав красок и стекла” этой “мозаики” нам уже не восстановить. Возможно предположить, что этот процесс отражения слепка слепков (то, на основе чего осуществляется номинация), спиралевиден и бесконечен.

Концепт и первокорень имеют одинаковый план выражения: слово. Слово, в свою очередь, в своём соотношении с человеческой мыслью представляется предметом разысканий психологии, лингвистической философии, культурологии, лингвокультурологии, когнитивистики, этнолингвистики.

Концепт – это ментальная сущность, его “структура включает глубинные и поверхностные компоненты, подвергающиеся в диахронии семантическим трансформациям, в результате которых концепт может менять своё информационное качество”⁵. Первокорень стабилен. Первокорень – это слепок, оттиск. Различие первокорня и концепта отображает следующее: в концепте происходит постоянное движение, в первокорне процессы не идут. Они происходят при использовании его как строительного материала для формирования новых слов в разных языках.

Первокорень вкладывается в концепт как исходная точка формирования смысла. Это вложение отображает модель айсберга или веерная модель концепта, “которая показывает степень спрессованности информации в разные временные периоды и потенциальную возможность рекурсии любого элемента знания, объективированного языковой единицей”⁶. Если представить себе веер, первокорень подобен “креплению”, которое соединяет лопасти веера, он реализуется в исходной этимологической семе, от которой исходят последующие наслаивания значений.

Интерпретация концепта как ментального генотипа присутствует в работах Ю. С. Степанова⁷, Д. С. Лихачёва, В. В. Колесова: “Это сущность, явленная в своих содержательных формах – в образе, в понятии, в символе. Концепт – ментальный генотип, атом генной памяти, ... и архетип, и первообраз...”⁸. Первокорень также выступает первоэлементом, однако, в отличие от концепта, в нём нет слоёв, он ими не обрастает, он трансформируется в значении, транслируя смысл. Концепт аккумулирует внутри себя, первокорень перерождается в новых словах.

Концепт представляется свёрнутым смыслом, свёрнутым текстом культуры, по замечанию Ю. М. Лотмана, “...тексты, входящие в «традицию»... не мертвы: попадая в контекст «современности», они оживают, раскрывая прежде скрытые смысловые потенции... перед нами живая картина органического взаимодействия, диалога, в ходе которого каждый из участников трансформирует другого и сам трансформируется под его воздействием: не пассивная передача, а живой генератор новых сообщений”⁹. В первокорне генерация новых сообщений проявляется в полисемии, в результате развития которой образуются новые слова при переосмыслении первокорня в разных языковых культурах. Первокорень подобен концепту, он открыт для образования новых смыслов. “Когнитивный подход к исследованию языкового материала позволяет проанализировать ментально-языковые типологии, соотнести языковые явления с общими критериями познания мира, выделить языковые универсалии как точки пересечения культур”¹⁰. Первокорень – это не точка пересечения, это исходная точка.

Таким образом, в отличие от концепта, первокорень, обладая культурной наполненностью, является стабильным, застывшим, это исходная точка для наслоения смыслов, которыми обрастает концепт. Первокорень не накапливает значения, он трансформируется и проявляется в них, но уже не как прежняя сущность, а как полноценное новое образование. Вербализация по отношению к первокорню первична – он есть древнее слово; по отношению к концепту вербализация вторична, концепт называется словом для возможности его лингвистического анализа, с одной стороны, и для сохранения в сознании носителей с другой стороны. Концепт – это явление культуры, которое изучается в языке, первокорень – это, прежде всего, явление языка, которое подвержено воздействию разных культур.

Ю. С. Степанов среди культурных концептов называет “Огонь”: “...огонь и вода – предметы не материального мира, а мира культуры и должны быть рассмотрены как «концепты»”¹¹. Обратимся к анализу первокорня, заключённого в слове, которое вербализует концепт “Огонь”.

Огонь – общеславянское, происходит из *ognis, имеет соответствия в других индоевропейских языках, например, в литовском ugnis, латинском ignis из *egnis. Однокоренным является русское слово огниво, восходящее к *огнь¹².

В современном итальянском языке, в котором латинское слово *ignis* было заменено лексической единицей *fuoco* – огонь, всё же сохранились следы этого древнего корня: *igneo* – огненный, пламенный. *Igneo* происходит от латинского *igneus* от *ignis* – огонь, восходящего к индоевропейскому корню **ag-* – ‘толкать’, ‘встряхивать’, ‘колебать’. *Ignis* сохранилось в таких ареалах как латинский, славянский, индийский *agnas*, балтийский *uġnis*. Изначально оно обозначало огонь как одушевленное существо. Например, в санскрите *agnih*. В греческом этот корень был заменён словом *pyr*, обозначающим огонь как инструмент. *Focus* – это слово с более конкретным оттенком значения и отсутствием религиозной коннотации¹³.

В. М. Иллич-Свитыч выделяет “огонь” среди слов ностратических языков¹⁴. Предположительно антропоним *Ignazio* (Игнатий) от латинского *IGNATIUS*, происходит от латинского *IGNIS*, что обозначает ‘огонь’¹⁵. Латинскому *ignis* родственнее древнее славянское слово “уголь”, образованное от древней формы *у҃ль*, *у҃ля*, в которой после утраты в конце слова краткого гласного *ь* развился между согласными звуками /г/ беглый гласный /о/. Форма *у҃ль* возникла из праславянского **onglь* – уголь со значением ‘нечто, дающее огонь’. На восточнославянской почве носовой гласный /о/ изменился в /у/. В праславянский период носовой /о/ сформировался из индоевропейского сочетания /on/ в конце слова **onglь*¹⁶. Однако М. Фасмер отвергает гипотезу о том, что праформа **ngnis*, представленная у Соссюра, Мейе, Педерсена, Сольмсена, Младенова, Гуйера, сближает “огонь” с русским “уголь”.

Очевидно, родственным является название “геенны огненной”, хотя М. Фасмер не отмечает прямого родства с корнем слова “огонь”¹⁷. Эпитет “огненная”, соотносённость с адом и огнём позволяет предположить, что геенна связана с корнем *ignis* – огонь.

Существует необщепринятое мнение о том, что однокоренным со словом “огонь” является “гнев” (альтернативной версией выступает его связь со словом “гниение”). Предположительно “гнев” (написанное через *ять*) выделилось из глагола “огневати” (через *ять*), производного от “огонь” в результате его декомпозиции: осмысления *о-* как приставки и *-ев-* как часть корня¹⁸.

Таким образом, первокорень **ognis* (**egnis*) транслирует смысл ‘огонь’, значения которого практически не трансформировались. Очевидно, отсутствие расхождений с исходным смыслом обусловлено тем, что реалья огня конкретна и осязаема, она всегда занимала важное место в быту человека, а также мифологизировалась, выступая первоэлементом бытия. По наблюдениям М. М. Покровского, одним из наиболее важных факторов семантических изменений являются конкретные обстоятельства жизни человека. Очевидно, данный экстралингвистический фактор сыграл свою роль в развитии семантики слова “огонь”, которая не удалась от исходной, поскольку огонь неизменно сопутствует человеку.

Отметим, что первокорень – это не всегда концепт культуры, и концепт культуры не всегда вербализован словом, содержащим в себе первокорень. Однако, в случае совпадения объекта номинации с концептом, а вербализации – с первокорнем, соотношение этих двух лингвистических явлений становится возможным.

¹ Карпенко-Иванова У. А. Фрейм “Вооружённое противостояние” в русской, английской, итальянской культурно-языковой традиции. – К.: Издательский Дом Дмитрия Бурого, 2006. – С. 13. ² Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – С. 36. ³ Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. Вып. II. – Л., 1928. – С. 36. ⁴ Коч Н. В. Генезис восточнославянской концептосферы в языковом и культурном отражении: монография. – Николаев: Илион, 2010. – С. 45. ⁵ Коч Н. В. Указ. раб. – С. 51. ⁶ Коч Н. В. Указ. раб. – С. 54–55. ⁷ Степанов Ю. С. Семиотика концептов // Семиотика: антология / Сост. Ю. Степанов. – Изд. 2-е. – М.: Академич. Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с. ⁸ Колесов В. В. Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – С. 19–20. ⁹ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 99. ¹⁰ Коч Н. В. Генезис восточнославянской концептосферы в языковом и культурном отражении: монография. – Николаев: Илион, 2010. – С. 68. ¹¹ Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. – С. 269. ¹² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т. III (М–С). – М.: Астрель-АСТ, 2003. – С. 118–119; Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителей / Под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1975. – С. 303. ¹³ *Dizionario etimologico* / redazione Diego Meldi (2005): *Dizionario etimologico*. Edizione Aggiornata. Rusconi libri. – Trento, 2005. – С. 471. ¹⁴ Иллич-Свитыч В. М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семитохамитский) // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1967. – С. 352. ¹⁵ *Dizionario etimologico* / redazione Diego Meldi (2005): *Dizionario etimologico*. Edizione Aggiornata. Rusconi libri. – Trento, 2005. – С. 1112. ¹⁶ Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. – К.: Радянська школа, 1970. – С. 500. ¹⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т. III (М–С). – М.: Астрель-АСТ, 2003. – С. 400–401. ¹⁸ Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. – К.: Радянська школа, 1970. – С. 106.

Д. И. Воронин (Ки́ев)

НОМО СОМАТИКОС: К МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПАРАДИГМЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ТЕЛЕСНОСТИ

Статья нацелена на представление междисциплинарного подхода к проблеме человеческой телесности и её лингвистической парадигмы.

Ключевые слова: тело, телесность, язык, культура.

Стаття націлена на представлення міждисциплінарного підходу до проблеми людської тілесності та її лінгвістичної парадигми.

Ключові слова: тіло, тілесність, мова, культура.

Article is aimed at the idea of interdisciplinary approach to the problem of human corporality and its linguistic paradigm.

Key words: body, corporality, language, culture.

Поиск человеком собственной идентичности на протяжении всей истории сопровождается стремлением к открытию и постижению множества образных ипостасей его собственного Я. В категориях телесности эта рефлексия выражается в своеобразном *поиске собственного тела*¹. От религиозных доктрин и традиционных учений Древнего Египта, Греции, Индии и Китая до телесно-ориентированных школ и практик; от религиозной аскезы христианства и мистики тела европейского средневековья до *телокосмизма* эпохи Возрождения, *тела-машины*, *тела-чувства*, *тела милитаристского* и *тел* последующих эпох, – в своей совокупности вся традиционная классическая и новейшая феноменология телесности формирует довольно пёстрый, но вместе с тем целостный образ культурного тела человечества.

С расширением знаний человечества о себе парадоксально видоизменяется и незыблемая, казалось бы, в своей изначальной заданности форма его телесной самоидентификации. Тело становится пластичным. Оно меняет свои очертания и формы в искусстве, выходит за пределы собственных возможностей и границ в науке и технике. Это оно реализует социальную потребность человека в общении и, метафорически переосмысливая в слове собственные органы, их функции и свойства, выстраивает языковую модель мира, когнитивно-языковую карту мира человека. Наконец, это оно, тело, являясь отправным и итоговым моментом самореализации человеческого духа, есть живой источник и конструкт ценностных смыслов конкретной личности и непреходящая *чувственная ткань* значений её национально-языковой абстракции. Отнюдь не будучи индифферентной оболочкой, телесной капсулой, оно не является равнодушным свидетелем завоеваний человеческого духа. Изменяясь, оно расширяет горизонты человеческого бытия: *тело природное*, *социальное*, *культурное* (И. М. Быховская), *текстуальное* (Р. Барт), *феноменологическое* (М. Мерло-Понти) и др. И вот уже звучат, вторя прозрениям древности, слова о единой *плоти мира* (М. Мерло-Понти), в которой человек и мир слиты воедино во взаимном познании и творении друг друга.

Телоцентризм постмодернистских представлений в философии и культуре формулирует вечный вопрос о соотношении *духа* и *материи* в терминах генетической взаимосвязи рациональности и телесности, мышления и тела, наконец, тела и языка.

Слово *тело* (лат. corpus) вошло в европейские языки лишь в начале XVII века, преодолевая восходящее к грекам противопоставление *тело мертвое* – *тело живое* (греч. σαρκ ‘мясо’ и σῶμα ‘тело’). К *σῶμα* (sōmatos), sōmaticos ‘тело, телесный, относящийся к телу, телесности’ восходят и русские заимствования *сома*, *соматика*, *соматикон*, *соматология* и др.

Современная форма русского слова *тело* (ср.: укр. тіло; болг. телó (тяло) ‘тело’; ‘корпус, экземпляр’; словен. tělo ‘тело’; чеш. tělo, těleso ‘тело’; tělesný, tělesenský ‘телесный’; польск. ciało ‘тело’) развилась из др.-русс. тѣло ‘тело, истукан’ и восходит к праслав. *tělo* ‘тело’, этимология которого достоверно не изучена. Считают, что праславянское *tělo* образовано от и.-е. основы *sthā-* ‘ставить’, а в качестве родственных слов приводятся греч. *stēlē* ‘столб, колонна’, др.-инд. *sthalati* ‘стоит’. В ст.-сл. тѣло имело значение ‘столб, образ’, а др.-русс. тѣло – ‘истукан, идол’. Сравнивают *тело* и с латышским *tēls*, *tēle* ‘образ, тень, призрак’².

Общее антропологическое сходство структуры тела человека и функций его органов лишь отчасти делает тело одной национальной культуры *читабельным* для носителей иной. Даже в рамках

европейской цивилизации универсальные, казалось бы, представления человека о своем теле, будучи запечатленными в форме национальной телесности в языке, сохраняют определенную степень непереводимости. Так, например, философское наполнение основных понятий телесности при их переводе с одного языка на другой утрачивает решающие оттенки своего содержания. На решение этой проблемы даже направлен специальный проект “Европейского словаря философии”³, показывающего концептуальные различия между, например, немецкими *Leib / Koerper / Fleisch*, французскими *chair / corps*, латинскими *corpus / caro* и, например, английскими *lived-body / body / flesh*⁴.

Философское обсуждение проблематики тела традиционно опиралось на противопоставление тела и души. И. Канту в “Критике чистого разума” удалось не просто показать, что работа души опирается на значительный потенциал тела и попросту невозможна без его участия. Его слова звучат в унисон с утверждениями современной философской мысли: конституция тела служит основанием *априорных способностей созерцания или чувственности в терминах пространственных и временных форм*; в глубинах психосоматики, отмечают исследователи, коренится *трансцендентальная способность воображения*⁵. А. Шопенгауэр и Ф. Ницше о роли феномена телесности в мыслительной деятельности человека говорили уже с большей определенностью. Благодаря Ф. Ницше в философский дискурс нового времени вошли представления о теле как *большом и малом разуме*, послужившие обоснованием философски ориентированных понятий *телесность языка, телесное измерение коммуникации*⁶. Ф. Ницше, а вслед за ним и М. Фуко, представляют тело в виде восковой поверхности, таблички, на которой история оставляет свои знаки. *Эта плоть* и являет истинную мораль, делая возможным прочтение генеалогии и живой истории тела⁷.

Научное осмысление феномена тела / телесности позволило несколько поколебать дуальные ориентиры европейского мышления: *субъект – объект, душа – тело, внешнее – внутреннее* и др. Очевидно, что подобного рода перестройки чрезвычайно инертны и связаны с соответствующими процессами в сфере национально-языкового сознания, свидетельством чему может служить история слова, обозначающего интересующее нас понятие.

В словаре Владимира Даля словарная статья *тело* отсутствовала, но через *тело* получала свое толкование *плоть*, ‘тело животного и человека; все вещество, из коего состоит животное тело’; близким по значению оказывается *тель*, ‘тело животного, человека, весь объем плоти, вещества его, образующего одно цельное, нераздельное существо, оживляемое, у животного, животною душою, у человека, сверх сего, духом; либо бездушная плоть, труп’⁸. Слово *телесность*, на это указывает Е. Э. Газарова, появилось в русской лексикографии в первой половине XX века, впервые – у И. А. Бодуэна де Куртенэ, а позже – в словарях Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова⁹. И. А. Бодуэн де Куртенэ, Д. Н. Ушаков и С. И. Ожегов в словарной статье *тело*, выделили прилагательное *телесный*, ‘принадлежащий организму, телу <...> земной, материальный, в противоположность духовному’; далее следует производное от него существительное *телесность*, но толкования в словаре оно не получает¹⁰.

Несмотря на объем и современный уровень накопленных о теле и психологии человека знаний, понятие *телесность*, как образ тела в этнокультуре и особенности его отражения в национально-языковом сознании, остается нередко за рамками как научной рефлексии, так и обыденного сознания. Такого рода *прозрачность, невидимость* феномена телесности (А. Ш. Тхостов) становится причиной не только коммуникативных неудач в ситуациях диалога культур. Культуральный шок, их резюмирующий на языке поверхностных структур, объективирует в том числе и глубинное *инфракультурное* измерение базисных для языкового коллектива до-сознательных соматических характеристик на всей дистанции культурно-исторической причинности.

Обладая неизмеримо большим, по сравнению с животным миром, числом степеней свободы, тело человека опирается на этот *филогенетический избыток* в формах адаптивного поведения. Человеческая телесность, в её культурно-историческом осмыслении, формирует *хронотоп* мира человека, наделяя его недоступной для тела *избыточностью* значений и смыслов. Постигание феномена телесности делает её частью теперь уже не только и не столько физического, где господствовало тело, сколько культурно-исторического мира человека. При этом познавательный потенциал телесности раскрывается не столько в продуцировании абстрактных сущностей, но в аксиологическом измерении живого – теловечного – опыта познающего субъекта. “*Быть-в-мире*, значит погружаться в него полностью, соприкасаться всем существом, всем телом – в этом суть экзистенции. И коммуникация – её неотъемлемая часть. В диалоге снимаются противопоставления субъекта и объекта. Так должно быть, если человек не делится на дух и тело, разум и интуицию. Человек воспринимает мир непсихичной данностью, интенционально, как феномен. <...> В итоге телесное в человеке раскрывает многие вопросы о себе, экзистенциальные вопросы. Человек оказывается обладателем *объективного*

настоящего, где находится телесность, социальность, отправная точка «экспликаций» всего достоверного в человеке»¹¹.

Изменения в концептуальном аппарате философии и методологии науки, смена подходов к изучению мышления стали причиной того, что от противопоставления речи, мышления и языка их телесному субстрату произошел сдвиг к их осмыслению в терминах взаимодействия и дополнительности¹². Так, суть телесного подхода в когнитивной науке (Embodied Cognition Approach) состоит в учёте телесности в познавательных процессах. Телесно-ориентированный когнитивный подход фокусирует своё внимание на телесной составляющей познающего субъекта, функциональные (психофизиологические) особенности которой определяют не только способ, но и сам объект познавательных усилий¹³. Когнитивные исследования в этом направлении показывают, что не мозг и не сознание, а тело – как единство мозга, сознания, физической и культурно-исторической телесности – не только обрабатывает и репрезентирует информацию в её символических структурах, но как раз и приводит к *преобразованию* действительности, встраивая человека в эволюционную, деятельностьную, перспективу.

XX век, разнообразием своих социо-природных свершений и катаклизмов, турбулентными процессами в сфере этики и морали, привлёк к разработке проблематики тела и телесности выдающихся представителей различных философских, антропологических, культурологических, психологических, социологических, лингвосомиотических школ и отдельных научных подходов. Любой список имён, заведомо неполный, лишь отражает концептуальный диалогизм затронутой проблематики. В пространстве междисциплинарного осмысления аспектов телесности человека в контексте сознания, культуры и языка можно выделить ряд пересекающихся направлений. *Философско-антропологический* подход может быть представлен исследованиями И. М. Быховской, В. П. Зинченко, В. Л. Круткина, Е. Н. Князевой, Э. Левинаса, В. М. Лейбина, И. А. Мальковской, Б. В. Маркова, В. В. Подороги, В. М. Розина, В. Ю. Сухачева, П. Д. Тищенко, С. С. Хоружего и др.; *культурно-антропологическое* направление: А. К. Байбурин, В. М. Богуславский, Ю. В. Бромлей, О. Буренина, И. А. Голубовская, В. Жайворонок, М. Н. Золотонос, Г. И. Кабакова, И. С. Кон, Ф. Конт, В. В. Красных, М. В. Крюков, Ю. М. Лотман, Н. Е. Мазалова, Н. Маньковская, А. Песков, В. И. Постовалова, Е. С. Снитко, В. Н. Телия, С. М. Толстая, Е. В. Урысон, С. В. Чебанов, Г. М. Яворская, М. Б. Ямпольский и др.; *лингвосомиотическое*: Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Д. Белова, Д. Б. Гудков, Г. В. Колшанский, Г. Е. Крейдлин, И. А. Морозов, Т. М. Николаева, А. Н. Портнов, А. А. Романов, М. А. Салмина, Н. А. Сахарова, А. Л. Топорков, Г. Л. Тульчинский, Е. В. Улыбина, Л. Б. Филонов, Т. Цивьян, М. А. Шелякин, Б. Д. Эльконин и др.; *лингвокогнитивное*: Ф. С. Бацевич, Д. А. Бескова, Т. В. Булыгина, Б. М. Величковский, Т. Вильчинская, С. Г. Воркачев, К. Голобородько, И. В. Карасик, А. Е. Кибрик, В. В. Колесов, В. И. Кононенко, О. А. Корнилов, О. В. Коротун, Т. Космеда, А. В. Кравченко, Е. С. Кубрякова, Д. Ч. Малишевская, Н. И. Никитина, М. В. Пименова, Л. А. Сайфи, О. А. Свирепо, Е. А. Селиванова, Н. В. Слухай, Ю. С. Степанов, О. С. Туманова, А. Ш. Тхостов, А. Д. Шмелёв и др.; *психо-сомато-лингвистическое*: В. Ю. Баскаков, А. П. Василевич, Е. Э. Газарова, Н. Д. Гордеева, И. Н. Горелов, В. М. Девишвили, Н. И. Жинкин, П. В. Жогов, А. А. Залевская, И. А. Зимняя, И. В. Журавлёв, Т. С. Леви, А. А. Леонтьев, В. А. Лабунская, В. А. Мазин, Е. С. Никитина, В. А. Пищальникова, Д. В. Реут, Н. М. Савченкова, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева и др.¹⁴.

Тема тела и телесности проходит красной нитью через всю историю человеческой цивилизации. Сопутствуя развитию человеческого сообщества, она специфицирует этнокультуры и философско-мировоззренческие системы. Не странно, что всеобщая концепция тела не сложилась до настоящего времени. И это вопреки тому, что от медицины, генной инженерии и экотехнологий до спорта, моды, массового и элитарного искусства современная наука и культура раскрывают своё содержание в телесно ориентированной проблематике.

О теле человечеству известно чрезвычайно много. На этом фоне и по мере углубления знаний неотвратимо и всё более величественно раскрывается в своих телесных чертах проблема человеческого духа и души – проблема Человека, проблема Homo Somatikos. В середине 90-х годов прошлого столетия, как бы заглядывая в век XXI, В. В. Налимов писал: «Принцип антропности фундаментален – он вытекает из всего развития физики. Оказывается, что существование Вселенной определяется неким набором чисел, природа которых не материальна, а ментальна. И более того, именно этот выбор констант делает возможным существование нашего физического тела. Стирается грань, отделяющая ментальное начало от материального. Материя перестает быть косной, как об этом принято было говорить раньше. Сообщили нам это физики, а не философы. А где объяснение тому, что материя стала одухотворенной? Почему философы молчат?»¹⁵.

В этой фундаментальной гносеологической плоскости междисциплинарного подхода к постижению Человека должна найти своё место и лингвистическая проблематика соотношения тела / телесности, культуры, сознания и языка.

¹ *Метафизические* исследования. Вып. 215. Поиск тела / Ред. Б. Г. Соколов. – СПб., 2008. ² См.: Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. – К., 1970; *Труды* Института русского языка. Т. 1. – М.–Л., 1949. ³ Cassin V. *Vocabulaire européen des philosophies*. – Р., 2004. – Р. 705–709. ⁴ Степанов М. А. Опыт мышления телом. АКД. – СПб., 2011. ⁵ Шилков Ю. М. Психосоматические структуры сознания // *Метафизические исследования*. Выпуск 6. Сознание. – СПб., 1998. – С. 81. ⁶ Степанов М. А. Опыт мышления телом. АКД. – СПб., 2011. ⁷ Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 522–524. ⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1956. – Т. 3. ⁹ Газарова Е. Э. Тело и телесность: психологический анализ // *Психология телесности между душой и телом* / Ред. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. – М., 2005. – С. 558–574. ¹⁰ Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1961. ¹¹ Аверьянова Е. В. Экзистенциальная коммуникация в визуальном тексте // *Герменевтика в гуманитарном знании. Материалы международной научно-практической конференции*. – СПб., 2004. – С. 63–64. ¹² Князева Е. Н. Телесно ориентированный подход в эпистемологии // *Эпистемология и философия науки*. – СПб., 2010. – № 1. – С. 43. ¹³ См.: Телесность как эпистемологический феномен. – М., 2009. ¹⁴ Назовем лишь наиболее значимые, на наш взгляд, работы: Байбурина А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб., 1993; Быховская И. М. *Homo somatikos*: аксиология человеческого тела. – М., 2000; Газарова Е. Э. Психология телесности. – М., 2002; Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. – М., 2002; Мазалова Н. Е. Состав человеческий: человек в традиционных соматических представлениях русских. – СПб., 2001; Мишель Д. В. Тело в западной культуре. – Саратов, 2000; Никитин В. Н. Онтология телесности: Смыслы, парадоксы, абсурд. – М., 2006; Подорога В. А. Феноменология тела. – М., 1995; *Психология телесности между душой и телом* / Ред. сост. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. – М., 2005; *Психосемиотика телесности* / Общ. ред. Журавлев И. В. и др. – М., 2005; Романов А. А., Сорокин Ю. А. Вербо- и психосоматика: две карты человеческого тела. – М., 2008; *Свободное тело* / Ред. Баскаков В. Ю. – М., 2004; *Тело в русской культуре*: сб. ст. / Сост. Г. Кабакова, Ф. Конт. – М., 2005; Тхостов А. Ш. Психология телесности. – М., 2002; Ямпольский М. Б. Язык – тело – случай: Кинематограф и поиски смысла. – М., 2004; ¹⁵ Налимов В. В. На грани третьего тысячелетия: что осмыслили мы, приближаясь к XXI веку. – М., 1994. – С. 50.

Русистика

Вып. 13

Київ – 2013

Д. А. Теряев (Київ)

СЛОГОДЕЛЕНИЕ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА В КОНЦЕПЦИИ ГАРМОНИИ ЗВУЧАНИЯ (экспериментально-фонетическое исследование)

На основании результатов экспериментально-фонетического исследования акустической природы звучащей речи установлено слогоделение слов русского языка по критериям гармонии: золотого сечения и симметрии.

Ключевые слова: экспериментально-фонетическое исследование, гармония звучания, симметрия, золотое сечение, слогоделение слова.

За результатами експериментально-фонетичного дослідження акустичної природи звукового мовлення встановлено складоподіл слів російської мови за критеріями гармонії: золотого перетину та симетрії.

Ключові слова: експериментально-фонетичне дослідження, гармонія звучання, симетрія, золотий перетин, складоподіл слова.

On the basis of results of experimentally-phonetic research of acoustic nature of sounding speech the syllable division of words of Russian is set on the criteria of harmony: gold section and symmetry.

Keywords: experimentally-phonetic research, sounding harmony, symmetry, gold section, syllable division of word.

Двухсотлетнее изучение слога (XIX – XX вв.) в отечественной и зарубежной лингвистике оставило незавершенными целый ряд вопросов, касающихся сложной природы слога. Так, в силлабологии дискуссионна проблема деления слова на слоги, особенно при сочетании двух и более согласных в интервокальной позиции: консонантное звуко сочетание относят или к разным слогам, или к одному слогу; при этом учитывается место ударения, мускульное напряжение, контраст по сонорности и другие факторы, базирующиеся на разных теориях слога (А. А. Потебня, Ф. де Соссюр, Л. В. Щерба, Р. И. Аванесов, Л. А. Булаховский, Л. Р. Зиндер, Л. В. Бондарко и др.). Ситуацию с силлабическим делением слова определил М. В. Панов: “...возрастает значение акустических показателей слогораздела (несмотря на то, что в современной русистике достаточно широко распространено пессимистическое отношение к нахождению физических коррелятов слоговых границ)”¹. Слог – феноменальный компонент речи сегментного и суперсегментного уровней – образно характеризуется как “двуликий Янус”.

В XXI в. актуализируется многоаспектное изучение слога. “Проблеме устройства слога как особого сегмента звучащей речи уделяется большое внимание как в общем языкознании, так и специально в славистике... Вопросы ... устройства слогов, способов их выделения являются предметом дискуссии даже при рассмотрении одного и того же материала конкретного языка”². Отмечаются недостаточно раскрытыми причины легкого распада на слоги речевого потока при скандировании³. Научный интерес вызывает постановка проблемы об особенностях перцепции экспериментально выделенного слога⁴.

Методами экспериментальной фонетики решается зависимость характеристик гласных от типа слога, в котором они находятся. При этом вопрос о факторах, обуславливающих реализации гласных в разных положениях, по словам авторов исследования, “остаётся открытым и в настоящее время”⁵.

В современной фонетике описание слога и слогораздела осуществляется на основе объективных данных с учетом количественно-качественных модификаций (Л. В. Златоустова, Л. Г. Скалозуб, Л. И. Прокопова, Р. К. Потапова, Л. Э. Калнынь, С. В. Князев и др.).

При исследовании нами артикуляторно-акустической природы слова, слога инструментальными приемами принята гипотеза о слогоделении слова в концепции гармонии звучания⁶.

Гармония – соразмерность частей и целого, слияние различных компонентов объекта в единое органическое целое. У Гераклита гармония – не внешнее объединение разрозненных частей, а их внутреннее единство: “Скрытая гармония сильнее явной”. Аристотель рассматривал гармонию как единство и завершенность целого, как единство в многообразии⁷.

К законам гармонии относятся *золотое сечение* и *симметрия*.

Золотое сечение – критерий гармонии, красоты, стабильности, оптимальности – проявляется в строении живой и неживой природы от атома до Галактики, известное с античной эпохи, на современном этапе раскрывает новые перспективы исследования в экономической науке, машиностроении, медицине, градостроительстве, информационных системах, цифровых технологиях, управлении, дизайне и др. Золотая пропорция заложена в организме человека: строении клеток, хромосом, идеальном артериальном давлении, частоте сердцебиения, распределении кровяных телец, электрических колебаниях головного мозга, пропорции тела человека и т. д.⁸

Золотое сечение – уникальное соотношение целого и его частей, основанное на делении в крайнем и среднем отношении целого (AC), при котором большая его часть (AB) является средней пропорциональной между целым и меньшей частью (BC) – $AC : AB = AB : BC$, если целое составляет 100 %, то большая часть – 62 %, меньшая – 38 %, соотношение составляет 1,618...⁹.

Симметрия, разнообразные типы которой – билатеральная, зеркальная, орнаментальная, трансляционная, поворотная, винтовая, криволинейная, повторная, подобия, равенства – соответственно изучаются в математике, физике, химии, биологии, логике, архитектуре, музыке и др. Большое значение придавал симметрии В. И. Вернадский, характеризуя ее как “основной принцип понимания сущного”; “одно из глубочайших эмпирических обобщений, с которыми мы имеем дело”¹⁰. Структурная симметрия позволяет глубже проникнуть во внутреннее строение объекта в целом и его частей.

Симметрия и золотое сечение применяют в научных исследованиях в качестве объективных критериев¹¹. В наших исследованиях принята гипотеза о золотом сечении в речеобразовании¹².

В данной статье представлены результаты экспериментально-фонетического исследования слогоделения слов с сочетаниями согласных в интервокальной позиции на основе пропорций золотого сечения и симметрии. В работе проверяется положение о том, что слог “представляет собой одну волну звучности..., что согласные, находящиеся между гласными, распределяются по слогам так, что образуют склоны волны”¹³.

Материалом исследования послужила первая 1000 частотных слов русского языка, охватывающая 67,46 % всех словоупотреблений любого текста¹⁴. Среди них, в 331 слове отмечены по одному двуфонемному интервокальному консонантному сочетанию, в 43 словах – по два и больше.

Представляем методику проведения фонетического эксперимента.

1. В студийных условиях дикторами-носителями русского литературного языка (три женщины и три мужчины) озвучены частотные слова.

2. Материал введен в компьютерный комплекс.

3. Из звукового континуума слов выделены акустические четырехфонемные фрагменты (квадросегмент): гласный + сочетание двух + гласный.

4. Идентифицированы типы акустических колебаний: 1 – импульсные (глухие смычные согласные); 2 – турбулентные (глухие щелевые согласные); 3 – комбинационные (звонкие смычные и щелевые, аффрикаты); 4 – гармонические (сонорные согласные); 5 – гармонически-обертонные (гласные)¹⁵.

5. Определена средняя длительность акустических квадросегментов и их компонентов.

6. Соотнесены акустические параметры слога деления слова с пропорциями симметрии и золотого сечения.

7. Установлены акустико-артикуляторные критерии слога деления.

Всего проведено свыше 50.000 измерений и вычислений.

Базовой основой организации речи является время звучания, на основании которого осуществлено изучение слога деления слов русского языка с позиции категорий гармонии.

На динамической компьютерной осциллограмме представлено слово *солнечный*, разделенное на экспериментальные сегменты (рис. 1).

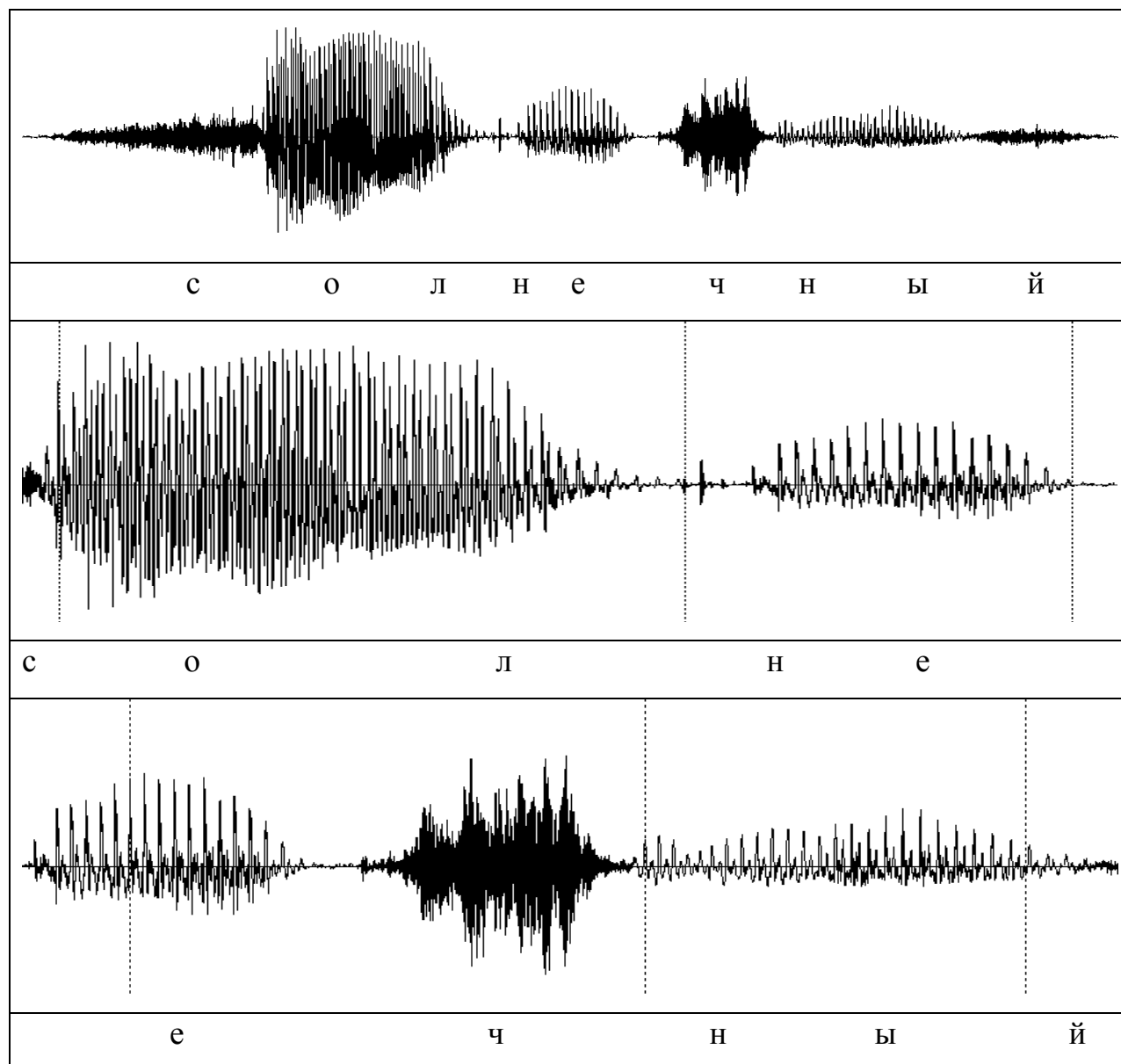

Рис. 1.

Расстановка букв соответствует реализации звуков в реальном времени. Границы сегментированных комплексов акустических колебаний квадросегментов выделены левой и правой вертикальными линиями; место слога деления обозначено центральной вертикальной линией.

Параметры длительности квадросегментов и их компонентов слова *солнечный*: 1) квадросегмент [олне] – 476 мс, ол – 294 мс, не – 182 мс; соотношение: 1,618 – золотое сечение; 2) квадросегмент [ечны] – 530 мс, еч – 327 мс, ны – 203 мс; соотношение: 1,618 – золотое сечение.

Созданная нами база данных состоит из 412 двуфонемных интервокальных консонантных сочетаний, объединенных в 15 групп комплексов акустических колебаний:

гетерогенные – 11 типов (гармонические + комбинационные; гармонические + турбулентные; гармонические + импульсные; комбинационные + гармонические; комбинационные + турбулентные;

комбинационные + импульсные; турбулентные + гармонические; турбулентные + импульсные; импульсные + гармонические; импульсные + комбинационные; импульсные + турбулентные);

гомогенные – 4 типа (гармонические + гармонические; комбинационные + комбинационные; турбулентные + турбулентные; импульсные + импульсные). В экспериментальном материале гетерогенные двуфонемные консонантные сочетания составляют 75 %, гомогенные – 25 %.

В результате проведенного эксперимента установлены две модели.

Модель I – слоговоеделение на основе золотого сечения.

Слово *пойти*. Артикуляторно-акустическая программа гетерогенного сочетания **ЙТ**: 1) разнородная природа гармонических колебаний среднеязычного щелевого сонанта **Й** и импульсных колебаний переднеязычного смычного шумного мягкого глухого **Т'**; 2) длительная фаза смычки (70 мс) при переходе от сонанта к глухому смычному; 3) разные значения параметров амплитуды: -15 на протяжении звучания сонанта **Й** и -24 на протяжении звучания глухого **Т'**; 4) контрастный перепад интенсивности в зоне перехода гармонических и импульсных колебаний; 5) эксплозивно-импловзивная артикуляторная модель – движение от полного раскрытия при произнесении безударного гласного **О** до образования щели при произнесении согласного **Й** и от полного смыкания при произнесении согласного **Т'** до полного раскрытия при произнесении гласного **И**.

Установленные параметры длительности: квадросегмент *n[ойти]* – 600 мс; меньший компонент **ой** – 230 мс, больший компонент **ти** – 370 мс, включающий фазу смычки согласного **Т'** 90 мс, составляют пропорцию золотого сечения – $600 \text{ мс} : 370 \text{ мс} = 370 \text{ мс} : 230 \text{ мс} = 1,618\dots$ При этом первый согласный отходит к предыдущему слогу **пой**, второй – к последующему **ти**.

Представляем типы акустических колебаний консонантов, составляющих зону деления квадросегмента по формуле золотого сечения.

1) Импульсные + комбинационные (**К + Ц**): квадросегмент *прод[укци]я* – 400 мс, компоненты **ук** – 247 мс, **ци** – 153 мс, пропорция – $400 \text{ мс} : 247 \text{ мс} = 247 \text{ мс} : 153 \text{ мс} = 1,618\dots$

2) Импульсные + импульсные (**К + Т**): квадросегмент *д[окто]р* – 404 мс (фаза смычки глухих смычных твердых **К** – 60 мс, **Т** – 75 мс), компоненты **ок** – 250 мс, **то** – 154 мс, пропорция – $404 \text{ мс} : 250 \text{ мс} = 250 \text{ мс} : 154 \text{ мс} = 1,618\dots$ Слоговоеделение зависит от длительности фазы смычки – большая длительность совпадает с зоной золотого сечения.

3) Импульсные + гармонические (**К + Л**): квадросегмент *ст[екло]* – 460 мс, компоненты **ек** – 176 мс, **ло** – 284 мс, пропорция – $460 \text{ мс} : 284 \text{ мс} = 284 \text{ мс} : 176 \text{ мс} = 1,618\dots$

4) Турбулентные + гармонические (**С + Н**): квадросегмент *я[асно]* – 600 мс, компоненты **ас** – 370 мс, **но** – 230 мс, пропорция – $600 \text{ мс} : 370 \text{ мс} = 370 \text{ мс} : 230 \text{ мс} = 1,618\dots$

5) Турбулентные + импульсные (**С + П'**): квадросегмент *в[оспи]тание* – 380 мс, компоненты **ос** – 234 мс, **пи** – 146 мс, пропорция – $380 \text{ мс} : 234 \text{ мс} = 234 \text{ мс} : 146 \text{ мс} = 1,618\dots$

6) Гармонические + комбинационные (**Р + Ж**): квадросегмент *д[ержа]ть* – 460 мс, компоненты **ер** – 176 мс, **жа** – 284 мс, пропорция – $460 \text{ мс} : 284 \text{ мс} = 284 \text{ мс} : 176 \text{ мс} = 1,618\dots$

7) Гармонические + гармонические (**Л + Н**): квадросегмент *п[олны]й* – 456 мс, компоненты **ол** – 281 мс, **ны** – 175 мс, пропорция – $456 \text{ мс} : 281 \text{ мс} = 281 \text{ мс} : 175 \text{ мс} = 1,618\dots$

Установленное время звучания квадросегментов и их компонентов показало соответствие акустических параметров золотому сечению: длительность квадросегмента – 100 %, большего компонента – 62 %, меньшего – 38 %. При слоговоеделении первый согласный отходит к предыдущему слогу, второй – к последующему.

Модель II – слоговоеделение на основе симметрии.

Слово *земля*. Артикуляторно-акустическая программа гомогенного сочетания **МЛ'**: 1) однородная природа акустических гармонических колебаний сонантов: губного смычно-проходного твердого **М** и переднеязычного смычно-проходного мягкого **Л'**; 2) равные значения параметров амплитуды (-15) на протяжении звучания интервокального сочетания; 3) плавный переход интенсивности в зоне гармонически-обертонных колебаний безударного гласного **Е** и гармонических колебаний сонанта **М**; 4) эксплозивно-импловзивная артикуляторная модель – движение от полного раскрытия при произнесении гласного **Е** до полного смыкания при произнесении согласного **М** и от полного смыкания при произнесении согласного **Л'** до полного раскрытия при произнесении гласного **А**.

Установленные параметры длительности: квадросегмент *з[емля]* – 380 мс; компоненты **ем** – 190 мс, **ля** – 190 мс выявили пропорцию симметрии в звучании слова. При этом первый согласный отходит к предыдущему слогу **зем**, второй – к последующему **ля**. Аудиовизуальный анализ и параметрические данные определяют слоговоеделение слова в зоне сопряжения акустических колебаний сонантов **М** и **Л'**.

Представляем типы акустических колебаний консонантов, составляющих зону симметрического деления квадросегмента.

- 1) Комбинационные + комбинационные (В + Д): длительность квадросегмента *пр[ава]* – 665 мс, компонентов **ав** – 332,5 мс, **да** – 332,5 мс.
- 2) Гармонические + комбинационные (Й + Ч): квадросегмент *с[ейча]с* – 382 мс, компоненты **ей** – 191 мс, **ча** – 191 мс.
- 3) Турбулентные + гармонические (С' + М): квадросегмент *п[исьмо]* – 486 мс, компоненты **ись** – 243 мс, **мо** – 243 мс.
- 4) Турбулентные + турбулентные (С + Х): квадросегмент *про[исхо]дить* – 406 мс, компоненты **ис** – 203 мс, **хо** – 203 мс.
- 5) Импульсные + гармонические (К + Н): квадросегмент *[окно]* – 544 мс, компоненты **ок** – 272 мс, **но** – 272 мс.
- 6) Гармонические + гармонические (М + Л'): квадросегмент *з[емля]* – 380 мс; компоненты **ем** – 190 мс, **ля** – 190 мс.

Установленное время звучания квадросегментов и их компонентов показало соответствие акустических параметров пропорции симметрии в звучании слова: при слогеделении первый согласный отходит к предыдущему слогу, второй – к последующему.

Выводы.

1. В ходе исследования установлены критерии слогеделения слов русского языка:

- 1) изменение типов акустических импульсов, что сопровождается минимальными показателями амплитуды при сопряжении консонантных колебаний разной природы;
- 2) смена артикуляторных укладов, отражающаяся в спектральной картине;
- 3) значения длительности фазы смычки (нуль звука) при стечении импульсных колебаний – большая длительность совпадает со слогеделением;
- 4) восходяще-нисходящее развитие интенсивности и звучности, имеющее волнообразный характер, определяется изменением их параметров;
- 5) минимальные показатели при разграничении нисходящего и восходящего развития интенсивности и звучности в структуре слова.

2. Объективными показателями обосновано, что слог являет собой восходяще-нисходящую волну звучности и интенсивности, вершину которой образует гласный, склоны – согласные звуки.

3. Аудиовизуальным и параметрическим анализами фонетического эксперимента раскрыто динамическое структурирование речевой материи в аспекте слогеделения слова, которое проходит в зоне сопряжения акустических колебаний согласных.

4. Экспериментальные данные свидетельствуют, что при интервокальных сочетаниях согласных слогеделение проходит внутри консонантных звукосочетаний, относя первый согласный к предыдущему слогу, второй – к последующему.

5. Комплексное инструментальное исследование позволило конкретизировать принятую в работе гипотезу – в основании слогеделения слова заложена гармония звучания: пропорции симметрии или золотого сечения.

¹ Панов М. В. О слогеделении в русском языке // Проблемы фонетики. – М., 1995. ² Калнынь Л. Э. Об изучении слога в украинском диалекте // На хвилях мови. – К., 2011. – С. 190. ³ Прокопова Л. І. Вступний курс фонетики німецької мови для вузів. – К., 2004. – С. 74. ⁴ Багмут А. Й. До перцепції експериментально виокремленого складу // Українське мовознавство. – К., 2003. – Вип. 27–28. – С. 23–26. ⁵ Князев С. В., Ключинская О. Г., Якунина Н. В. Некоторые проблемы структуры слога в русской речи // Лингвистическая полифония. – М., 2007. – С. 377–393. ⁶ Теряев Д. А. Слоговая материя звучащей речи (экспериментально-фонетическое исследование) // Русский язык и литература: Проблемы изучения и преподавания в школах и высших учебных заведениях Украины. – К., 2005. – С. 150–155; Теряев Д. А. Слоговая структура звучащего слова (экспериментально-фонетическое исследование) // Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур. – К., 2006. – Вип. 6. – С. 151–158; Теряев Д. А. Слоговые модели звучащей речи (экспериментально-фонетическое исследование русского и китайского языков) // Мовні і концептуальні картини світу. – К., 2008. – Вип. 24. – Ч. 3. – С. 278–283. ⁷ Большая советская энциклопедия. – М., 1971. – Т. 6. – С. 128. ⁸ Стахов А. П. Код золотой пропорции. – М., 1984; Шевелев И. Ш., Марутаев М. А., Шмелев И. П. Золотое сечение: Три взгляда на природу гармонии. – М., 1990. ⁹ Васютинский Н. А. Золотая пропорция. – М. – СПб., 2006. ¹⁰ Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. – М., 1965. – С. 175. ¹¹ Принцип симметрии. Историко-методологические проблемы. – М., 1978. ¹² Теряев Д. А. Золотое сечение и ритм в звучащих текстах оригинала и переводов (экспериментально-фонетическое исследование) // Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур. – К., 2009. – Вип. 10. – С. 201–209. ¹³ Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. – СПб., 1991. – С. 98. ¹⁴ Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. – М., 1977. ¹⁵ Деркач М. Ф., Гумецкий Р. Я., Гура Б. М., Чабан М. Е. Динамические спектры речевых сигналов. – Львов, 1983; Сапожков М. А., Михайлов В. Т. Вокодерная связь. – М., 1983; Сказозуб Л. Г. Динамика звукообразования (по данным кинорентгенографирования). – К., 1979.

*И. И. Степанченко (Харьков)***ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНТРОПОЦЕНТРИЗМ И ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ НАУК**

Антропоцентрический подход к науке о языке как разделу человековедения требует от лингвистов объединения усилий с учеными, представляющими другие науки о человеке. Однако методологическая разобщенность препятствует сотрудничеству лингвистов с философами, психологами и т. д.

Ключевые слова: лингвистика, антропоцентризм, интеграция, методология, метафора.

Антропоцентричний підхід до науки про мову як розділу людинознавства потребує від лінгвістів об'єднання зусиль з ученими – представниками інших наук про людину. Але методологічна розбіжність заважає співробітництву лінгвістів з філософами, психологами тощо.

Ключові слова: лінгвістика, антропоцентризм, інтеграція, методологія, метафора.

The anthropocentric approach to the linguistics as a branch of human science demands from linguists to unite their efforts with scientists from other branches of human science. But methodological difference prevents linguists from cooperation with philosophers, psychologists, etc.

Key words: linguistics, anthropocentrism, integration, methodology, metaphor.

Проблема интеграции наук с целью решения лингвистических и – шире – филологических задач ставилась на разных этапах развития филологии. Об этом свидетельствует, в частности, появление таких дисциплин, как математическая лингвистика, нейролингвистика, психолінгвістика и т. п. В 60–70-х годах прошлого столетия предпринимались попытки анализа художественного творчества учеными, представлявшими разные науки, в рамках деятельности Комиссии по комплексному изучению художественного творчества под руководством Б. С. Мейлаха. Получили широкую известность работы А. Н. Колмогорова по стиховедению, исследование Б. Раушенбаха явления обратной перспективы в иконописи и др.

Новый этап интеграции наук связан с развитием антропоцентрической парадигмы в современной лингвистике, ставящей перед собой задачу превратить науку о языке в раздел человековедения. На этом этапе интеграция наук приобретет особое значение, поскольку без нее изучение языковой личности невозможно. Как пишет Е. С. Кубрякова, “для адекватного познания языка необходимы выходы не только в разные области гуманитарного знания, но и в разные сферы естественных наук”¹.

В связи с этим возникает, на первый взгляд, некорректный вопрос: насколько, стремясь к интеграции, современная лингвистика (и в частности, антропоцентрическая лингвистика) готова декларировать интеграцию осуществить в действительности? Проблема заключается в том, что на начальном этапе своего развития антропоцентрическая парадигма заимствует многие методологические принципы структурной лингвистики, и это, как представляется, создает препятствия для ее развития именно как интегрированной парадигмы. Придание лингвистике антропоцентрического характера – это приведение в соответствие методологических основ лингвистической науки с методологическими основами других наук о человеке, в частности – психологии и философии, ибо смена научной парадигмы – это прежде всего уточнение, а иногда и смена исходных методологических посылок. Возможно ли это при тех абсолютно разных подходах, которые имеют место сейчас?

Например, лексическое значение слова, тесно связанное с понятием, рассматривается как некоторый набор сем, семантических признаков. При этом вопрос о психологическом обосновании этой теории практически не ставится. Иными словами, какие мыслительные структуры соответствуют семной структуре значения, в рамках статической модели языка – вопрос для лингвистики несущественный. Но этот вопрос не может оставаться несущественным в рамках антропоцентрической (в частности, когнитивной) лингвистики, которая также использует традиционные представления о семном, признаковом характере содержания значимых единиц (например, концептов). Так, В. Н. Телия пишет: “Фотографический портрет” обобщенного представителя некоторого класса объектов, составленный из типичных признаков, представляет собой прототип (стереотип, гештальт-структуру, типовой образ), а сама совокупность этих признаков получает название “концепта”². Психологи же рассматривают понятие как ряд мыслительных операций, вид мыслительной деятельности (“значение как психологический феномен есть не вещь, но процесс” – А. А. Леонтьев³).

Казалось бы, в рамках антропоцентрической лингвистической парадигмы позиции психологов и лингвистов должны были быть согласованы. Однако на деле это происходит далеко не всегда. Тот факт, что компонентный анализ стал одним из ведущих методов изучения значения слова и в когнитивной

лингвистике, свидетельствует об опасности изменения при переходе от одной парадигмы к другой не сути подхода, а терминологии. Например, изучение отдельных лексико-семантических групп слов сейчас воспринимается как некоторый лингвистический атавизм. Можно привести примеры диссертаций, которые отличаются от традиционных исследований ЛСГ лишь терминологически. Новизна подхода заключается только в том, что лексико-семантические группы названы вербализаторами концепта, а интегральный признак ЛСГ – концептом. При этом концепт чаще всего определяется непоследовательно: он то относится к языковым единицам и приравнивается к слову, то рассматривается как мыслительное образование, которое лишь вербализуется при помощи средств языка. Методы исследования вербализаторов концепта мало чем отличаются от методов анализа лексико-семантических групп. Поскольку по существу в анализе почти ничего не меняется, возникает вопрос: позволяет ли такая терминологическая манипуляция говорить о переходе к новой лингвистической парадигме?

По существу, центральной методологической проблемой науки о языке была и остается проблема определения места языка в триаде ЯЗЫК – МЫШЛЕНИЕ – ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ. В зависимости от варианта ее решения язык и его единицы будут рассматриваться в рамках разных систем определений. Современная когнитивистика и концептология обнажили противоречия между различными методологическими подходами к решению проблем языкового мышления, роли языка в процессе познания человеком мира, границы между языковым и неязыковым в содержании слова, проблемы связи значения и понятия, проблемы соотношения статики и динамики в языке и др. Антропоцентрическая парадигма в науке о языке потребовала демегафоризации лингвистических терминов.

Метафоры в лингвистических теориях – явление нередкое. Одна из таких метафор – метафора о создании картины мира с помощью языка. То, что Э. Сэпиром и Б. Уорфом осторожно выдвигалось как гипотеза, в современной когнитивной лингвистике стало аксиомой, принимаемой безоговорочно, причем часто без необходимого обоснования. В чем метафоричность этого утверждения? Буквально знание о мире не заложено в слове. Во всяком случае, это утверждение не следует понимать буквально. Об этом неоднократно писали и философы, и лингвисты, начиная от В. Гумбольдта и А. А. Потемни и заканчивая современными психолингвистами. Слово, а точнее – вербальный образ, включенный в систему языковых связей с другими вербальными образами, актуализирует в сознании человека динамические концептуальные структуры, включающие “предметные” образы и связи между ними, и эмоциональные структуры. По словам известного психолингвиста А. А. Залевской, вне человека написанное слово – это “мертвая цепочка графем”⁴. Слово – это лишь возбудитель некоторого мыслительного содержания в человеческом сознании. Данное положение не согласуется с теоретическими канонами традиционной лингвистики, заимствованными современной антропоцентрической, в частности – когнитивной лингвистикой. Намечается противопоставление сути объекта изучения лингвистики сути объекта изучения психолингвистики. Возникает вопрос, справедливо ли такое противопоставление, особенно с позиций антропоцентризма?

В одной из недавно защищенных очень интересных докторских диссертаций содержится типичное утверждение, что в языковой картине мира “границы между отдельными категориями размыты, а сами категории имеют внутреннюю структуру: некоторые их элементы представляют категорию лучше, чем другие, т. е. являются прототипическими ее членами. Например, прототипическая птица – это для англоязычной картины мира малиновка, а для русскоязычной – воробей, тогда как пингвин или страус находятся на периферии категории”⁵. Возникают сомнения в том, что приведенный пример характеризует особенности языковой картины мира. Что перед нами – особенность культуры или особенность языка, навязываемая им культуре? Неужели язык “заставляет” в русской культуре пингвина находиться на периферии категории прототипических птиц? По-видимому, логичнее было бы рассматривать язык как явление вторичное по отношению к культуре (в широком смысле слова).

Антропоцентрическая парадигма, как и структуральная, объясняет роль текста в процессе общения как средства передачи некоторой информации от одного коммуниканта к другому. Отношения между языковыми и собственно когнитивными, мыслительными структурами текста, как правило, и в структуральной, и в антропоцентрической лингвистике рассматриваются как отношения кодирования мыслительной информации средствами языка. Остановимся на анализе этой категории.

В трудах И. В. Арнольд⁶ и ее школы (школы стилистики декодирования), на которые ссылаются многие лингвисты, представляющие антропоцентрическое направление⁷, подробно описан процесс кодирования и декодирования информации как процесс замены мыслительных единиц языковыми и наоборот. Вне жесткой связи между единицами разных кодов в тезаурусе автора и реципиента процесс кодирования и декодирования невозможен. Идущая от кибернетики, эта теория основана на

принципиальной изоморфности процессов передачи информации в мире людей и в кибернетических устройствах. Теория кодирования была особенно распространена в 60–80 гг. – в эпоху почти безраздельного господства структурализма. Механистичность процессов кодирования и декодирования вызывала критическое отношение к ней ряда ученых (В. А. Звегинцева, Ю. А. Сорокина и др.).

Есть несколько причин, заставляющих отказаться от теории кодирования при антропоцентрическом подходе. Приведем лишь некоторые из них. Во-первых, кодирование подразумевает жесткую поэлементную связь между единицами двух кодов (в данном случае – мыслительного и языкового). Реально жесткая, однозначная связь отсутствует: “Мысль изреченная есть ложь” (кстати, перефразируя Тютчева, можно утверждать, что “мысль изреченная” – дважды ложь: первая ложь возникает в процессе создания текста – при образовании связей понятийного (мыслительного) содержания в сознании автора с вербальными образами, т. е. “перевод” мыслей и эмоций “на язык слов”, вторая – в процессе рецепции).

Во-вторых, единицы каждого из кодов представляют собой диалектически противоречивые образования: понятие (абстракция) неотделимо от системы его определений (образов – как “предметных”, так и вербальных), слово как звукокомплекс (конкретная единица) неотделимо от правил оперирования словом в языковой системе (значения в узком смысле – абстракции). Между этими единицами в акте коммуникации возникают более сложные отношения, чем отношения семиотической репрезентации, замены одного кода другим.

В-третьих, передача информации – изменение структуры одного объекта под влиянием другого объекта (см. труды И. В. Арнольд). Можно ли говорить, что передача информации в технических устройствах и в процессе человеческой коммуникации – принципиально одно и то же? В первом случае передача информации – это действительно взаимодействие двух материальных систем, во втором случае в результате воздействия одной материальной системы на другую возникают мыслительные процессы, т. е. “передача информации” от одного коммуниканта к другому носит особый (отличный от передачи информации в машинном мире) характер и не сводится только к взаимодействию материальных объектов.

В-четвертых, рассмотрение процесса коммуникации как одного из информационных процессов приводит к тому, что человеческая коммуникация выводится за пределы процесса познания (специфически человеческого вида деятельности) и ставит коммуникацию в ряд информационных процессов, общих для человека и машины. В этом случае трудно говорить о приближении лингвистики к человековедению.

Характеристика текста как средства передачи информации по своей природе метафорична, причем эта метафоричность признается многими лингвистами. Так, В. М. Солнцев в книге “Язык как системно-структурное образование” отмечал: “Представлялось важным разъяснить метафоричность таких терминов, как «сообщение», «передача» мысли. Мысль не передается в прямом смысле, она с помощью чувственно воспринимаемых языковых знаков, произведенных говорящим, лишь возбуждается и формируется в голове слушающего”⁸. Мыслительная деятельность, лежащая в основе языкового содержания, изучаемая различными науками о человеке, которые предлагается интегрировать в рамках антропоцентрической парадигмы, представляет собой реально существующий объект. Лингвист, моделируя план содержания языка, чаще всего безразличен к этому объекту (возможно, за исключением психолингвистов). Основными свойствами модели являются логичность построения, внутренняя непротиворечивость, степень же соответствия моделируемому объекту отодвигается на второй план. Например, рассматривая семную структуру значения, ученый может не задаваться вопросом о том, имеют ли место семы в реальной мыслительной деятельности человека.

Антропоцентрическая парадигма как парадигма интегрированная не может строиться на модели, далекой от объекта, ибо в противном случае разрушается основа интеграции. Психология, логика, философия, физиология и другие науки, изучая речевое поведение человека, исследуя языковую личность, исходят из модели, основанной на познанных свойствах объекта – мыслительной деятельности человека. Антропоцентрическая лингвистика может успешно развиваться только принимая эту модель.

В статье названа лишь небольшая часть проблем, которые возникают при анализе перехода от традиционной лингвистической парадигмы к парадигме антропоцентрической. Без решения этих проблем сближение науки о языке с другими науками о человеке трудно считать окончательно состоявшимся.

В заключение несколько слов о сосуществовании разных парадигм. С одной стороны, кажется, что чем больше лингвистических парадигм лежит в основе исследования языковых фактов, тем разностороннее и глубже будут полученные результаты. Однако, с другой – не стоит забывать о том, что

выбранная модель анализа определяет не только угол зрения, под которым исследователь анализирует языковые образования, но и в известном смысле влияет на объект анализа, трансформирует, модифицирует его. Так, например, текст как носитель закодированной информации и текст как возбудитель собственной мыслительной деятельности в сознании реципиента – по существу разные объекты. Модель, положенная в основу исследования, должна обладать двумя основными качествами: быть внутренне непротиворечивой и максимально соответствовать моделируемому объекту, т. е. отражать максимальное количество его свойств, быть адекватной ему. Структуральная модель при всех ее неоспоримых достоинствах в меньшей мере, чем антропоцентрическая модель, адекватна объекту. Адекватность структуральной модели определяется соответствием системе заданных исходных параметров и отсутствием внутренних противоречий. Если же мы придерживаемся антропоцентрического взгляда на язык, то вопрос о том, какова сущность моделируемого объекта, не является праздным, в этом неоспоримое преимущество этой парадигмы. Ответить на вопрос, что изучается лингвистикой “на самом деле”, можно лишь с учетом того, что нам известно о процессах, протекающих в “черном ящике” в рамках других наук о человеке. Поэтому развитие антропоцентрической парадигмы, рассматривающей науку о человеческом языке в контексте других наук о человеке, безусловно, является перспективным. Видимо, сейчас ее становление переживает начальную стадию, лингвистический антропоцентризм еще не превратился в самостоятельную парадигму, не освободился от груза лингвистических традиций предшествующего периода. Это еще раз доказывает важность анализа методологических основ, различающих эти парадигмы.

¹ *Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // *Язык и наука конца XX века.* – М., 1995. Цит. по: *Актуальные проблемы современной лингвистики / Сост. Л. Н. Чурилина.* – М.: Изд-ва “Флинта”, “Наука”, 2007. – С. 53. ² *Телия В. Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 94–97. ³ *Леонтьев А. А.* Психологическая структура значения // *Семантическая структура слова.* – М., 1971. – С. 8. ⁴ *Залевская А. А.* Понимание текста как актуальная психологическая проблема // *Литературный текст: проблемы и методы исследования.* – Калинин, 1987. – С. 24–25. ⁵ *Петрова Л. А.* Художественная картина мира в русском сатирико-юмористическом нарративе начала XX столетия: Дис. ... д-ра филол. наук (10.02.02 – русский язык). – Киев, 2008. – С. 7. ⁶ *Арнольд И. В.* Стилистика английского языка (стилистика декодирования). – Л., 1973. – 304 с. ⁷ *Петрова Л. А.* Художественная картина мира в русском сатирико-юмористическом нарративе начала XX столетия: Дис. ... д-ра филол. наук (10.02.02 – русский язык). – Киев, 2008. – 276 с. ⁸ *Солнцев В. М.* Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука, 1977. – С. 4.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В. В. Орехов (Симферополь)

ЕВРОПА КАК РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МИФ

В статье исследуется феномен мифологизации и демифологизации образа Европы в русском литературном сознании XIX века, выявляются механизмы воздействия европейского мифа на русско-европейские литературные контакты.

Ключевые слова: имагология, миф, русская литература.

У статті досліджується феномен міфологізації і деміфологізації образу Європи в російській літературній свідомості XIX століття, виявляються механізми впливу європейського міфу на російсько-європейські літературні контакти.

Ключові слова: имагологія, міф, російська література.

This article explores the phenomenon of mythologizing and demythologizing the image of Europe in the Russian literary consciousness of the XIX century, reveals mechanisms of action of the European myth on Russian-European literary contacts.

Keywords: imagology, myth, Russian literature.

Увлечение российской аристократии и интеллигенции первой половины XIX в. европейской, в первую очередь, французской культурой и европейским образом жизни общеизвестно. Отбросив влияние скоротечных и внешних пристрастий, это увлечение можно определить как стремление к более высокому, нежели российский, уровню просвещения, к более справедливым законам человеческого общежития. А. А. Бестужев-Марлинский писал из Петропавловской крепости Николаю I, что после взятия Парижа “войска от генералов до солдат, пришедши назад, только и толковали: как хорошо в чужих землях”¹. Декабрист И. Д. Якушкин, вспоминая ту же эпоху, выражается в своих записках в том духе, что русские офицеры (декабристы) решили “пересадить Францию в Россию”².

Понятно, что многие после трагической неудачи декабристов могли счесть более осуществимым “перенести” самих себя в ту же Францию, нежели “пересаживать” французские правила жизнеустройства в Россию. Подобную попытку совершил ныне почти забытый русский ученый-филолог Владимир Сергеевич Печерин.

В 1833 г. В. С. Печерин в качестве члена Дерптского профессорского института, основанного академиком Парротом, отправился завершать подготовку к профессорской деятельности в Берлин. После двухлетнего обучения и путешествий по Европе он вернулся в Россию и получил должность экстраординарного профессора в Московском университете. Однако через год Печерин под предлогом печатания диссертации в Берлине снова отправился за границу и стал тем, кого в недавнем прошлом у нас именовали “невозвращенцами”. В России после этого Печерин был лишен российского подданства и всех прав состояния. В. С. Печерин умер в Ирландии в 1885 г. Мемуары его в полном виде были опубликованы только в 1932 г., в 1989 г. переизданы с исправлениями и получили название, подобранное издателями: “Замогильные записки (Apologia pro vita mea)”. Эти воспоминания позволяют проследить духовную эволюцию, пережитую русским ученым за время его почти пятидесятилетнего заграничного “путешествия”. Мы постараемся выяснить, какие преобразования претерпел образ Европы в сознании Печерина.

Причину бегства из России Печерин объясняет отсутствием на родине свободы волеизъявления, свободы вероисповедания, свободы мнения. Эти обстоятельства настолько угнетают его, что во время берлинского пребывания он написал строки, которые в дальнейшем назвал “безумными”:

Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья,
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрожденья!³

Путешествие Печерина в поисках свободы начинается со Швейцарии. В городе Лугано, который Печерин именует “фокусом революции”, он настойчиво ищет и находит общения с республиканцами. Он увлечен политическими рассуждениями, но скоро замечает, что “государственные люди” в

“маленьких швейцарских республиках” – это “просто добродушные мещане”, и даже вспоминает, как однажды “обедал за общим столом с целым Государственным Советом”⁴.

Быстро издержав деньги, Печерин перебирается в Цюрих с надеждой жить уроками. Видимо, он чувствует неосознанное разочарование, поскольку Швейцария начинает напоминать ему Россию, от которой он бежал. Так, по дороге в Цюрих он замечает, что зимой “живые прелести” Швейцарии задержаны “каким-то однообразным сибирским саваном” и “великолепные водопады” висят “ледяными сосульками <...>, будто клочки инея на бороде русского мужика”⁵. В Цюрихе Печерин живо интересуется освободительным движением итальянцев, идеями революции и республики. Сводит близкое знакомство со швейцарским патриотом Банделье, который, как выражается Печерин, “жил по-республикански, т. е. с какою-то женщиною”, находясь “у нее на содержании”⁶. Скоро Печерин делает открытие. Оказывается, в Цюрихе для получения учительского диплома вовсе не обязательно проходить официальную процедуру экзамена, а достаточно “попотчевать” экзаменатора “бутылкою вина”. “Я думал, что в свободной республике взятки не берут, – заключает автор. – Да нет! Взятки в самой природе человека”. И тут западные обычаи напоминают Печерину Россию: “Удивляются, что есть такое сочувствие между Россиею и Соединенными Штатами: ведь, кажется, образ правления совершенно различный. Помилуйте! Есть коренное сходство между этими двумя странами: в обеих берут взятки. Но только что Россия ужасно как отстала”⁷.

Сделав долги, Печерин бежит из Цюриха во Францию. “Вот и Франция! – восклицает он внутренне, добравшись до границы. – Вот она, обетованная земля, таинственный предел мечтаний и надежд моего детства и моей юности!”. Чтобы прокормиться в “обетованной земле”, Печерин первым делом вынужден продать панталоны, но его греет мысль о другом: “Теперь я свободен <...>! Ведь я во Франции <...>! Будущее мне принадлежит <...>”⁸. Французская полиция, однако, не оценила восторгов эмигранта и без оговорок выпроводила его из страны. “Точь-в-точь как у нас на святой Руси!”⁹ – решил Печерин, направляясь в Бельгию.

Печерин снова начинает отчаиваться, поскольку европейские ландшафты опять напоминают ему Россию¹⁰. Но в Льеже его ждет новое увлечение – франкмasons. Снова энтузиазм, надежды, планы. И потом как результат наблюдений за масонской средой горькая фраза: “Ну что же это такое? <...> Ведь это то же, что у нас в России: нельзя ли как-нибудь”¹¹.

Разочарование в революционных теориях и обществах приводит Печерина в лоно католической церкви, и в 1841 г. он становится монахом редemptористского ордена, а через два года – католическим священником. Чтобы разочароваться в новом предназначении, русскому филологу понадобилось 20 лет. И вот наблюдение, поразившее Печерина: “Я узнал, что в монастыре шпионство процветает точь-в-точь как у нас в старые годы”¹². Кроме того, корыстолюбие отцов католической церкви напомнило Печерину “поповские глаза”¹³.

Все разочарования Печерина, по сути, сводятся к одному: европейские институты и обычаи ничем не отличаются от российских. Идеальные представления о Европе рассыпаются, в какой бы стране Печерин ни старался их проверить. 25 лет жизни были потрачены на сравнение идеализированного образа Европы с Европой реальной, на выяснение, что Европа не лучше России. Но в 1861 г. в сознании Печерина происходит переворот. Решив перейти в известный аскетизмом орден траппистов, Печерин почти сразу бросает эту новую стезю по причине, ранее для него совершенно не свойственной. Он узнает об эмансипации крестьян в России, и вот его реакция: “Как же мне живому зарыться в этой могиле и в эту важную эпоху ничего не слышать о том, что делается в России?”¹⁴. До этих пор Печерин смотрел на Европу через призму представлений о России и горевал, обнаруживая в “идеальной” Европе российские черты. Теперь, познав Европу, он чувствует, что образ родины становится для него притягательным и выигрывает на фоне европейской действительности. Он осуждает свое прежнее преклонение перед культом французской нации: “Мне и в голову не приходило, что Россия-то именно та свежая держава, которой великие судьбы только что начинаются, а Франция – отжившая свой век нарумяненная маркиза, о которой можно сказать то же, что Беранже сказал о Европе вообще: Старуха на костылях, // Не верующая более в добродетель”¹⁵. Воссоздавая в мемуарах цепочку бесчисленных разочарований, вернувших ему привязанность к родине, Печерин характеризует свои записки так: “Это <...> моя защита перед Россиею, особенно перед новым поколением. <...> Да! Потому что мне непременно надобно оправдаться перед Россиею”¹⁶. Мемуары Печерина, впрочем, не были опубликованы при жизни автора, и он так и не узнал, насколько действенно его “оправдание перед Россиею”.

Впрочем, нас интересует не моральный урок, а история вопроса и его масштабы. Почему миф о свободной и просвещенной Европе так всепобеждающе овладел воображением русского ученого? Насколько популярен был этот миф вообще в российском общественном сознании?

Сам Печерин склонен находить истоки увлечения “европейской мечтой” среди первых детских впечатлений. Круг его детского чтения в 1812 г. составляли почти исключительно драмы Коцебу и романы г-жи Жанлис из библиотеки отца. В 10 лет мальчик читал на языке оригинала французские романы и трагедии Расина, французский “Журнал для детей”. Тиранический характер отца и униженное положение матери вызывали у ребенка “желание переселиться в другую, более человеческую среду”¹⁷. Очевидно, именно французское чтение направило это стремление в сторону Франции. Во всяком случае, в 1812 г. в день провозглашения манифеста о победоносном завершении Отечественной войны пятилетний мальчик “молился за французов и просил бога простить им, если они заблуждались”. В 1819 г. Печерин задумал свой первый побег во Францию.

Может сложиться впечатление, что в эпоху российской галломании похожими настроениями было заражено все поколение. Но вот воспоминания графа Михаила Дмитриевича Бутурлина, ровесника Печерина (родился в 1807 г.): “Была в то время песня очень в ходу <...> «Грянул внезапно гром над Москвою», с припевом в каждом куплете: «Ай донцы, молодцы!» Ее мы часто певали в нашей детской с горничными девушками, а так же и другую: «Бонапарту не до пляски, растерял свои подвязки и кричит пардон...»¹⁸. Еще одна параллель: детские впечатления Николая Ивановича Пирогова, который в 1833 г. вместе с Печериным отправился за границу как член профессорского института. “Карикатуры на французов, выходившие в 1815 – 1817 годах, расходившиеся тогда по всем домам, я, как теперь, вижу, – вспоминает хирург, который учился русской грамоте именно по этим карикатурам, изданным в виде карт в алфавитном порядке. – Первая буква **А** представляла глухого мужика и бегущих от него в крайнем беспорядке французских солдат с надписью: Ась, право, глух, Мусье, что мучить старика? // Коль надобно чего, спросите казака. <...> **В**. Французские солдаты раздрают на части пойманную ворону, и один из них, изнуренный голодом, держит лапку, а другой, валяясь на земле, лижет из пустого котла. Надпись: Ворона как вкусна, нельзя ли ножку дать, // А мне из котлика хоть жижи полизать”. “Это учение грамоте по карикатурным картинкам, – рассуждает Пирогов, – вряд ли одобрится педагогами. <...> Зато эти карикатуры <...> развили во мне рано любовь к славе моего отечества. В детях, как я вижу, это первый и самый удобный путь к развитию настоящей любви к отечеству. Так было, по крайней мере, у меня <...>”¹⁹.

Так было не только у Пирогова. О тех же карикатурах вспоминает граф М. В. Толстой, родившийся в 1812 г.²⁰, о них же могло вспоминать почти все печеринское поколение. Пирогов считает, что именно это детское воспитание патриотизма развило в нем самом иммунитет к обаянию Европы: “Я от 17 до 30 лет, окруженный чуждою мне народностью, среди которой жил, учился и учил, не потерял, однако же, несколько привязанности и любви к отчизне, а потерять в ту пору было легко: жилось в отчизне не очень весело и не так привольно, как хотелось жить в 20 лет”²¹.

Впрочем, обаяние Европы, прежде всего Франции, Пирогов все же ощущал. Он рассказывает, что во время пребывания в Дерпте французские ученые его восхищали и казались в сравнении с немцами “народом избранным, даровитым, симпатичным”²². В 1837 г. (т. е. почти одновременно с Печериным) Пирогов отправился в Париж. В результате своих французских наблюдений и научной полемики со знаменитым медиком Ж.-З. Амюсса русский хирург переменял мнение о французах: “Тщеславные французы, с предвзятым мнением, никогда не сознаются в ошибках и заблуждениях”²³.

Европа привлекала уже тем, что это другая страна, неизбежно вызывающая любопытство новизной. В 1829 г. в Париж для завершения образования отправился будущий ректор-профессор императорской академии художеств Федор Иванович Иордан. Он вспоминает, какое впечатление произвел на него первый попавшийся по дороге европейский город Свинемюнд: “Несмотря на ничтожность этого городка, меня все в нем поражало. Кроме домов и костюмов, мне казалось, что даже деревья и самое небо иные, нежели у нас”²⁴. У Иордана сохранились довольно доброжелательные воспоминания о Париже, но и он часто склонен к иронии и критике относительно французского образа жизни.

Пожалуй, наиболее резко разочарование Европой проявилось у Л. Н. Толстого. В 1857 г. он два месяца живет в Париже, о котором пишет В. П. Боткину: “Наслаждение искусствами, Лувр, Versailles, консерватория, квартеты, театры, лекции в Collège de France и Сорбон, а главное – социальной свободой, о которой я в России не имел даже понятия”²⁵. На другой же день после письма Толстой присутствовал на публичной казни гильотиной. Эта сцена так его потрясла, что через день он покинул Париж. В Швейцарии Толстой наблюдает ситуацию, описанную в рассказе “Люцерн”, и, кажется, Европа надолго отвращает его к себе. Он возвращается в Россию, наблюдает российские порядки и... делает запись: “Противна Россия. Просто ее не люблю”²⁶.

В 1860 г. Толстой вновь отправляется в путешествие по Европе, посещает Ниццу, Флоренцию, Ливорно, Неаполь, Лондон, Париж, Брюссель... И как итог пишет такой набросок в виде послания другу: “Только мы, русские варвары, не знаем <...> разрешения вопросов о будущности человека и

лучших путях образования; в Европе это уже вопросы решенные; и что замечательнее всего, разрешенные на тысячу различных ладов. В Европе знают не только законы будущего развития человечества, <...> знают, в чем может осуществиться счастье отдельной личности и целых народов, знают, в чем должно состоять высшее гармоническое развитие человека и как оно достигается. <...> Мало того: как сложное вещество, разложили душу человека на память, ум, чувство и т. д. и знают, сколько какого упражнения для какой части нужно. <...> Мало того: верят и знают, какая вера самая лучшая”²⁷. Впечатление Толстого от второго путешествия по Европе было таким, что он, по наблюдению биографа Н. Н. Гусева, “ни в одном сочинении не помянул Европу добрым словом”²⁸.

Условия российской действительности вынуждали искать личную свободу в Европе. А. С. Пушкин, с юности мечтая о путешествии во Францию, неоднократно обращался к императору под разными предлогами с просьбой разрешить поездку, но получал отказ. В 1826 г. Пушкин писал П. А. Вяземскому: “Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? Если царь даст мне слободу, то я месяца не останусь. <...> В 4-ой песне Онегина я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? В нем дарование приметно – услышишь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится – ай-да умница”²⁹. П. А. Вяземский вполне мог понять чувство поэта. Через два года он сам планировал путешествие в Лондон и в Париж совместно с Пушкиным, Крыловым и Грибоедовым и объяснял супруге: “А право, брюхом хочется в Париж...”³⁰.

В российском литературном и общественном сознании первой половины XIX в. Европа превратилась в образ-мираж. Официальная пропаганда, провозглашавшая мысль о “разлагающемся западе”, была не в силах разрушить этот образ. Poleмические выпады славянофилов настолько прямолинейно клеймили Европу, что зачастую вызывали лишь раздражение и желание противоречить, что провоцировало дополнительную актуализацию этого образа. После первого выпуска “Москвитянина” (1845) А. И. Герцен опубликовал в “Отечественных записках” насмешливую статью “Москвитянин и Вселенная”, где характеризовал новый журнал: “<...> Он приготовил в тиши якорь спасения погибающему Западу. Гибнущая Европа, нося в груди своей черные пророчества А. С. Хомякова, утопая в бесстыдстве знания, в алчном себялюбии, заставляющем европейцев жертвовать собою науке, идеям, человечеству, – ищет помощи и совета... и нет его внутри немецкого сердца... Но придет время, кто-нибудь укажет на дальнем финском берегу лучезарный Маяк... тогда народы всего земного шара побегут к «Маяку», и он им скажет: идите на Тверскую <...>: там готово для вас исцеление в конторе «Москвитянина»”³¹.

Неловкие нападки славянофилов на европейский образ жизни привели к тому, что журналисты, скажем, “Современника”, высмеивая нарочитую ненависть к Западу, постоянно возвращались к европейским темам. Да эти темы и были востребованы читателями: новинки европейской литературы и науки, парижские моды, путевые записки о Европе, основные события парижской жизни (в “Современных заметках”) – обо всем этом подписчики “Современника” имели оперативную и довольно полную информацию. В полемике между западниками и славянофилами Запад нашел явно более остроумных и популярных защитников, нежели противников. Образ Европы, создаваемый в условиях этой полемики, воспринимался острее и актуальнее. Видимо, поэтому А. И. Герцен в “Письмах из Avenue Marigny”, делает вроде бы неоправданный выпад в сторону славянофилов. “Молодое поколение, – пишет Герцен о парижанах, – гуманно, вежливо, даже нежно, вообще мягко. <...> Что за уважение к женщине, что за милое, трогательное внимание к детям! Как жаль, что народ, развивший в себе такие прекрасные свойства, должен погибнуть, а делать нечего, я это знаю из верных рук, мне это рассказывали мудрецы «Вшивой Горки» и «Плющихи»...”³².

Идеализированный образ Европы могло разрушить только столкновение с действительной, реальной Европой. Но и тогда, когда этот образ терял черты идеализации, Европа во многом выигрывала при сравнении с Россией. Однако это уже вопрос не литературоведения, а скорее, сравнительной истории.

В качестве вывода к статье следует заключить, что образ другой страны, существующий в литературе и в общественном сознании, является стимулом для развития межлитературных и межкультурных отношений, заставляет человека воспринимать миф как реальность и стремиться к нему. Демифологизация такого образа оставляет следы в национальной литературе и в национальном сознании. Чтобы разрушить, например, миф о Европе, недостаточно, чтобы реальную Европу увидел Л. Н. Толстой, В. С. Печерин, многие другие авторы. Черты реальной, неидеализированной Европы должны войти в круг самых широких общественных представлений, которые, несомненно, формируются совокупностью мнений и отзывов отдельных авторов. Таким образом, факт литературы сталкивается с фактом жизни, и это столкновение продуцирует новый факт литературы – реформированный образ другой страны.

¹ Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения. В 2-х т. – М., 1981. – Т. 2. – С. 485. ² По поводу записок И. Д. Якушкина и статьи о них П. Н. Свистунова // Русский архив. – 1871. – С. 190. ³ Печерин В. С. Замогильные записки (Apologia pro vita mea) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи (Мемуары современников). – М., 1989. – С. 161. ⁴ Печерин В. С. Указ. изд. – С. 178. ⁵ Печерин В. С. Указ. изд. – С. 182. ⁶ Печерин В. С. Указ. изд. – С. 183. ⁷ Печерин В. С. Указ. изд. – С. 186. ⁸ Печерин В. С. Указ. изд. – С. 188. ⁹ Печерин В. С. Указ. изд. – С. 194. ¹⁰ Печерин В. С. Указ. изд. – С. 195. ¹¹ Печерин В. С. Указ. изд. – С. 219. ¹² Печерин В. С. Указ. изд. – С. 306. ¹³ Печерин В. С. Указ. изд. – С. 252. ¹⁴ Печерин В. С. Указ. изд. – С. 207. ¹⁵ Печерин В. С. Указ. изд. – С. 235. ¹⁶ Печерин В. С. Указ. изд. – С. 152. ¹⁷ Печерин В. С. Указ. изд. – С. 152. ¹⁸ Бутурлин М. Д. Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина // Русский архив. – 1897. – Кн. 1. – С. 398. ¹⁹ Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. – М., 1950. – С. 223. ²⁰ Толстой М. В. Воспоминания графа М. В. Толстого // Русский архив. – 1881. – Кн. 2. – С. 257. ²¹ Пирогов Н. И. Указ. изд. – С. 223. ²² Пирогов Н. И. Указ. изд. – С. 235. ²³ Пирогов Н. И. Указ. изд. – С. 411. ²⁴ Иордан Ф. И. Записки ректора профессора Императорской академии художеств Федора Ивановича Иордана // Русская старина. – 1891. – Т. LXX. – Кн. IV. – С. 82. ²⁵ Гусев Н. Н. Жизнь Льва Николаевича Толстого. Молодой Толстой (1828 – 1862). – М., 1927. – С. 281. ²⁶ Гусев Н. Н. Указ. раб. – С. 293. ²⁷ Гусев Н. Н. Указ. раб. – С. 380. ²⁸ Гусев Н. Н. Указ. раб. – С. 379. ²⁹ Пушкин А. С. Полное собр. соч. В 19-ти т. – М., 1994. – Т. 13. – С. 280. ³⁰ Пушкин А. С. Полное собр. соч. В 19-ти т. – М., 1994. – Т. 14. – С. 13. ³¹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. – СПб., 1894. – Кн. 8. – С. 18. ³² Искандер (А. И. Герцен) Письма из “Avenue Marigny” // Современник. – 1847. – Т. 5. – С. 171.

Русистика

Вып. 13

Київ – 2013

Н. П. Иванова (Симферополь)

ЭКСПЛИКАЦИЯ ИДЕИ КОСМОЦЕНТРИЗМА В КАРТИНАХ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА

Статья посвящена исследованию возникновения и развития элементов космоцентризма в ментальных пространствах русских писателей XIX века и их отражения в картинах окружающего мира. В качестве первопричины этого процесса рассматривается преодоление оппозиции “свое – чужое” в её этническом аспекте.

В ходе анализа сделаны выводы об особенностях ментальных пространств автора и его героев, определены пункты их соприкосновения и расхождения.

Ключевые слова: ментальное пространство, космоцентризм, картина окружающего мира, оппозиция “свое – чужое”, этнический аспект.

Стаття присвячена дослідженню виникнення і розвитку елементів космоцентризму в ментальних просторах російських письменників XIX століття і їх відображення в картинах навколишнього світу. Як першопричина цього процесу розглядається подолання опозиції “свое – чужое” в її етнічному аспекті.

У ході аналізу зроблені висновки про особливості ментальних просторів автора і його героїв, визначені пункти їх дотику й розбіжності.

Ключові слова: ментальний простір, космоцентризм, картина навколишнього світу, опозиція “свое – чужое”, етнічний аспект.

The article is devoted to the study of the origin and development of elements of cosmocentrism in the mental spaces of Russian writers of the XIX century and reflect them in the pictures of the surrounding world. As the first cause of this process is overcoming the opposition of “own – alien” in the ethnic aspect.

In the analysis conclusions about the peculiarities of the mental spaces of the author and his characters were made, defined points of their contact and divergences.

Key words: mental space, cosmocentrism, the picture of the surrounding world, the “own – alien”, ethnic aspect.

Для современного литературоведения весьма актуальным является расширение границ изучения поэтики литературного пейзажа путем выведения его на качественно новый уровень – уровень анализа ментального пространства автора, эксплицированного посредством картин окружающего мира. Это направление литературоведческого анализа связано с такими категориями, как ментальность и когнитивность, активно разрабатываемыми филологами в настоящее время.

Указанный подход изложен в работах таких современных исследователей, как Л. А. Араева, Н. Б. Воронинская, Д. Н. Замятин, Н. Ю. Замятина и др. Так, Л. А. Араева и Н. Б. Воронинская в работе “Ментальное пространство поэтического цикла Иосифа Бродского «Post aetatem nostram»” (2006) ¹, рассматривая взаимосвязь языка и мышления, составляя единое неразрывное концептуально-текстуальное значение образа в ментальном пространстве произведения, приходят к выводу, что художественный образ вообще (а значит, и пейзажный – в частности) по сути своей – упрощенная когнитивная модель представления о чем-либо. А Н. Ю. Замятина в работе “Структура представлений о пространстве в разных странах: постановка проблемы” (2006) ² определяет ментальное пространство как соотношение некоторых понятий, имеющих отношение к пространству, и их свойств, а также самих понятий между собой, как оно представляется некоторому человеку: “пространство в голове”.

Аналогичный подход реализован в монографии Д. Н. Замятина “Метагеография: пространство образов и образы пространства” (2004)³, посвященной географическим объектам, пропущенным сквозь призму человеческого восприятия, – географическим образам.

Термин “ментальное пространство”, синонимичный понятию “внутренний мир человека”, был предложен в 1985 году Ж. Фоконье⁴. В настоящей статье обозначенная категория рассматривается в неразрывной связи с одним из главных средств её экспликации – картинами окружающего мира, поэтому под ментальным пространством понимается система ценностей автора, выраженная посредством пространственных характеристик.

В связи с вышесказанным цель данной статьи – проследить зарождение и становление элементов космоцентризма в ментальных пространствах русских писателей XIX века и отражение этого процесса в картинах окружающего мира.

В философии название “космоцентризм” получил первый, досократовский этап развития античной философии, когда Пифагор и Фалес, Гераклит и Анаксагор, объясняя мир из единого начала, сделали шаг от мифологии к философии и науке. В литературоведении этот термин используется крайне редко как противоположность понятию “антропоцентризм”. Для проводимого исследования важно содержащееся в нем смещение приоритетов с деления мира на “свое” и “чужое” к идее общности всего живого в ментальном пространстве автора.

Антиномию “свое – чужое” можно назвать ключевой для русской прозы XIX века. Одним из наиболее репрезентативных представляется её этнический аспект, последовательно реализованный в творчестве писателей этого периода и ставший предметом проводимого исследования.

Так, в “Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года” А. С. Пушкина истоком преодоления обозначенной оппозиции является стремление достичь ожидаемого путем смены пространства, в результате чего “чужое” не настораживает и не пугает, а лишь вызывает интерес и надежду – так обнаруживают себя элементы космоцентризма в пушкинском ментальном пространстве. Они заставляют воспринимать как благо въезд на “чужую” территорию, причем по силе воздействия на мировосприятие поэта граница России оказалась сопоставимой с самим Араратом. Видимо, ее пересечение связывалось с преодолением ощущения несвободы: “Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное”⁵. В этом же произведении встречаем в высшей степени романтическое восприятие образа странствующего поэта – носителя философии космоцентризма, с легкостью преодолевающего оппозицию “свое – чужое”: “Благословен час, когда встречаем поэта. Поэт брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных”⁶.

Однако в творчестве Н. В. Гоголя элементы космоцентризма эксплицированы не столь явно и вычленяются путем доказательства от противного: в повести “Тарас Бульба” оппозиция “свое – чужое” в её этническом аспекте даже несколько гиперболизирована, а неспособность ее преодолеть приводит к гибели героев. Так, провозглашая собственную принадлежность к христианскому миру, казаки демонстрируют ментальность, далекую от подлинно христианской, и “своя Сичь” для них остается главной и непреходящей ценностью. Речь Тараса и отношение казаков к католикам подтверждают это: “Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть *наше* товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля *наша*: ...князя русского рода, *свои* князя, а не католические недоверки. Все взяли бусурманы, все пропало. Только остались *мы*, сырые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая, так же как и *мы*, земля наша! Вот в какое время подали *мы*, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит *наше* товарищество!”⁷ [курсив автора – Н. И.].

Оппозиция “свое – чужое” в ментальном пространстве казаков распространяется даже на мир природы, не имеющий, казалось бы, вовсе никакой этнической принадлежности. Вспомним, к примеру, что Товкач говорит Тарасу: “Пусть же хоть и будет орел высмывать из твоего лоба очи, да пусть же степовой наш орел, а не ляшский, не тот, что прилетает из польской земли. Хоть неживого, а довезу тебя до Украйны!”⁸. При этом право на существование оппозиции “свое – чужое” признается автором не только за казаками, но и за их противниками, что усиливает безвыходность положения: “Я не знаю, ваша ясновельможность, зачем вам хочется смотреть их. Это собаки, а не люди. И вера у них такая, что никто не уважает.

– Врешь ты, чертов сын! – сказал Бульба. – Сам ты собака! Как ты смеешь говорить, что нашу веру не уважают? Это вашу еретическую веру не уважают!”⁹.

Подобные особенности ментальных пространств порождают соответствующие действия. Вопрос в другом: совпадает ли авторское ментальное пространство с ментальными пространствами героев и возможен ли для самого Н. В. Гоголя перевод оппозиции “свое – чужое” в общечеловеческую сферу преодоления ее там – своего рода шаг к космоцентризму? Видимо, на первую часть вопроса можно дать

отрицательный ответ, а на вторую – положительный, причем “ответ знает само произведение” (М. А. Новикова)¹⁰, так как мир, преобразованный подобными войнами с “чужими”, описан следующим образом: сожженный монастырь и выгоревший сад с черными крестами над огненным полем. Эта картина считается как адский пейзаж, при описании которого так или иначе 10 (!) раз упомянуто пламя¹¹.

Родовое сознание, определяющее ментальность героя, порождает антиномию “свое – чужое”, подпитывает ее и доводит до абсолюта, принося при этом в жертву самого носителя указанной оппозиции: “И пробилась было уже казаки, и, может быть, еще раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул: «Стой! выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьи́м ляхам!»”¹².

Однако в авторском ментальном пространстве не все так абсолютно. Жесточайшая, на первый взгляд, оппозиция “свое – чужое” смягчается и почти нивелируется образом влюбленного Андрия, произнесшего: “Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для нее всего. Отчизна моя – ты”. Видимо, в гоголевском ментальном пространстве оппозиция “свое – чужое”, будучи перемещенной из этнической сферы в общечеловеческую, теряет остроту или вовсе прекращает свое существование. Так было и до “Тараса Бульбы” – в “Ночи перед Рождеством”: “Я ее так люблю, как ни один человек на свете не любил и не будет никогда любить... Что мне до матери? ты у меня мать и отец и всё, что ни есть дорогого на свете”¹³. Более того, так было в первом гоголевском произведении, подписанным его именем, “Женщина” (“Литературная газета”, № 4 за 1831 г.): “И когда душа потонет в эфирном лоне души женщины, когда отыщет в ней своего отца – вечного бога, своих братьев – дотоле невыразимые землю чувства и явления – что тогда с нею? Тогда она повторяет в себе прежние звуки, прежнюю райскую в груди бога жизнь, развивая ее до бесконечности...”¹⁴.

Видимо, крайние проявления оппозиции “свое – чужое” находятся за пределами гоголевского ментального пространства, обнаруживающего таким образом тенденцию к космоцентризму. Этот тезис представляется справедливым и для поэмы “Мертвые души”. Преодоление указанной антиномии и приближение к “чужому” мыслится жителями города NN как улучшение качества если не жизни, то работы, или, по крайней мере, как способ привлечения внимания: “...магазин с картузами, фуражками и надписью: «Иностранец Василий Федоров»”¹⁵.

Уникальность изображаемого пространства определена самим Н. В. Гоголем, и для создания атмосферы необъяснимости и таинственности на уровне “важных мелочей” постоянно встречаются элементы “чужого” пространства. Так происходит при описаниях всех помещичьих усадеб – всех вариантов мезокосма, из которых складывается макрокосм – российская действительность.

А во второй половине XIX века тенденция к космоцентризму ментальных пространств русских писателей отчетливо усиливается, и последовательно космоцентричным можно назвать ментальное пространство Л. Н. Толстого, многократно приводящего своих героев к преодолению оппозиции “свое – чужое” в её этническом аспекте. Уже в повести “Казаки” мы видим, как Оленин покидает пределы “своего” мира и окунается в пространство мира “чужого”. Интересно, что, в отличие от романтических героев, он изначально не противопоставляет себя миру горцев и не может однозначно позиционировать себя по отношению к ним, с легкостью преодолевая границу между “своим” и “чужим” на уровне ментального пространства, тем самым делая шаг к космоцентризму: “Воображение его теперь уже было в будущем, на Кавказе... То с необычайною храбростью и удивляющей всех силой он убивает и покоряет бесчисленное множество горцев; то сам он горец и с ними вместе отстаивает против русских свою независимость”¹⁶.

В процессе реализации указанной антиномии возникает несколько парадоксальная ситуация, описанная в “Казаках”, а затем и в “Войне и мире”: нормы так называемого иномирия, с точки зрения автора, оказываются гораздо более “правильными”, нежели законы мира “своего”. И признание этого (иными словами, космоцентризм ментального пространства) как раз и является, по мнению М. А. Новиковой, критерием духовной зрелости и достижения высшей ступени развития человеческого духа: “Должны были пройти сотни веков, чтобы появились новые, надродовые и надтерриториальные взаимоотношения, а в духовном плане – т. н. мировые религии (для Европы – христианство), с их пониманием «своего» как вселенского и всечеловеческого”¹⁷.

Интересно, что полярность или преодолимость оппозиции “свое – чужое” в её этническом аспекте, существующие в мировосприятии героев, являются одним из основных средств их характеристики: чем дальше их ментальное пространство от авторского, тем более выражена в нем указанная антиномия. А героем, чье ментальное пространство максимально приближено к авторскому, является старый казак Ерошка – предшественник Платона Каратаева в “Войне и мире”. Непонимание другими ценности жизни и принесение ее в жертву ментальной оппозиции “свое – чужое”, которое мы видели у Н. В. Гоголя в

“Тарасе Бульбе”, вызывает у старого казака самое решительное осуждение: “Лукашка-джигит. Он чеченца убил; то-то и радуется. И чему радуется? Дурак, дурак!”¹⁸.

А значит, вполне закономерно, что в романе “Война и мир” главным условием продвижения по пути от “ложного” к “истинному” также является преодоление ментальной оппозиции “свое – чужое” в её этническом аспекте. И во время Бородинского сражения этот процесс доходит до одной из своих пиковых точек: Пьер и француз не понимают, кто кого из них взял в плен. Высший эффект достигается абсолютным сходством и синхронностью переживаний людей, являющихся врагами “здесь и сейчас”, но отнюдь не в системе “науки всего”, не в “огромном, гармоническом целом”, частью которого, по убеждению Л. Н. Толстого, является каждый человек: “Несколько секунд они оба испуганными глазами смотрели на чуждые друг другу лица, и оба были в недоумении о том, что они сделали и что им делать. «Я ли взят в плен или он взят в плен мною?» – думал каждый из них”¹⁹. Видимо, источником этого эпизода стала масонская идея “всемирного братства”, которая увлекла русских дворян, о чем пишет Е. К. Рыкова²⁰. Закономерно и то, что один из военных эпизодов В. В. Вересаев взял в качестве эпиграфа к части “Живой жизни”, посвященной Л. Н. Толстому, которая, по понятным причинам, называется “Да здравствует весь мир!”: “Немец засмеялся, вышел совсем из дверей коровника, сдернул колпак и, взмахнув им над головой, закричал: – Und die ganze Welt hoch!

Ростов сам так же, как немец, взмахнул фуражкой над головой и, смеясь, закричал: «Und vivat die ganze Welt». Хотя не было никакой причины к особенной радости ни для немца, вычищавшего свой коровник, ни для Ростова, ездившего со взводом за сеном, оба человека эти с счастливым восторгом и братскою любовью посмотрели друг на друга, потрясли головами в знак взаимной любви и, улыбаясь, разошлись, немец – в коровник, Ростов – в избу”²¹. Таким образом, космоцентризм ментального пространства является, по Л. Н. Толстому, условием достижения не только внутренней, но и вселенской гармонии.

В произведениях Ф. М. Достоевского преодоление оппозиции “свое – чужое” в ее лишь отчасти этническом плане оказывается возможным благодаря так называемому “мотиву Швейцарии”, который с первых строк романа “Идиот” позиционируется как противоположность окружающей российской действительности. Создается образ человека из другого мира во многих смыслах этого выражения: “На ногах его были толстоподшвенные башмаки с штиблетами, – все не по-русски”.

– Из-за границы что ль? – спрашивает его Рогожин.

– Да, из Швейцарии, – отвечает князь Мышкин²².

В связи с этим весьма симптоматично, что пространство и дома, и дачи Епанчиных, с которыми князь сблизился в России, оказывается также маркированным “мотивом Швейцарии” – таким образом для героя отчасти снимается острота оппозиции “желаемое – действительное”, сохраняя его внутреннюю гармонию: “Дача Епанчиных была роскошная дача, во вкусе швейцарской хижины, изящно убранная со всех сторон цветами и листьями. Со всех сторон ее окружал небольшой, но прекрасный цветочный сад”²³. Здесь также закономерным представляется соединение “мотива Швейцарии” (иного мира) с мотивом рая, вносимого образом сада, и утверждение таким образом элементов космоцентризма в ментальном пространстве героя. Интересно, что “мотив Швейцарии” с упоминанием все того же кантона Ури, изображение которого так понравилось князю в гостинной Епанчиных, эксплицирован и в “Бесах”. Николай Ставрогин пишет Дарье Павловне: “Прошлого года, я, как Герцен, записался в граждане кантона Ури, и этого никто не знает. Там я уже купил маленький дом. У меня еще есть двенадцать тысяч рублей; мы поедем и будем там жить вечно. В России я ничем не связан, – в ней мне все так же чужое как и везде. Правда, я в ней более чем в другом месте не любил жить...”²⁴. Видимо, космоцентризм был не чужд и авторскому ментальному пространству.

Преимущественно в этническом аспекте антиномия “свое – чужое” реализована у А. П. Чехова в модификации “Россия / Азия – Европа”. Она непреодолима, и авторские симпатии явно на стороне “чужого” пространства. Об этом свидетельствует, к примеру, пейзажная зарисовка в “Рассказе неизвестного человека”, где российская действительность изображена как ущербная противоположность итальянской: “Пахнет морем. Где-то играют на струнах и поют два голоса. Как хорошо! Как не похоже на ту петербургскую ночь, когда шел мокрый снег и так грубо бил по лицу!”²⁵.

Однако, восхищая русского человека, красота европейской жизни не может изменить к лучшему его ментальное пространство, которому свойственна упорная непреодолимость оппозиции “свое – чужое”. В рассказе “Патриот своего отечества” картина окружающего мира, как и воспринимающие ее субъекты, имеет многократно подчеркнутую даже посредством тавтологий и неологизмов этническую принадлежность: “Сквозь листву пахучих лип глядела на них немецкая луна... Маленький кокетливый ветерок нежно теребил российские усы и бороды и вдвух в уши русских толстячков чуднейшие звуки. У подножия горы играла музыка. Немцы праздновали годовщину какого-то немецкого события.

Молитвы не доносились до вершины горы – далеко! Доносилась одна только мелодия... Мелодия меланхолическая, самая разнемецкая, плачущая, тягучая... Слушаешь ее – и сладко ныть хочется...” Надо сказать, красота пейзажа, как и очарование музыки, настолько не оставляют русских равнодушными, что автор описывает их чувства стилистически контрастными словами: “Русские лезли «в дамки» и задумчиво внимали. Оба были в блаженнейшем настроении духа. Шепот лип, кокетливый ветерок, мелодия со своей меланхолией – все это, вместе взятое, развело их русские души”²⁶. Казалось бы, в их внутреннем мире произошли самые благотворные изменения: “И наши русские завели речь о любви, о дружбе... Сладкие мгновения! Кончилось тем, что оба незаметно, бессознательно оставили в покое пешки, подперли свои русские головы кулаками и задумались. Мелодия становилась все слышнее и слышнее... Стали слышны не только трубы и контрабасы, но и скрипки. Петр Фомич умилился. В груди его стало светло, тепло, уютно”. Однако “своя” закосневшая ментальность все равно берет верх над “чужим”, пусть даже самым положительным, влиянием, что приводит к конфликту между интенцией и экспликацией, высотой переживаемого и низостью его привычного выражения: “Петр Фомич протискался сквозь толпу и остановился около стола. Помахав руками, он взобрался на стол. Еще раз помахал руками. Лицо его побагровело. Он покачнулся и закричал коснеющим, пьяным языком: «Ребята! Не... немцев бить!» Счастье его, что немцы не понимают по-русски!”²⁷. Видимо, в авторском ментальном пространстве наблюдаемая абсолютная непреодолимость оппозиции “свое – чужое” в её этническом аспекте, с одной стороны, вызывает осознанное неприятие, с другой – ведёт к осмыслению её причин. В письме Д. В. Григоровичу от 5 февраля 1888 года, размышляя о русских самоубийцах, А. П. Чехов пишет, что это “явление, Европе не знакомое, специфическое. Оно составляет результат страшной борьбы, возможной только в России... Русская жизнь бьет русского человека так, что мокрого места не остается...”²⁸. Побывав в Венеции, писатель делает следующий вывод: “Русскому человеку, бедному и приниженному, здесь, в мире красоты, богатства и свободы не трудно сойти с ума”²⁹. Таким образом возникает проблема дезориентированности человека в окружающем мире.

Российская же действительность зачастую характеризуется как “Азия” или “азиатчина”: “Увидев в 1887 г. Таганрог, он восклицает: «Совсем Азия! Такая кругом Азия, что я просто глазам не верю»”³⁰. Здесь это восклицание касается провинциального образа жизни, но впоследствии А. П. Чехов трактовал его более широко: “В азиатской стране, где нет свободы печати и свободы совести, где правительство и 9/10 общества смотрят на журналиста, как на врага, где живется так тесно и так скверно и мало надежды на лучшие времена...”³¹. В повести “Три года” обычаи и нравы, царящие в амбаре, названы “азиатской политикой”. Герой рассказа “В Москве” о себе говорит: “Я, ничего не знающий и не культурный азиат... А между тем ведь я мог бы учиться и знать все; если бы я совлек с себя азията, то мог бы изучить и полюбить европейскую культуру, торговлю, ремесла, сельское хозяйство, литературу, музыку, живопись, архитектуру, гигиену; я мог бы строить в Москве отличные мостовые, торговать с Китаем и Персией, уменьшить процент смертности, бороться с невежеством, развратом и со всякою мерзостью, которая так мешает нам жить...”³². В связи с этим особенно показательным представляется следующий фрагмент повести “Степь”: “«Наша матушка Расия всему свету га-ла-ва!» – запел вдруг диким голосом Кирюха, поперхнулся и умолк. Степное эхо подхватило его голос, понесло, и, казалось, по степи на тяжелых колесах покатила сама глупость”³³. Таким образом, чеховский космоцентризм возникает, в противоположность толстовскому, не на основе идеи общности всех этносов и форм жизни, а на почве осознания, в первую очередь, ментальных проблем собственной этнической группы.

Итак, к концу XIX века становится очевидным усиление позиций космоцентризма в ментальных пространствах русских писателей, обусловленное, в частности, преодолением оппозиции “свое – чужое” в ее этническом аспекте, являющимся своего рода индикатором как процесса духовных поисков отдельного автора, так и ментальной эволюции русской прозы XIX века в целом.

¹ Араева Л. А., Воронинская Н. Б. Ментальное пространство поэтического цикла Иосифа Бродского “Post aetatem nostram” [электронный ресурс] // Режим доступа: old.lib.sfu-kras.ru/resources.php3?menu1...menu2...13. – Дата визита: 12.10.2006.
² Замятина Н. Ю. Структура представлений о пространстве в разных странах: постановка проблемы [электронный ресурс] // Режим доступа: <http://biblioteca.org.ua/book.php?id=1120001189&p=0>. – Дата визита: 3.11.2006.
³ Замятин Д. Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства. – М.: Автограф, 2004. – 512 с.
⁴ Faconnier G. Mental spaces. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985. – 190 p.
⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 томах. – Л.: Наука, 1997. – Т. 5. – С. 463.
⁶ Пушкин А. С. Указ. изд. – Т. 5. – С. 476.
⁷ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 томах. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. – Т. 2. – С. 111.
⁸ Гоголь Н. В. Указ. изд. – Т. 2. – С. 124.
⁹ Гоголь Н. В. Указ. изд. – Т. 2. – С. 135.
¹⁰ Новикова М. А., Шама И. Н. Символика в художественном тексте. Символика пространства (на материале “Вечеров на хуторе близ Диканьки” Н. В. Гоголя и их английских переводов). – Запорожье, 1996. – 172 с.
¹¹ Гоголь Н. В. Указ. изд. – Т. 2. – С. 71.
¹² Гоголь Н. В. Указ. изд. – Т. 2. – С. 144.
¹³ Гоголь Н. В. Указ. изд. – Т. 1. – С. 98.
¹⁴ Гоголь Н. В. Указ. изд. – Т. 9. – С. 23.
¹⁵ Гоголь Н. В. Указ. изд. – Т. 6. – С. 14.
¹⁶ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 томах. – М.: Художественная литература, 1978. – Т. 3. – С. 13.

¹⁷ Новикова М. А., Шама И. Н. Указ. изд. – С. 21. ¹⁸ Толстой Л. Н. Указ. изд. – Т. 3. – С. 62. ¹⁹ Толстой Л. Н. Указ. изд. – Т. 6. – С. 246. ²⁰ Рыкова Е. К. Пути развития русской литературы в Екатерининскую эпоху: “свое” и “чужое” в литературе и на книжном рынке. – Ульяновск: УлГТУ, 2008. – С. 91. ²¹ Толстой Л. Н. Указ. изд. – Т. 4. – С. 312. ²² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 томах. – Л.: Наука, 1972. – Т. 8. – С. 6. ²³ Достоевский Ф. М. Указ. изд. – Т. 8 – С. 275. ²⁴ Достоевский Ф. М. Указ. изд. – Т. 10. – С. 513. ²⁵ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. – М.: Наука, 1986. – Т. 10. – С. 513. ²⁶ Чехов А. П. Указ. изд. – Т. 2. – С. 66. ²⁷ Чехов А. П. Указ. изд. – Т. 2. – С. 67. ²⁸ Чехов А. П. Указ. изд. – Т. 2. – С. 190. ²⁹ Чехов А. П. Указ. изд. – Т. 20. – С. 226. ³⁰ Горячева М. О. Проблема пространства в художественном мире А. П. Чехова: дис. ... канд. филолог. наук. – М., 1992. – С. 125. ³¹ Горячева М. О. Указ. раб. – С. 143. ³² Чехов А. П. Указ. изд. – Т. 7. – С. 501. ³³ Чехов А. П. Указ. изд. – Т. 7. – С. 78.

Русистика

Вып. 13

Київ – 2013

А. Б. Перзеке (Кировоград)

ПОЭМА “МЕДНЫЙ ВСАДНИК” В КОНТЕКСТЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА О ПЕТРЕ: ДИНАМИКА ВОПЛОЩЕНИЯ АРХЕТИПА “ОТЦА И СЫНА”

В статье рассматривается широко присущий Пушкину архетип “отца и сына” в произведениях, обращённых к Петру, определяется его функциональность, эволюция и своеобразие в вершинном произведении “петровского контекста” – “Медном всаднике”. Отношения Петра и Евгения изучаются в свете негативного проявления исследуемого архетипа как итог пушкинского постижения сущности власти, исторических судеб России и своей судьбы, осмысливается художественная концепция поэмы, её новаторство в литературе.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, “Медный всадник”, Петр I, архетип “отца и сына”.

Стаття розглядає притаманний Пушкіну архетип “батька і сина” у творах, присвячених Петру I, визначає його функціональність, еволюцію і своєрідність у вершинному творі “петровського контексту” – “Мідному вершнику”. Взаємини Петра і Євгенія аналізуються у світлі негативного прояву досліджуваного архетипу як підсумок пушкінського осягнення сутності влади, історичної долі Росії і власної долі, осмислюється художня концепція поеми, її новаторство в літературі.

Ключові слова: О. С. Пушкін, “Мідний вершник”, Петро I, архетип “батька і сина”.

The research paper views the widely characteristic of A. Pushkin “father and son” archetype in the works addressed to Peter the First, defines its functionality, evolution and originality in the “Peter context” top work – “Copper Rider”. Peter-to-Eugene relations are studied in the light of negative display of the archetype under investigation as a result of A. Pushkin’s comprehension of the nature of power, of Russia’s historical fortunes and his own fortune; the artistic conception of the poem as well as its innovation in the literature are interpreted.

Key words: A. S. Pushkin, “Copper Rider”, Peter the First, “father and son” archetype.

1.

Творчество Пушкина буквально пронизано многочисленными сюжетными ипостасями широко распространённой в фольклоре архетипической оппозиции “отцовства и сыновства”, что выступает одним из малоизученных его свойств¹. Это становится видно даже при самом беглом взгляде на произведения поэта разных лет и жанров. В “Повестях Белкина”, например, в поле притяжения подобной семантики оказываются некоторые произведения, где она носит активный характер. Дуня из “Станционного смотрителя” предстаёт “блудной дочерью” безутешного отца, а Алексей Берестов из новеллы “Барышня-крестьянка” готов пойти против деспотической отцовской воли ради любви. Подобный мотив, правда, в значительно более “смягчённой” форме встречается в “Метели” в истории побега Маши из родительского дома.

Продолжая этот ряд, в котором со всей определённой отражается системный характер интереснейшего феномена пушкинского художественного сознания, стоит вспомнить, что идея “Цыган” помимо двух главных персонажей связана и с третьим – мудрым отцом Земфиры, хранителем традиций, а в повести “Дубровский” благородный сын мстит за отца, и здесь же Маша Троекурова готова бежать с ним, бросив вызов своему деспотичному родителю. В неоконченной поэме “Тазит” её герой воспитан старцем в совершенно иной системе ценностей и поведенческих моделей, чем ожидает от него повергнутый в горе отец. Анджело в одноимённой поэме фактически выступает в роли сына-преемника, наделённого Дуком властью и злоупотребившего ею, нарушив его доверие, но милосердно прощённый им. Характерно, что при этом самого правителя Дука поэт называет “Народа своего отец чадолюбивый”².

В “Скупом рыцаре” семантика “отцовства и сыновства” также предстаёт конфликтной, завершаясь здесь смертью отца, лишившего сына доступа к богатству. В “Каменном госте” эта семантика уже в

иной вариации – отцовского покровительства сыну, звучит как мимолётный мотив в устах Дон Гуана применимо к его отношениям с королём. В “Русалке” узнаваемая оппозиция проявляет себя в сюжете о драматичной судьбе дочки мельника и его самого.

Обратившись к пушкинскому сказочному жанру, можно увидеть в “Сказке о царе Салтане” гармонию между отцом и сыном в финале после всех перипетий, а в “Сказке о Золотом петушке” отсутствие гармонии и чувства долга в царской семье, приведшее к гибели и сыновей, и самого отца в результате их подверженности соблазну. Историческая повесть “Капитанская дочка” также содержит в себе отношения “отцовства и сыновства” и по линии Гринёва, и по линии Маши, включая сцену её встречи с императрицей, где узнаваемый архетип в варианте властного отцовского покровительства предстаёт в женской ипостаси.

Семантика “отца и сына” выходила у Пушкина за пределы кровнородственных отношений, распространяя своё влияние на значительно более широкий круг явлений: так, например, Андже́ло не являлся в прямом смысле сыном Дука. Она позволяла изображённым в произведениях поэта ситуациям как фрагментам мира находиться одновременно в двух плоскостях – социальной, исторической и онтологической, создавала в них расширенную общую семантику *социума как семьи*, присущую мифопоэтической картине мира и свойственную мировосприятию поэта. Одновременно эта семантика выступала нравственным критерием различения добра и зла, занимала одно из ведущих мест среди наполняющих творчество поэта сущностных смыслов *Дома и “домашнего” человека, невесты (жены), поисков утраченной возлюбленной, потопа (бури, бурана, метели), Пути, статуи, власти, жизни и смерти* и других. Всё это выступало проявлением свойств универсализма пушкинского сознания и созданной им художественной системы.

Сложилась тенденция видеть у Пушкина три чётко определившихся цикла крупной формы: “Повести Белкина”, “маленькие трагедии” и сказки³. Однако наряду с ними есть все основания особо выделять и так называемую пушкинскую “петриаду” – группу произведений, в центре которой стоит фигура Петра, образующую в творчестве поэта своеобразный контекст. В нём развивается важнейшая для него, неотступно владеющая его мыслями тема власти в России, связанная прежде всего с личностью царя-реформатора, но и не только с ней. Примечательно, что в своих заметках “О народности в литературе” (1825) среди факторов, определяющих “особенную физиономию” каждого народа, поэт называет “образ правления”⁴.

В “петровском контексте”, состоящем из “Стансов” (1826), “Арапа Петра Великого” (1827), “Полтавы” (1828), “Моей родословной” (1830), “Медного всадника” (1833), “Пира Петра Великого” (1836) семантика “отца и сына” достигает особой концентрации, оказываясь в основе всех входящих в него произведений и обретая в каждом из них свои индивидуальные черты. Они складываются в соответствии с тем, о чём поэт каждый раз хотел сказать своим современникам, *среди которых был и Николай I*, посредством очередной художественной версии образа Петра. В осмыслении фигуры царя, в самом генезисе своей государственной деятельности определившего многие стороны дальнейшего развития России, и в том числе лицо её власти, Пушкин проявился и как историк, и как художник-мыслитель, причём одно было неотделимо от другого.

В этом контексте особое место занимает изображение Петра в “Медном всаднике”, который по общему мнению исследователей предстаёт вершиной его художественного постижения Пушкиным, шедевром поэтического искусства, и который можно считать своего рода “энциклопедией русской жизни”, правда, иного плана, нежели роман “Евгений Онегин”.

Это поэма, где по удачному замечанию С. Г. Бочарова, “фасад и внутреннее человеческое пространство, петербургское и человеческое... несоизмеримые величины”⁵, резко выделяется из всего контекста его произведений о царе своей *всеобъемлющей концепцией власти и судеб города-мира*, носящего имя своего создателя и изоморфного России. Художественная концепция подобного масштаба, по силе своей проникновенности в природу явлений и философской глубине сопоставимая с шекспировским мировидением, до “петербургской повести” была неизвестна русской литературе.

О произведениях “петриады” и конкретно о поэме “Медный всадник” написано поистине огромное количество исследовательских страниц, вектор развития пушкинской мысли о царе-реформаторе, изменившем историческую судьбу России, подробно и многопланово изучен. И, тем не менее, за пределами сложившихся в пушкиноведении парадигм с неизбежностью остаётся много нюансов, открывающихся в свете обновлённых подходов.

Рассмотрение “петровского контекста” с позиций воплощения в нём отношений “отцовства и сыновства” расширяет поле его интерпретации, позволяет уловить новые стороны мировидения Пушкина, которые таятся в формах поэтики входящих в него произведений. Отметим, что каждое из них изучалось и само по себе, и в сравнении с другими. Так, например, роман “Арап Петра Великого”

сопоставлялся с “Полтавой”⁶, изображающей апофеоз Петра, которая, в свою очередь, осмыслялась в качестве поэтической предтечи “Медного всадника”, как это находим у Ю. М. Лотмана⁷ и целого ряда учёных.

Вместе с тем, *системное исследование эволюции темы Петра* в движении к “Медному всаднику” как её художественной вершине в сегодняшнем пушкиноведении продолжает оставаться актуальным. Не претендуя на полноту изучения этого пути и его результата, настоящая статья стремится увидеть его под изменённым углом зрения. Одновременно это приводит и к углублению понимания таких извывов собственной судьбы поэта, от которых он в письме к Н. Н. Пушкиной предостерегал своего сына-тёзку: “Не дай Бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями”⁸.

2.

К художественному изображению образа Петра Пушкин обращается только в 1826 году в “Стансах” – первом произведении, стоящем у истоков поэтической пушкинской “петриады”. Оно не случайно было создано в такой исторический момент, когда у художника появляются благие надежды на очередного наследника первого императора – Николая I и на возобладание в жизни России идей просветительства. По мнению С. А. Фомичёва, именно в середине 1820-х годов стали складываться не только исторические, но и этические концепции поэта, которые “зиждились на признании политической целесообразности просвещённого и милосердного самодержавия”⁹.

Стихотворению оказывалось присуще важнейшее свойство, которое затем будет развито поэтом в других произведениях о Петре, и в переосмысленном, трансформированном с годами виде отзовется в “Медном всаднике”. Мотив надежды на славу и добро, связываемых Пушкиным с Петром, выступающим в качестве модели совершенного правителя, *проецировался им на Николая I* в прямом призыве к нему:

*Семейным сходством будь же горд;
Во всём будь пращурю подобен:
Как он, неутомим и твёрд,
И памятью, как он, незлобен* (II, с. 88).

Новый царь как носитель фамильных черт и преемник на троне великого предшественника, осмысляется поэтом в семантическом пространстве *сына*, должного уподобиться достойному *отцу*, наследовать ему в лучших проявлениях. В стихотворении таким образом подспудно торжествует преобразованная “*мысль семейная*”, обретающая в поэтическом видении Пушкина государственный масштаб, а само оно предстаёт своеобразным *побуждающим диалогом* поэта с самодержцем. Отметим, что именно здесь в “петровском контексте” завязывается идея отношений *властного “отцовства и сыновства”* по линии Пётр I – Николай I, которая в своём гармоничном и сюжетно развёрнутом виде предстанет у Пушкина через пять лет за видимыми пределами темы Петра, в “Сказке о царе Салтане” (1831), сигнализируя об устойчивом компоненте художественного сознания своего творца. Стоит добавить, что стихотворение явилось следствием разговора поэта с императором и своим пафосом соотносимо с кругом идейно близких ему произведений¹⁰, находящихся, тем не менее, вне темы Петра, хотя и связанных с новым царём.

У “Стансов” есть ещё одно очень важное свойство, получающее в “петриаде” дальнейшую динамику, которое нуждается в специальном исследовательском внимании. В этом стихотворении выраженной гражданской направленности *государственные проблемы изображены сквозь призму глубоко личного авторского переживания, явленного царственному адресату*. Здесь возникает присущая роду лирики сюжетная ситуация непосредственного авторского присутствия в лирическом пространстве. Государственное дело, благо России предстаёт как кровное дело поэта, болеющего за судьбу отечества. Данная особенность “Стансов”, как будет показано ниже, имеет самое непосредственное отношение к предмету разговора.

Следующее за лирическими “Стансами” в развитии темы Петра эпическое повествование “Арап Петра Великого” содержит в своём сюжете развёрнутые *отношения “отца и сына”*, лежащие в основе взаимодействия образов Ибрагима и царя. В авторском выражении пушкинского произведения они проявляются в виде заботливого, великого отца и уважительного, послушного единомышленника-сына.

Эта *позитивная семантика “отцовства и сыновства”* во взаимодействии двух главных героев исторического романа хорошо ощутима, хотя ни разу не получает прямого словесного обозначения. Пётр неизменно заботится о крестнике во время его пребывания во Франции, встречает на дороге в столицу и заключает в объятия, тепло вспоминает детство арапа, вводит в домашний круг и оставляет ночевать в своём доме, привлекает к важным делам, стремится устроить семейную жизнь Ибрагима. Последний, в свою очередь, провёл детство рядом с Петром и многие годы, пребывая вдали от царя, постоянно ощущал его опеку и писал ему письма. Оставив парижские соблазны, вернувшийся в Россию

и приветливо встреченный государем, Ибрагим в известной мере заключает в себе вариацию семантики *блудного сына*. Здесь арап испытывает обаяние личности и дел царя, включается в нужную ему деятельность: “Он день ото дня более привязывался к государю, лучше постигал его высокую душу. Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная” (V, с. 15).

Логика контекста, в котором оказывался “Арап Петра Великого”, заставляет думать, что помимо чисто исторического интереса к семейному преданию и судьбе своего предка, а также петровской эпохе в целом, о котором пишет Н. Н. Петрунина¹¹, Пушкин в замысле романа преследовал, наряду с этими, прежде всего другие, современные задачи. На это указывает тот факт, что в своём произведении он изменяет ряд реальных обстоятельств биографии Ибрагима и создаёт достаточно условный образ Петра. Главной задачей поэта, как представляется, было изображение *системы отношений с очень важной для него семантикой*: Ибрагим, предок – образованный сподвижник и любимец Петра. “Мысль быть сподвижником великого человека и совокупно с ним действовать на судьбу великого народа возбуждала в нём в первый раз благородное чувство честолюбия” (V, с. 15). Заметим, что здесь несомненно имела художественное продолжение та устремлённость поведения, которую Пушкин ещё в своей записке “О народном образовании”, составленной для Николая I, намечает для “молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою” (VI, с. 32), и на которой лежит явная печать “сыновства” в его государственном изводе.

Ещё С. Н. Карамзина заметила в образе Ибрагима черты самого Пушкина¹², на что обращают внимание некоторые исследователи. В этом явлении, на наш взгляд, нашла своё выражение и дальнейшее продолжение позиция личной заинтересованности поэта в благих государственных делах, прозвучавшая в “Стансах”. В свете её развития в “Арапе Петра Великого” происходит смена внутреннего состава в присущем ему архетипе “отца и сына” по сравнению со стихотворением. Здесь Пушкин, несомненно, тонко создаёт художественную ситуацию своей скрытой причастности к образу “сына” в данной системе отношений с Петром.

Так в “петровском контексте” появляется вторая линия “отцовства и сыновства”, связанная с царём-реформатором и имеющая для поэта глубоко личное звучание. И если идеализированное изображение Петра в его человеческой простоте, “домашним образом”, и одновременно на фоне величия его дел служило в романе Пушкина современной задаче преподать “урок” Николаю I в развитие концепции “Стансов”¹³, то можно предположить, что изображение в нём Петра и Ибрагима с печатью семантики “отца и сына” подспудно *выступало художественной моделью желаемых для поэта его собственных отношений с Николаем I*. Царствующий император в случае обретения им в той или иной степени положительных черт пушкинского литературного мифа о Петре явился бы тогда великим человеком и деятелем, продолжателем на новом этапе необходимых судьбоносных преобразований, служащих укреплению расшатавшейся государственности и снятию для России внутренних угроз. Одновременно это подтвердило бы правоту дела императора, устойчивость и жизнеспособность созданной им цивилизации. И своё место Пушкин видел рядом с таким царём-созидателем, а *наиболее удобным руслом для выражения этой мысли была художественная история его предка со скрытым значением “сыновства” и проекцией на современность*.

Так в творчестве Пушкина в отражение его сложных размышлений о власти, судьбе России и своей собственной судьбе, неотделимой от них, в развитии темы Петра возникала семантика отношений “отца и сына”, спроецированных поэтом, как есть все основания предположить, на себя самого и правящего царя. В этом, с очевидностью, *проявился обострённо личностный фактор в отношениях художника с Николаем I*, желание продолжить с ним побудительный диалог, оказаться востребованным для больших дел, что могло бы послужить благу России – это и было главной целью Пушкина. Он в этот период, несмотря ни на что, *продолжает надеяться на лучшее*, что, судя по всему, и отражается в поэтике текста “Арапа Петра Великого”. И поэтому главным предметом изображения в романе выступает не двуединая, “домашняя” и государственная, сущность Петра, как это видится ряду исследователей, а скорее *на фоне воплощения двуединой сущности Петра – “отцовство и сыновство” между ним и Ибрагимом*, который по воле автора и призван осознать величие этого двуединства. Именно в этом семантическом узле своего исторического произведения Пушкин благодаря ассоциативности создаёт наиболее сильную пульсацию современности.

Подобный угол зрения позволяет назвать ещё одну из возможных причин неоконченности пушкинского романа, пришедшего к современникам в форме салонных чтений и двух опубликованных его автором фрагментов “Ассамблея при Петре I-м” и “Обед у русского боярина”. По распространённому мнению, в “Арапе Петра Великого” поэт ещё не находит необходимого жанрового решения для подобного рода исторического повествования. “Но прозаически соизмерить великое с малым, историческое с домашним, – считает С. Г. Бочаров, – этой задачи роман о Ганнибале, по-видимому, не

мог разрешить”¹⁴. “Образ Петра... не вмещался в прозу, – пишет Н. Н. Петрунина, – он требовал стиха”¹⁵. Л. С. Сидяков допускает, что в отказе Пушкина “от продолжения его первого исторического романа не последнее место занимает... успешная разработка петровской темы в «Полтаве»”¹⁶.

Принимая все эти и другие версии, в дополнение к ним выскажем следующее предположение. На решение Пушкина не продолжать роман в известной степени могло повлиять то обстоятельство, что *самое главное для себя в неоконченном повествовании ему высказать удалось*. Оно заключалось в выражении поэтом своей позиции языком гармоничных отношений “отца и сына” в образах Петра и предка поэта с проекцией на современность, выступало в подобной функции идейно самодостаточным, актуальным на момент создания и, возможно, среди прочих причин, также и поэтому не потребовало продолжения.

В описании Петра в семейном кругу, радушно приветчающим Ибрагима, есть строки, придающие повествованию в этом месте текста тот исторический объём, который непосредственно будет реализован в “Полтаве” (а затем особым образом и в последующей за ней поэме “Медный всадник”): “...никто в ласковом и гостеприимном хозяине не мог бы подозревать героя полтавского, могучего и грозного преобразователя России” (V, с. 14). Героической поэме также присуща оппозиция “отцовства и сыновства”. Она в своеобразии своего предметного выражения характерна для обоих взаимопересекающихся пластов произведения – того, в котором изображена трагическая судьба Марии и предательство Мазепы, и того, в котором прославляется победоносный царь.

Пушкинская сюжетная интерпретация универсальной семантики архетипа применимо к Мазепе позволяет высветить всю глубину его нравственного падения. *Настоящего отца* и защитника своей дочери он предаёт и губит. “...Мазепа – кум Кочубею, то есть человек, крестивший его дочь, – ту самую, кого увлёл своею страстью. Тягчайшее, с точки зрения христианской морали преступление!” – точно обозначает суть происшедшего Г. Г. Красухин¹⁷. Будучи крёстным Марии, гетман по отношению к ней по всем бытующим нормам должен был проявлять “отцовское” поведение. Однако злодей преступает через него, становясь *лжеотцом* и совершая разрушение ролевой святости семейных отношений и кощунство. При этом, будучи подданным Петра и в данном качестве его “сыном”, Мазепа предаёт и венценосного “отца”, разрушая идею семьи и в этом направлении, в результате по сути содеянного представляя в художественной аксиологии Пушкина антигероем.

В одической апологетике образа Петра, средствами которой *царь запечатлён поэтом как бы в профиль, одной стороной его реальной личности*, Пушкин делает преимущественный акцент на первом компоненте оппозиции “отец и сын”. На светлом победителе врагов “России молодой”, с угрозой которых в повествовании связан мотив грозящего ей потопа, хаоса, лежит печать семантики “*отца отечества*”, его создателя и защитника. Отметим, что именно в “Полтаве” впервые в творчестве Пушкина Пётр предстаёт *всадником*, что является этапным моментом на пути художника к “Медному всаднику”, и в финале поэмы в блеске славы “перетекает” в памятник – “Лишь ты воздвиг, герой Полтавы, / Огромный памятник себе” (III, с. 210). “Петербургская повесть” и её центральный интегральный образ, несущий печать уже другой авторской аксиологии, распространяющейся и на семантику “отцовства и сыновства”, вырастают в большой степени из этих строк. На это обратили внимание исследователи. Как пишет Н. Эйдельман, “... последние строки «Полтавы» внешне близки к будущему финалу «Медного всадника»”¹⁸.

Связующая нить от Петра I к Николаю I, первоначально протянутая Пушкиным в “Стансах”, а затем незримо присутствующая в подтексте неоконченного романа, где она находилась в русле многоплановых отношений “отца и сына” в варианте идеи преемственности, оказывалась ощутима и в “Полтаве”. Она, напомним, являлась здесь продолжением пушкинского художественного способа вести побудительный диалог с правящим царём посредством аргумента в лице идеальной модели великого предшественника. Поэма-апофеоз “автоматически” отбрасывала отблеск изображённой в ней славы Петра I на Николая I как на преемника царя-победителя на российском престоле, хотя и находящегося вне сюжетного изображения, но современного его возникновению и ассоциативно достигаемого для его позитивного потенциала.

Г. П. Макогоненко, выражая достаточно распространённые представления, считал, что “в «Полтаве» проявились иллюзии Пушкина в отношении Петра, которые открыто корректировала поэма «Медный всадник»”¹⁹. Однако существующие свидетельства дают основания считать, что, как таковых, *иллюзий* по поводу царя у поэта никогда не было. Впервые в качестве историка Пушкин даёт краткую характеристику Петру, называя его “сильным человеком”, “северным исполином” и отмечая его огромную преобразовательную деятельность, в “Заметках по русской истории” в 1822 году. Говоря о величии царя и даже, по мнению С. Франка, восхищаясь им²⁰, Пушкин одновременно отмечает его деспотизм и презрение к народу – “...впрочем, все состояния, окованные без разбора, были равны перед

его дубинкою. Всё дрожало, всё безмолвно повинвалось”; “Пётр I... презирал человечество, может быть, более чем Наполеон” (VII, с. 274).

В подобной оценке содержалось двойственное отношение к этой судьбоносной для России “отцовской” фигуре: с одной стороны, как носителю положительного державного начала, образцу монарха, масштабу и истинному созидательному величию которого не соответствовали наследники, с другой – как “самовластному государю”, около которого, по определению Пушкина, процветало “всеобщее рабство” (VII, с. 274).

На наш взгляд, стоит говорить *не об иллюзиях и обольщениях* поэта, а о его достаточно рациональной надежде на возобладание идеи просвещённой монархии и совершенствование сфер российской государственности, что связывалось им некоторое время с фигурой Николая I. Отсюда в “Полтаве” и предшествующих произведениях “петровского контекста” торжествует позитивный аспект семантики “отца и сына”, а вместе с ней – “мысли семейной”, распространяемой Пушкиным на власть и государственное устройство и включающей его собственную готовность на сыновнее служение. Поэтому “Медный всадник” не корректировал, а иначе – не исправлял “идейные заблуждения” “Полтавы”, а выступал художественной актуализацией существующей, но до поры “архивированной” стороны пушкинского мировидения в изменившейся ситуации полной утраты поэтом недавних надежд. Кроме того, на пути от “Полтавы” к последней поэме есть “промежуточное” произведение “Моя родословная”, где происходит сдвиг художественной концепции в сторону “петербургской повести”, отразившийся в двойственном варианте воплощённого здесь Пушкиным базового архетипа “петриады”.

В “Моей родословной” (1830) во фрагменте отповеди “Фиглярину” проявляется та же узнаваемая типология “отцовства и сыновства” (правда, в сюжетно неразвёрнутом виде), что и в “Арапе Петра Великого”. При этом Пётр, названный поэтом “шкипер славный”, так же, как и ранее, представлен сквозь призму идеализации и уже непосредственно обозначен в качестве *отца* – “И был отец он Ганнибала”. Важно отметить, что поэт особо подчёркивает принцип этих взаимоотношений, где сын предстаёт “царю наперсник, а не раб” (II, с. 192). Однако здесь есть ещё один очень интересный фрагмент, в котором воплощается история отношений пушкинского рода с властью и мелькает фигура Петра, изображённая уже *без приёма идеализации*, в чём заключался свой скрытый смысл:

С Петром мой пращур не поладил

И был за то повешен им.

Его пример будь нам наукой:

Не любит споров властелин... (II, с. 197–198).

Хотя произведение при жизни поэта напечатано не было, причём по воле “высочайшего цензора”, оно отражало направленность его мыслей и адресовалось, конечно же, современникам. Тема отношений пращуров с властью оказывалась особенно важна для Пушкина, поскольку звучала актуально в свете его отношений с Николаем I, становившихся *всё более и более непростыми*, о чём написано достаточно много пушкинскими биографами. Возможно, поэтому не случайно в одном и том же тексте наряду с характерным для прежних произведений “петровского контекста” позитивом изображения царя *появляются впервые в художественном творчестве великого поэта черты Петра-деспота*.

Если исходить из того, что царь является отцом подданных – своих детей, то в ситуации наказания Петром несговорчивого пушкинского предка можно увидеть проявление всё той же воплощаемой художником мотивной схемы, но только уже с совсем другой семантикой внутренних отношений, прямо противоположной предыдущей: *суровый отец наказывает непокорного сына*. Имея свои аналоги в прошлом, она оказывалась в резонансе с пушкинской современностью, что остро и болезненно ощущал поэт.

К сложившимся в науке о литературе представлениям о воплощении темы Петра в творчестве Пушкина стоит добавить, что системная повторяемость архетипа “отца и сына” в произведениях его “петровского контекста”, выступая *устойчивым фактором авторского сознания поэта*, во многом становится одним из ключей к пониманию “Медного всадника”. Здесь иная, чем была ранее, художественная интерпретация данной семантической структуры в поэтике текста манифестирует важнейшие грани сложнейшей историософской концепции произведения. Именно в “Моей родословной”, где в семейных отношениях “отцовства и сыновства” появляется дисгармония и пропадает идеализация “отца”, заключён текстуально зафиксированный исток трагического конфликта “петербургской повести”.

В этой поэме *Пушкин воплощает в одном тексте космогонию и эсхатологию мира, созданного Петром, его альфу и омегу*, мотивирует событиями прошлого катастрофу в настоящем и “конец времён” в будущем. Именно здесь ярко и полно проявляется такое свойство исторического мышления Пушкина,

о котором очень точно писал Б. Д. Греков: "...далёкое прошлое, настоящее и будущее представлялись ему как нечто единое, непрерывное, одно из другого вытекающее"²¹.

Поэма "Медный всадник" знаменовала собой изменение художником-мыслителем *типа изображения отношений "отцовства и сыновства"* во всеохватном масштабе их действия в российской реальности и заняла совершенно особое место в "петровском контексте". Подчеркнём, что поэт создаёт единственное в своей "петриаде" и в русской литературе произведение, где вместо традиционных побед было показано *поражение царя*, угроза полного разрушения стихией созданного им града (в русле "семейной" семантики – Дома). Здесь нет ни одной безусловно положительной человеческой черты Петра ("отца"), и не остаётся места какой-либо надежде на обновление мира, что выражается уходом из него Евгения ("сына"). Неожиданный аспект проявления "отцовства и сыновства" в этом противостоянии видит Ю. П. Фесенко, отмечая, что "бедный чиновник, представитель порождённой петровскими нововведениями бесправной социальной группы сталкивается со своим... создателем"²².

В поэме картина мира, классическая и гармоничная в предыдущих произведениях "петровского контекста" (с учётом определённой "поправки" в "Моей родословной"), представляла с противоположным знаком, фактически обретая свойства "антимира" с полной аксиологической переакцентировкой.

Причём её обрушение на дистанции от величественного "Петра творенья" до катастрофического пейзажа происходило в рамках одного текста.

В соответствии с этой отличительной чертой "Медного всадника" в нём развивалась не встречающаяся ранее в творчестве Пушкина *негативная сюжетная интерпретация* "отца" государства и народа с его "уздой железной"; города-мира, который роковой для всех его обитателей "отцовской" волей был основан "под морем" и оказывался подвержен ударам стихии. Разительной была и отчуждённость в отношениях "отца и сына", совершенно лишённых идиличности и в этом состоянии выступающих средоточием идеи произведения.

Прежде всего, отметим, что в художественном пространстве "петербургской повести" очень своеобразно "присутствует" Николай I. Благодаря этому получает косвенное выражение инверсия властного варианта "отцовства и сыновства" по линии Пётр – правящий царь, проявившаяся в "Стансах", на чём остановимся подробнее.

Смысловой комплекс власти по своей структуре предстаёт в поэме сложным и многоплановым. Его составляют *Пётр Вступления* – живой и деятельный творец нового мира; *Медный всадник* – в одной из главных своих семантик выступающий инобытием Петра и носителем принципа власти; *фигура "печального" царя – Александра I*, воплощающего в себе бессилие власти. Однако в поэме семантически определяется ещё одна, не появляющаяся в поле непосредственного изображения венценосная фигура, присутствие которой, тем не менее, при определённом угле зрения на поэтику текста "петербургской повести" становится ощутимым в подтексте, знаменательным и важным для её понимания²³.

Дело в том, что рассказ о потопе Пушкиным ведётся как *о прошлом*, в котором "покойный царь со славой правил", из того *авторского настоящего времени*, где уже правит не называемый в поэме (и не отмеченный исследователями) Николай I. Авторская логика выстраивается таким образом, что согласно неё теперь *именно он*, носитель всей полноты власти, стоит перед лицом *неоконченной вражды воды и камня* в российском бытии, доставшейся ему по наследству в "*ослепотопном*" *настоящем*, которое в подобном случае предстаёт как *неоконченное прошлое*. И если Медный всадник в поэме – это одновременно и сущность Петра, и в более широком значении – символическое художественное выражение принципа деспотической власти, то подразумеваемый поэтом Николай I выступает продолжением этой власти *в настоящем*. Так из пушкинской концепции "петербургской повести" уходит прозвучавшая в "Стансах" *идея позитивной царской преемственности*, претворяясь на противоположную в сфере действия архетипа "отца и сына".

Пётр "Медного всадника" в обоих своих воплощениях вместе с идеализацией оказывается лишён и своеобразной *скрытой дидактичности*, которая была в других произведениях пушкинской "петриады" и предназначалась правящему самодержцу. Поэма явно свидетельствует о том, что период ожидания плодотворного, деятельного диалога с правящим царём для Пушкина в тот момент уже завершился, а прошлое в его сознании окончательно сомкнулось с настоящим в замкнутый круг деспотического правления. Поэтому в "Медном всаднике", предназначенном современникам, но обречённому не миновать высочайшего цензора, к чему его творец был готов заранее и из чего исходил, создавая текст поэмы, *по отношению к Николаю I можно увидеть пушкинский "сыновний" вызов "отцу"*.

Художник снял с себя многие ограничения предыдущего периода общения с властью посредством творчества, мудро не выходя, вместе с тем, за рамки возможного. Он фактически говорил не

оправдавшему его надежд на праведное государственное и личное по отношению к нему “отцовство” царю о губительном наследии деспотизма Петра, об иллюзорном блеске державного великолепия, о подавленной в российском государстве человечности, о страшной силе народной стихии, о грядущих катастрофах и слабости власти перед их угрозой, выражая всё это языком событийно-образной системы своего произведения. Поэт ставил правящего монарха, наследника царя-революционера, перед лицом негативных последствий его деяний, осмысляя их здесь глубоко критически, одновременно провидя трагическое грядущее города-государства *и своей собственной судьбы*. Об этом говорило развитие второй линии архетипа “отца и сына” в поэме “Медный всадник” по оси Пётр – “бедный Евгений”, в новаторском образе которого заключались неоднократно отмеченный исследователями глубокий пушкинский автобиографизм и гуманистическая идея ренессансного масштаба.

Благими упованиями на “доставление” себе трудом независимости и чести, возможность построения своего семейного космоса, а затем неутолимимым горем и страданием от утраты, верностью погибшей возлюбленной, прозорливостью о зловещей сущности виновника бед своих и России, праведным, но одновременно “чёрным” бунтом и отказом от него, исходом из “града обречённого”, лежащего во зле, жертвенностью и неотмирностью *герой Пушкина представлял своей человеческой и духовной сутью выше державного “отца”*. За всем этим стояло его горькое разочарование “сына”, обманутого в своих надеждах на наперсничество и идейное служение, вместо этого “отцом” обездоленного и преследуемого. В сфере семантического притяжения интегральной оппозиции “Медного всадника” оказывались *мотивы сиротства и неосуществлённого отцовства*, которые были связаны с самим Евгением, мечтавшим о продолжении рода и обретавшим в этом стремлении *онтологическую значительность*. Попутно заметим, что в современной науке в работах М. Н. Виролайнен²⁴, Г. Г. Красухина²⁵, Н. П. Сыроевой²⁶, Ю. М. Никишова²⁷ и некоторых других имеет развитие тенденция, возможно, берущая свой исток из статьи Андрея Платонова “Пушкин – наш товарищ”, связанная с тем или иным преодолением традиционного причисления Евгения к типу “маленького” человека.

Между тем, диалог поэта и царя со стороны последнего выразился в неприятии ряда принципиальных для Пушкина мест в рукописи, в чём отразилась скорбная для России ситуация внутреннего “семейного” отчуждения, когда “отец” не захотел и не сумел услышать “сына” – истинного патриота своего любимого и неблагополучного отечества. Это стало подтверждением того точного “диагноза”, который Пушкин в своём гениальном, проникновенном произведении поставил российской власти в её длящейся сущности. Подчеркнём, что образ Петра-Медного всадника совершенно лишён семантики света в отличие от конного образа в “Полтаве”, сменившего её здесь на противоположную: “Ужасен он в окрестной мгле!”.

Таким образом, *семантический узел “отцовства и сыновства”* в “Медном всаднике”, который выступает в произведении центральным звеном пушкинской художественной концепции власти, приобретает непримиримо конфликтную направленность, отличаясь этим от предыдущих текстов пушкинской “петриады”. Между “отцом и сыном” нет положительного взаимодействия. “Отец” здесь не желает знать “сына”, а последний терпит крушение в мире “отца” по его вине. И не случайно в краткой генеалогии “нашего героя” Пушкин мягко использует линию своей родословной, связанную с его отцовским родом, пострадавшим от Петра, а не с линией Ганнибала, знаменующей в его “петриаде” мотив наперсничества царю, которое для Пушкина не состоялось.

Если интерпретировать данную в поэме систему расстановки главных персонажей с позиций автобиографического фактора, то именно здесь, по-видимому, отразилось окончательно сложившееся к 1833 году (судя по смыслам “Медного всадника”) *понимание Пушкиным безысходности своих взаимоотношений с властью*, несбыточности надежд на осуществление Николаем I просвещённых начинаний, милосердных поступков, и на свою роль его соратника (наперсника). В поэтике текста это выразилось *в двух ипостасях пушкинского “сыновнего” присутствия*.

Евгения – потомка славного древнего рода, с понятием о чести, невостробованного, униженного, погубленного как бы сменяет единожды упомянутый в поэме “бедный поэт”, поселившийся в его опустевшем “уголке”. Он, согласно стоящей за этой сюжетной деталью логике авторской мысли, в подобном случае становился двойником героя, преемником его судьбы, и наследовал от него особую связь с Медным всадником. Причём по закону аналогий с таким же, только отнесённым в затекстовое будущее, трагическим исходом для себя. Без подобной идеи преемственности эпизодическая фигура поэта и связанный с ней неразвёрнутый сюжетный ход не имели бы смысла. Он подтверждает предположение, что Пушкин в “Медном всаднике” осознанно провидел свою судьбу²⁸.

Своеобразие воплощения *отношений “отца и сына”* в поэтике “петербургской повести” явилось ярким показателем эволюции пушкинских представлений о генезисе власти в “новой России”, и о власти, современной ему и выступающей её логическим продолжением. Власть не желала, да и не могла

что-либо изменить в своей сущности, а также в устройстве государства. Она была обречена править под знаком заложенной Петром и *непрекращающейся вражды* стихийной и государствообразующей силы – воды и камня, губительной для страны и для неё самой. Ещё раз подчеркнём: Медный всадник в поэме – это принцип и символ власти, вбирающий в себя все её конкретные персоналии и выступающий носителем семантики “отца”. В основе его находится личность Петра, волею исторических судеб воплотившаяся в своих грандиозных делах и их последствиях, а затем обретшая охранительное статуарное инобытие. Ничего равного этому образу нет ни в одном другом произведении Пушкина. Ещё и потому, что в “петербургской повести” отныне и навсегда иссякает государственная “петербургская” ода, уступая место катастрофизму²⁹.

Последняя поэма Пушкина, таким образом, заключала в формах своей поэтики *глубину и полноту высокой правды о власти*. В целом в “петриаде” художника-мыслителя, вершиной которой явился “Медный всадник”, оказывалась реализована никогда не терявшая актуальности в отечественной истории поэтическая мысль, высказанная им ещё в 1818 году по другому поводу. Она может служить универсальным выражением пушкинской художественной концепции деспотичного властного “отцовства” в диалектике его восприятия, оставленной поэтом в наследство своим потомкам:

*Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман... (I, с. 207).*

3.

Однако не противоречит ли всё, сказанное выше, тому безусловному обстоятельству, что “...Пушкин в отношении русской политической жизни – убеждённый монархист... Монархизм Пушкина есть глубокое внутреннее убеждение, основанное на историческом и политическом сознании необходимости и полезности монархии в России...”³⁰? Тут стоит сегодня основательно задуматься, перечитать всё, написанное Пушкиным в разные годы о Петре и наследниках его престола, в том числе и как историка, вернуться к ведущим исследовательским парадигмам и попытаться заново определить, с каким духовным грузом окончательного постижения власти он ушёл из жизни. Вспомним, например, что в своём стихотворном комментарии к картине Брюллова “Последний день Помпеи”, созданном уже после “петербургской повести”, он пишет: “Кумиры падают!” (II, с. 237). Это ложные кумиры, не защитившие город-государство и народ от гибели. Также характер сделанных поэтом подготовительных записей с комментариями к задуманному им историческому сочинению о Петре в ряде случаев оказывался таким, что, как отмечает Б. В. Томашевский, уже после гибели Пушкина они давали основание правящему монарху говорить о невозможности издания рукописи “по причине многих неприличных выражений на счёт Петра Великого”³¹.

Вполне возможно, что “Медный всадник” знаменовал для поэта рубеж *определённой внутренней коррекции первоначальных представлений о властном “отцовстве”*. Поэтому трудно принять точку зрения В. К. Кантора, считающего, что “всё художественное творчество поэта есть апофеоз Петровского деяния...”³². Оставляя этот сложный вопрос открытым для будущих решений, стоит остановиться пока на том, что мировидение поэта выходило далеко за пределы политической плоскости бытия на совершенно иной его уровень, заключая в себе диалектику исторического и вневременного.

Продолжим развитие ранее высказанной мысли, о том, что идея монархии в сознании Пушкина была связана с идеей семьи как оптимальной формы нравственного, совершенного общественного устройства жизни, где царь в идеале был заботливым и справедливым “отцом”, а подданные – послушными “детьми”. Этот идеал поэта во многом имел фольклорный исток, будучи связан прежде всего с картиной мира и народной моралью волшебной сказки, близкой своими гармонизирующими свойствами пушкинской душе.

“Для Пушкина начала 1830-х гг. сказка – не только традиционный народно-поэтический сюжет, но, в определённом смысле, своеобразный угол зрения на действительность...”³³. Поэтому в соответствии с ним Пушкин в “петровском контексте” до “Медного всадника” выстраивает по принципу пространства семьи не просто идеальную, назидательную, “учительскую”, но прежде всего, *по сути своей сказочную модель* отношений “отцовства и сыновства”. Заметим, что в подобном аспекте это явление ещё ждёт своего исследования. Здесь, отвлекаясь от текстуальной конкретики, в целом можно увидеть треугольник: идеальный “царь-отец” – предмет изображения; идеальный “царь-сын” (хотя и не везде текстуально проявленный) – адресат изображения, в свою очередь, заключающий в себе роль “отца”; выделяющийся среди других подданных идеальный наперсник-“сын” и он же одновременно субъект изображения с сильнейшим присутствием личностного авторского начала.

Так проявлялась свойственная Пушкину жажда *гармонизации мира*, его конечного устроения по принципу справедливости и добра, присущего пространству сказки с её компенсаторной функцией и этической народной философией. Подчеркнём ещё раз: в основе пушкинской художественной модели

мироздания на всех его уровнях была идея семьи. Недаром в “Арапе Петра Великого” есть сцена, где изображено идеальное семейное устройство Петра, а царь стремится поскорее женить, и подспудно тем самым укоренить своего питомца-“сына”, вписать его в “отцовско-сыновий” круг бытия. И наряду с этим, создавая диапазон действия сил добра и зла, в “Полтаве” поэтом даётся негативный, осуждаемый им пример Мазепы в качестве фигуры нравственного отталкивания, предательство которого в семантическом пространстве архетипа заключалось в эгоистическом посягательстве на устои семьи в её изначальном и государственном воплощениях.

В “петербургской повести” совершается в формах поэтики имеющий известное предварение в “Моей родословной” *резкий мировоззренческий поворот*. Поэма предстаёт, по удачному определению Д. Н. Медриша, “антисказкой”. Учёный считает, что “...смысл «Медного всадника» к противостоянию сказке не сводится, но именно в процессе этого противостояния раскрывается”³⁴.

Для нас важно то, что в “антисказочной” структуре поэмы³⁵ по многим внешним и внутренним для Пушкина причинам отразилось его горькое понимание неосуществимости в пространстве российской государственности какой-либо гармонии, а царящей в нём жесточайшей и всепроникающей дисгармонии, охватывающей широкий семантический спектр “семейных” отношений. Поэтому свойственные “Сказке о царе Салтане” (1831) благополучные “отцовство и сыновство”, супружество, устройство дома в “Медном всаднике” предстают в их незавершенном, неосуществлённом, неподлинном, то есть, нисходящем, деструктивном выражении. Можно вспомнить угасший род Евгения, его бедность и неостребованность на достойное служение как результат отвержения “отцом”, утрату им невесты, а вместе с ней потенциального супружества, отцовства – первичного семейного мира под домашней крышей, а в конечном итоге – *онтологической полноты бытия*. Можно вспомнить и Медного всадника, не сумевшего стать для порождённого им “града” со всеми обитателями подлинным “отцом” и защитником, а напротив – ввергшего его в гибельную катастрофу противостояния “земли и воды”³⁶. Именно он, согласно художественной концепции произведения, явился властной первопричиной дисгармонии пространства российской государственности, доставшегося венценосному адресату поэмы и имеющему в ней косвенное присутствие благодаря ассоциативно возникающей дуге совмещения исторических времён.

В “Медном всаднике” отразился весь колоссальный, трагический масштаб пушкинского разлада с властью и её мирозданием в качестве отвергнутого “наперсника” в деле несостоявшейся “семейной” гармонизации “сверху”. В таком мире для светлого гения, великого сына своего неблагополучного отечества не оказывалось ни достойного его державного “отца”, ни места.

Особо подчеркнём принципиально важный момент, выступающий, на наш взгляд, ключевым для понимания эволюции воплощения Пушкиным темы Петра. Его оценка сильнейшим образом была связана для поэта с возможностью найти общий язык с Николаем I как его преемником на российском троне. В пушкинской реальности судьба цивилизации Петра зависела от выбора правящего царя. Пойди он по пути смятения, совершенствования, гармонизации грандиозного деспотического наследия – выиграло бы не только настоящее и будущее державы, но обрели бы утверждение ценности прошлого и его негативы получили бы оправдание как “болезни роста” и специфические личностные черты властителя, досадные, но не нарушающие общего прогрессивного начала.

Иными словами, речь шла о том, способна ли российская монархическая система к самореформированию, подтверждению жизнеспособности и доказательству своей нравственной легитимности, наличие которых всегда создаёт для подданных массовый стимул гражданского служения и искренней веры в будущее, выступающих признаками здорового социума. И в случае положительного царского выбора, всеми силами души желаемого поэтом, рядом именно с таким царём он видел своё место в качестве деятельного “наперсника”, а не придворного камер-юнкера. Если бы новый монарх продолжил деспотическую линию правления Петра, оставив без изменений созданную им государственную систему, в основании которой лежало насилие, то прошлое, включающее его личные свойства, дела и их последствия, с неизбежностью предстало бы тогда преимущественно как зло.

Такой была альтернатива. Со временем Пушкину стало ясно, что Николай I сделал свой выбор и реальность развивается по второму, худшему варианту. Период ожидания, связанный с надеждой, отразился в “петровском контексте” до “Медного всадника”, пришедшая безысходность – в этой последней пушкинской поэме.

Для полноты картины стоит вспомнить о стихотворении “Пир Петра Великого” (1836). В нём можно увидеть внешнее повторение “довсадниковой” художественной манеры, связанной с идеализацией Петра. Уже после “петербургской повести” он предстаёт здесь великодушным “отцом”, прощающим своих провинившихся подданных, попадающих под семантику “неразумных детей”, в общей доброй и праздничной атмосфере примирившегося “семейства”. Однако такое изображение являлось уже не

поощрением правящего царя-“сына” примером великого предшественника-“отца”, как это было в “Стансах” и “Арапе Петра Великого”, а жёстким укором ему за нежелание проявить милосердие к декабристам. Поэтому “петровский контекст” как смысловое единство в творчестве поэта был связан не только с фигурой Петра, но также в полной мере и с Николаем I, но только с иным форматом его тексто-затекстового “присутствия”. Динамика отношения к нему определяла эволюцию взгляда Пушкина на самодержца-реформатора и связанное с ним прошлое, на судьбу России и свою собственную судьбу.

Так в творчестве поэта возникала мировидческая формула, перешедшая за порог своего века, согласно которой *на оценку власти прошлой влияет состояние власти нынешней*. Под знаком её и как заключительный аккорд её воплощения, как итог мучительного постижения художником-мыслителем пришедшейся на его век исторической реальности в свете вечных ценностей и был создан “Медный всадник”. В нём прозвучала мысль о том, что высшая онтологическая ценность – это семья на любом уровне своего бытийного воплощения, а в ней – гармония извечных отношений “отца и сына”, в своём неискажённом проявлении дающих бессмертие человеческому роду. Эту и другие высокие универсальные истины с их фольклорно-мифологическими и библейскими реминисценциями, которые всегда сложно давались носителям власти, Пушкин выстрадал на собственном опыте, опозитизировал в гениальном тексте и этим навсегда ввёл в российский духовный и художественный обиход. В литературных формах запечатлелась трагедия национальной истории и тернистого земного пути постигшей её поэтической души.

¹ В сферу современных исследований архетипической мотивики в творчестве Пушкина попадает лишь мотив “блудного сына” в “Станционном смотрителе”. См., например: *Шатин Ю. В.* Архетипические мотивы и их трансформация в новой русской литературе // “Вечные” сюжеты в русской литературе. “Блудный сын” и другие: Сб. науч. тр. / СО РАН. Ин-т филологии. – Новосибирск, 1996. – С. 29–41. ² *Пушкин А. С.* Собр. соч.: в десяти томах. – М.: Правда, 1981. – Т. III. – С. 240. При дальнейшем цитировании номер тома римскими цифрами и страницы этого издания будут указаны в тексте. ³ В своё время такой подход предложил *В. С. Непомнящий* в статье: Заметки о сказках Пушкина // Вопросы литературы. – 1972. – № 3. – С. 124. ⁴ А. С. Пушкин-критик / Сост. Е. Н. Лебедев, В. С. Лысенко. – М.: Советская Россия, 1978. – С. 125. ⁵ *Бочаров С. Г.* Петербургский пейзаж: камень, вода, человек // Новый мир. – 2003. – № 10. – С. 138. ⁶ *Сидяков Л. С.* “Арап Петра Великого” и “Полтава” // Пушкин. Исследования и материалы. – Л.: Наука, 1986. – Т. XII. – С. 60–77. ⁷ *Лотман Ю. М.* Пушкин // История всемирной литературы: в девяти томах. Т. 6. – М.: Наука, 1989. – С. 330. ⁸ А. С. Пушкин-критик. Указ. соч. – С. 418. ⁹ *Фомичёв С. А.* Поэзия Пушкина. Творческая эволюция. – Л.: Наука, 1986. – С. 114. ¹⁰ *Фомичёв С. А.* Служенье муз. О лирике Пушкина. – СПб.: Академический проект, 2001. – С. 114. ¹¹ *Петрунина Н. Н.* Проза Пушкина (пути эволюции). – Л.: Наука, 1987. – С. 52. ¹² Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 202. ¹³ *Сидяков Л. С.* Указ. соч. – С. 66. ¹⁴ *Бочаров С. Г.* Поэтика Пушкина. Очерки. – М.: Наука, 1974. – С. 123. ¹⁵ *Петрунина Н. Н.* Указ. соч. – С. 59. ¹⁶ *Сидяков Л. Г.* Указ. соч. – С. 68. ¹⁷ *Красухин Г. Г.* Доверимся Пушкину: Анализ пушкинской поэзии, прозы и драматургии. – М.: Флинта: Наука, 1999. – С. 52. ¹⁸ *Эйдельман Э. Я.* Пушкин. Из биографии и творчества 1826–1837. – М.: Худож. лит., 1987. – С. 312. ¹⁹ *Макогоненко Г. П.* Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833–1836). – Л.: Худож. лит., 1982. – С. 338. ²⁰ *Франк С. Л.* Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике. – М.: Книга, 1990. – С. 401. ²¹ *Греков Б. Д.* Исторические записки // Известия АН СССР. – 1938. – № 2. – С. 114. ²² *Фесенко Ю. П.* История и современность в “Медном всаднике” А. С. Пушкина // Пушкин и Крым: 9-е Крымские Пушкинские Международные чтения (Гурзуф, 18–21 сент. 1999): Материалы: В 2-х кн. – Симферополь: Крымский Архив, 2000. – Кн. 1. – С. 151. ²³ Это присутствие остаётся неотмеченным в большинстве исследований об образе власти в поэме, как, например, в посвящённом этой теме интересном разделе “Стихия и цари в «Медном всаднике»” в книге: *Альциуллер М. Г.* Между двух царей: Пушкин 1824–1836. – СПб.: Академический проект, 2003. – С. 53–65. ²⁴ *Виралайнен М. Н.* “Медный всадник. Петербургская повесть” // Звезда. – 1999. – № 6. – С. 208–219. ²⁵ *Красухин Г. Г.* Указ. соч. – С. 115. ²⁶ *Сысоева Н. П.* “Медный всадник” А. С. Пушкина как новый тип русского национального эпосотворчества XIX века // Третьи международные Измайловские чтения: Материалы: В 2 ч. Ч. I. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. – С. 93–104. ²⁷ *Никишов Ю. М.* Евгений против Петра в поэме Пушкина “Медный всадник” // Болдинские чтения / Под ред. Н. М. Фортунатова. – Нижний Новгород: Изд-во “Вектор-Тис”, 2004. – С. 28–35. ²⁸ Встреча автора с судьбой в “Медном всаднике” отмечается и рассматривается в несколько ином аспекте в кн.: *Фаустов Н. А.* Авторское поведение Пушкина: Очерки. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2000. – 321 с. ²⁹ *Перзек А. Б.* Поэма А. С. Пушкина “Медный всадник” в современном освещении: проблемы художественной концепции и поэтики. Учебное пособие (спецкурс). – Кировоград: Мавик, 2008. – С. 46. ³⁰ *Франк С. Л.* Указ. соч. – С. 417. ³¹ *Томашевский Б. В.* Примечания к “Истории Петра Великого” // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. – Л.: Наука, 1977–1979 гг. – Т. VIII. – С. 360–365. ³² *Кантор В. К.* Петра творенье, или Разгадка России // Вопросы литературы. – 1999. – Вып. 3. – С. 13. ³³ *Фомичёв С. А.* Поэзия Пушкина. Творческая эволюция. – Л.: Наука, 1986. – С. 190. ³⁴ *Медриш Д. Н.* Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. – Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1980. – С. 157. ³⁵ Более позднее рассмотрение сложных связей контекста пушкинских сказок с “Медным всадником” можно найти в кн.: *Новикова М. А.* Пушкинский космос. Языческая и христианская традиции в творчестве Пушкина / РАН ИМЛИ им. А. М. Горького. – М.: Наследие, 1995. – 353 с. ³⁶ “Союз земли и воды – пушкинская основа гармонии имперской культуры”, – пишет *А. И. Ивануцкий* в своей кн.: Русская торжественная поэзия XVIII века и поздний Пушкин: (К вопросу о структуре и развитии русской дворянской модели мира Нового Времени). – М.: Сигналь, 1999. – С. 38. Подобранный подход находится в русле присущей Пушкину концепции мира как семьи с гармонией и дисгармонией в ней отношений “отца и сына”.

Ф. М. Штейнбук (Ялта)

**ОСОБЕННОСТИ ТЕЛЕСНОЙ ТОПОСФЕРЫ ОДЕССЫ:
СЛУЧАЙ И. БАБЕЛЯ**

В статье предложено новое прочтение образа Одессы в произведениях И. Бабеля. Основу такого прочтения составляет идея о топосфере “города у моря”, возникающей вследствие корреляции топологии телесности, продуктивно инкорпорирующей аффицированный мир человека, и габитуса, обусловленного уникальным синтезом культур, который характеризует топос Одессы.

Ключевые слова: топология, телесная топосфера, топос Одессы, габитус, аффект.

У статті запропоновано нове прочитання образу Одеси у творах І. Бабеля. Основу такого прочитання становить ідея щодо топосфери “міста біля моря”, яка виникає внаслідок кореляції топології тілесності, що продуктивно інкорпорує афектований світ людини, і габітусу, зумовленого унікальним синтезом культур, який характеризує топос Одеси.

Ключові слова: топологія, тілесна топосфера, топос Одеси, габітус, афект.

The author of the article suggests a new reading of the image of Odessa in novels by I. Babel. The basis for such reading is the idea of the toposphere “Cities by the Sea”, appearing as the result of the topology of corporeality correlation and incorporating the affected world of the man, and the habit, conditioned by the unique synthesis of cultures, which characterizes the topos of Odessa.

Key words: topology, corporal toposphere, the topos of Odessa, habit, affect.

Сложно не согласиться с Э. Эдиным, который не без остроумия заметил, мол, “писать об Одессе после того, что о ней уже написано, всё равно, что сыпать сахар в банку с вареньем”¹. Поэтому попробуем подойти к Одессе с какой-то иной стороны, например, через Баб-эль, что, как известно, в переводе с древнееврейского означает “Врата Бога”².

Впрочем, сделать нечто подобное тоже будет не так-то просто, поскольку и творчество И. Бабеля в данном контексте, безусловно, представляет собой довольно разработанную, чтобы не сказать – заезженную, тему, апогеем чего можно считать тезис, сформулированный Г. Фрейдиным. В частности, по мнению этого автора, “как когда-то Петербург врезался в сознание молодого Достоевского и определил морфологию его воображения, а вместе с этим и образ России в интеллигентском сознании, так и Одесса оформила художественное зрение Исаака Бабеля, а его творчество ввело «Одессу» в оборот мифологий русской советской культуры”³.

Вместе с тем бросается в глаза тот факт, что большинство работ, посвящённых творчеству И. Бабеля, в основном, за редким исключением⁴, нацелены не на анализ поэтики текстов писателя, творившего эту мифологию, а на морально-этические и социально-идеологические смыслы книг писателя, в которых, как полагает Н. Лейдерман, “...мир этот и герои [И. Бабеля] обрекли себя на такой [трагический] конец самим образом своей жизни. Кодекс антиморали, кодекс беззастенчивого глумления над вековыми устоями духа народа, которому они следовали с таким шикарным цинизмом, не мог не привести к саморазрушению”⁵.

Разумеется, предложенную этим уважаемым учёным и вполне обоснованную им интерпретацию трудно опровергнуть. Но проблема заключается в том, что вряд ли даже сам И. Бабель, публицистически провозглашавший иные эстетические приоритеты (см. его очерк “Одесса”) и практически реализовавший эти художественные интенции в своём творчестве, согласился бы с узко-моральной и ограниченно-идеологической трактовкой своих новелл. Впрочем, дело, безусловно, не в гипотетической позиции писателя – для нас тоже абсолютно неприемлем подобный подход потому, что нам, в отличие от Н. Лейдермана, представляются всё же интересными “...те современные исследователи «Одесских рассказов», которые в изошренном анализе «сложной цепочки символических подмен» уходят очень далеко от горького, трагического смысла бабелевских новелл”⁶, поскольку для этого у нас имеется достаточно веское основание в виде единственной защищённой за годы независимости Украины диссертации на тему “Жанровое своеобразие и внутреннее единство «Конармии» И. Э. Бабеля”⁷.

Иначе говоря, помимо морально-этического содержания, легко извлекаемого, в том числе, и из текстов И. Бабеля, в последних, тем не менее, доминируют не они, и если эстетическое начало в “Конармии” преобладает по необходимости: в связи с сознательным стремлением преодолеть тогдашние политико-идеологические рамки и встать, по крайней мере, в эстетическом плане, как тогда говорилось, “над схваткой”, то ничего подобного нельзя сказать именно об “одесских рассказах” в частности и в

целом, ибо их тематика отнюдь не противоречила ни незыблемым колебаниям “генеральной линии партии”, ни представлениям Будённого и К^о о том, как следует изображать “рыцарей Молдаванки”.

Более того, “...если бы евреи жили в Швейцарии, где их окружали бы первоклассные озера, гористый воздух и сплошные французы”⁸, то и И. Бабель в этом случае писал бы, вероятно, о “первоклассных озерах, гористом воздухе и сплошных французах”. Но художник жил в России, да ещё и во времена целой череды “великих переломов”, а, следовательно, ему, провозгласившему пришествие “литературного мессии” “...из солнечных степей, обтекаемых морем”⁹, и одновременно апеллировавшему к Г. де Мопассану, который, “...может быть, ничего не знает, а может быть – всё знает...”¹⁰, хоть и чрезвычайно сложно было обойти своим вниманием злободневную проблематику, но и морально-идеологические устремления, скорее всего, не представляли для него какой-то исключительный интерес.

По крайней мере, мы склонны согласиться с мнением П. Бурдьё, который полагал, что “субъективное отношение писателя <...> к пространству возможного в очень сильной степени зависит от возможностей, которые ему в данный момент положены «по статусу», а также от его габитуса, первоначально сложившегося внутри некой позиции, которая сама даёт право на определенные возможности”¹¹.

Ниже мы ещё вернёмся к понятию “габитус”, а пока лишь заметим, что в конце концов тогдашние критики И. Бабеля в чём-то оказались прозорливее нынешних адептов высокого морального облика писателя, так как именно недостаток идеологически рафинированной идеализации соответствующих тем и персонажей, прежде всего, и ставили ему в вину. Вот, например, первые абзацы рассказа “Король”, открывающего одесский цикл и посвящённого, собственно, описанию свадьбы сестры Бени Крика – сорокалетней Двойры Крик, “...изуродованн[ой] болезнью, с разросшимся зобом и вылезавшими из орбит глазами...”, и “...щупл[ого] мальчик[а], купленн[ого] на деньги Эйхбаума и онемевш[его] от тоски”¹².

Итак, после венчания “...раввин <...> вышел из комнаты и увидел столы <...> Перекрытые бархатом столы вились по двору, как змеи...”, а “квартиры были превращены в кухни”, и “сквозь закопченные двери било тучное пламя, пьяное и пухлое пламя. В его дымных лучах пеклись старушечьи лица, бабьи тряские подбородки, замусоленные груди. Пот, розовый, как кровь, розовый, как пена бешеной собаки, обтекал эти груди разросшегося, сладко воняющего человеческого мяса”¹³.

Нам трудно представить, как это “пиршество плоти” может быть написано в какую бы то ни было идеологию или мораль. Но если эти воистину раблезианские страсти считать фоном, а основным содержанием – истории о том, как Бенья стал зятем Эйхбаума и, кроме этого, проучил, будто бы играючи, нового “пристава – ту самую метлу, что чисто метёт...”¹⁴, то, разумеется, тогда очевидными окажутся и пресловутая “романтизация бандитизма”, и “беззастенчивое глумление над вековыми устоями духа народа”.

Нам же представляется, что в художественной действительности И. Бабеля всё обстоит наоборот – то, что мнится фоном, составляет не что иное, как первооснову, которая и продуцирует дискурс, наличествующий в себе не только словесную ткань, но и адекватные этой эстетической материи образы и истории. Иными словами, речь идёт не только и не столько об оригинальной стилистике бабелевских текстов, чему не без основания посвящён целый ряд соответствующих исследований¹⁵, сколько о топосе телесности, выразительно и откровенно доминирующем в произведениях И. Бабеля.

При этом топос понимается нами амбивалентно: и как место, коррелирующее с географическим топонимом под названием “Одесса”, и как, главным образом, “твердое клише или схема мысли и выражения”, по Э. Курциусу¹⁶, или как “мысль-место”, по В. Савчуку¹⁷. В последнем случае целесообразным кажется нам и упоминание о топологической рефлексии, которую российский автор рассматривает достаточно широко, полагая, что “...рефлексия подлинного художника” топологична по определению и что подобная рефлексия – “это соотнесение взгляда с мыслью и ответом собственного тела с его эстетическим опытом”¹⁸.

В очерченной перспективе тексты И. Бабеля вырастают из топоса, тотально детерминированного телесностью и одновременно созидающего, как образы одесских персонажей, так и образ Одессы в целом. Во всяком случае если прибегнуть к рассмотрению топоса телесности, опираясь на принципы телесно-миметического метода анализа художественных произведений¹⁹, то метафорика соответствующего дискурса, сохраняя нарративные смыслы повествуемых историй и событий, в то же время предстанет в своём глубинном и, вероятно, более истинном свете.

Так, какой бы текст И. Бабеля ни взять в аналитическое внимание, в каждом из них обнаружится искомая топология – то тогда, когда мы узнаём, “об чём думает такой папаша”, как Мендель Крик, а “он думает, об выпить хорошую стопку водки, об дать кому-нибудь по морде, об своих конях – и ничего

больше”²⁰. То – тогда, когда “...несчастье шлялось под окнами, как нищий на заре”²¹, а “автомобиль гремел колёсами, плевался дымом, сиял медью, вонял бензином и играл арии на своём сигнальном рожке”²². Или – тогда, когда “вечер шатался мимо лавочки, сияющий глаз заката падал в море за Пересыпью...”²³, а мы вместе с Баськой из Тульчина получаем возможность увидеть “жизнь Молдаванки, щедрой нашей матери, – жизнь, набитую сосущими младенцами, сохнувшим тряпьем и брачными ночами, полными пригородного шика и солдатской неутомимости”²⁴.

Или же – тогда, когда “солнце свисало с неба, как розовый язык жаждущей собаки...”²⁵, а Любка Шнейвейс, по прозвищу Любка Казак, видела во сне “...сына и луну, ломившуюся к ней в окно...” и прыгавшую “...в чёрных тучах, как заблудившийся телёнок”²⁶.

Или, наконец, – тогда, когда Цудечкис после разговора с Бней Криком “...пустился идти по Госпитальной, завернул на Степовую, потом остановился, чтобы рассмотреть Бенины слова <...> попробовал их на ошупь и на вес <...> подержал их между <...> передними зубами и увидел, что это совсем не те слова, которые [ему] нужны”²⁷.

Таким образом, каждый текст И. Бабея, процитированный выше, а также и все те тексты, которые остались вне нашего внимания, содержат в себе очевидный топос телесности, разворачивающийся в рамках определённого габитуса – понятия, введённого в своё время в научный обиход французским философом и социологом П. Бурдьё и определяемого последним как “история, «ставшая природой», и тем самым отрицаемая в качестве таковой”, поскольку “диспозиции, составляющие габитус, по большей части неосознанны”.

Примечательно, что “это бессознательное есть память, которую производит *сама история* (курс. авт. – Н. Ш.), воспроизводя социальные отношения в псевдоприродах, каковыми и являются габитусы – габитус “...является бессознательным в том смысле, что его генезис включает в себя амнезию этого генезиса. Габитус является бессознательным и в том смысле, что вне сознания оказываются инкорпорированные ценности, ставшие телом...”²⁸.

В этой связи можно говорить о том, что чрезвычайно сложные культурные и социальные взаимодействия и взаимовлияния составили габитус, в рамках которого топос телесности приобрёл неповторимый, с одной стороны, бабелевский, а с другой – одесский колорит, ибо, как справедливо заметил М. Гринберг, “в «сакральный» литературный проект Бабея вмешались, с одной стороны, русская политика, а с другой – евреи”. Но, добавляет этот автор, “евреи не Черты Оседлости, а созданной им Одессы. Она – его Палестина, а он – Мессия, порождённый ею, дабы воскресить русскую литературу...”²⁹.

И в этом пункте мы вновь возвращаемся к “Вратам Бога”, так как это словосочетание является метафорическим эквивалентом, собственно, слова “мессия” – с той лишь разницей, что мессия, кроме всего прочего, “символизирует собой конец безостановочных превращений, конец времён и обнаружение истинного облика вещей и сущностей” постольку, поскольку “мессианистический мимесис связан с идеей мгновенной остановки, вспышки откровения, данной в некоем неподвижном видении. В. Беньямин говорит в связи с этим о «мессианской остановке происходящего», и, по его мнению, «такая вспышка-остановка и вызывает ощущение сходства, производит миметические подобию», из чего М. Тауссиг заключает, что «мессианский знак является знаком миметического» как такового”³⁰.

Следовательно, если воспользоваться афористичной формулировкой М. Гринберга, то “Евангелие от Исаака [представляет собой] клубок святости и эстетики с энергией жизни, земли, и телесностью”³¹, замешанной к тому же на какой-то натуралистической разновидности реализма”³².

Однако оказывается, что ни натурализм, ни даже реализм не противоречат предложенным выше теоретическим постулатам, касающимся проблематики габитуса и топологии телесности, потому что в текстах И. Бабея напрочь отсутствует математическая или, если угодно, рациональная логика – её целиком и полностью заменяет логика чувств, эмоций, страстей³³ – логика аффекта, в конце концов.

Но если так, то это может означать, что поэтика произведений И. Бабея в целом и топология телесности, а также связанная с ней топосфера Одессы в частности требуют несколько отличных – даже от постструктуралистских и постмодернистских – методов и подходов.

Так, один из них мы склонны усматривать в описанном М. Ямпольским отказе Ж. Делёза от идеи репрезентативности в пользу идеи экспрессивности и проблематики аффекта, ибо аффект не репрезентативен, но именно он “позволяет пережить возникновение так, как некая идея воздействует на тело и ум человека”. “Аффект, – продолжает далее М. Ямпольский, – выражает само состояние системы и в этом смысле отражает функционирование нерепрезентативных коннективных сетей, в которых репрезентация заменена динамикой самой системы”³⁴. В свою очередь, Ж. Делёз и Ф. Гваттари вообще полагали, что “задача искусства – средствами своего материала <...> вырвать аффект из переживаний как перехода от одного состояния к другому. Извлечь блок ощущений, чистое существо-ощущение”³⁵,

из чего М. Ямпольский заключает, что подобное “понимание искусства, конечно [же], прямо противоположно семиотическому”³⁶.

Не менее интересным “свидетельством актуализации проблематики аффекта, – как считает М. Ямпольский, – может послужить [и] поразительный успех книг американского нейропсихолога Антонио Дамазо, посвященных эмоциям <...> Эмоция для Дамазо – это, по существу, дистрибутированная репрезентация состояния тела, подверженного воздействию <...> [Но] помимо дистрибутивной репрезентации объекта, эмоция по-своему презентует и тело человека, и, как считает Дамазо, эта презентация и есть зародыш человеческого «я»”³⁷.

Художественная экзальтированность не только многих героев И. Бабеля, но и большинства его текстов лежит на поверхности. И хотя нельзя сказать, что дискурсивный комплекс этих произведений не подлежит семиотическому декодированию, их существенная часть всё же остаётся за пределами традиционных аналитических практик, или, точнее, такое декодирование не способно исчерпать смыслы, содержащиеся в новеллах И. Бабеля.

Например, если “слова короля”, что “каменной глыбой легли на том пути, по которому рыскал голод, умноженный на девять голов”³⁸, трактовать с точки зрения образно-символического значения, то, кроме метафоры, соединённой с олицетворением и усиленной гиперболой, мы вряд ли обнаружим в этом художественном нагромождении что-то большее, нежели некие эстетические “красивости” и “излишества”. Но если рассматривать этот отрывок в контексте теории аффекта, то тогда станет очевидным, что перед нами – порождённое неопределенностью и не выразимое никакими обычными словами отчаяние, в котором, тем не менее, содержится толика надежды, ибо для беспроектной трагедии такая метафорическая насыщенность была бы, безусловно, избыточной.

Следовательно, расширяя сформулированный выше вывод на остальные произведения И. Бабеля, в которых присутствует топос Одессы, можно заключить, что телесная топосфера этих текстов продуцируется главным образом в результате симбиоза энергий таких аффектов, как отчаяние и надежда, страсть и любовь, честь и тоска, равнодушие и радость и проч. При этом следует учитывать, что “теория аффекта первоначально прилага[е]тся <...> к способности человека быть аффектированным миром, но постепенно освобожд[е]тся от всякого субъективизма <...> от субъекта как традиционного посредника наших отношений с миром” и в результате утверждает “радикальный реализм (курс. авт. – М. Я.)”³⁹.

К этому остаётся только добавить, что “радикальный реализм” в нашем представлении как нельзя лучше описывает топологию телесности, особенно если 1) эта топология определяется габитусом, мотивированным сложнейшим переплетением социальных, национальных, религиозных и языковых коллизий и отношений и инкорпорирующим сумму всех этих “отношений в теле агента”⁴⁰, пропущенных, к тому же, через “Врата Бога” и запечатлённых в своём якобы истинном облике посредством мессианистического мимесиса, и если 2) эта топология коррелирует с топосом города, то есть с топосом Одессы, – с топосом, в котором очерченный габитус находит своё полное, непосредственное и адекватное воплощение, освящённое присутствием и творческими интенциями “литературн[ого] месси[и], которого ждут столь долго и столь бесплодно...”⁴¹.

¹ Эдин Э. Асседо (Литературный пейзаж) [Электронный ресурс] // Слово \ Word. – 2005. – № 47. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/slovo/2005/47/assed3.html>. ² Жолковский А. К., Ямпольский М. Б. Бабель / Babel. – М.: Cart Blanche, 1994. – С. 89. См. об этом также: Фрезер Д. Фольклор в Ветхом Завете. – М.: Политиздат, 1989. – С. 173. ³ Фрейдиг Г. Форма содержания: Одесса – мама Исаака Бабеля [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 4 (78). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/4/fr26.html>. ⁴ См., например: Жолковский А. К., Ямпольский М. Б. Бабель / Babel. – М.: Cart Blanche, 1994. – 446 с. ⁵ Лейдерман Н. Романтика изгоев, или Идеалы наизнанку [Электронный ресурс] // Урал. – 2004. – № 11. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/ural/2004/11/lei20.html>. ⁶ Там же. ⁷ См.: Штейнбук Ф. М. Жанрова своєрідність та внутрішня єдність “Кінармії” І. Е. Бабеля: дис. ... канд. філол. наук: 10.01.02 / Штейнбук Фелікс Маратович. – Ялта, 2002. – 210 с. ⁸ Бабель И. Э. Одесские рассказы: Рассказы. Пьесы. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 640 с. – (Серия “Русская классика. XX век”). – С. 20. ⁹ Там же. – С. 21. ¹⁰ Там же. – С. 20. ¹¹ Бурдье П. Поле литературы [Электронный ресурс]. – Новое литературное обозрение. – 2000. – № 45. – Режим доступа: <http://novruslit.ru/library/?p=64>. ¹² Бабель И. Э. Одесские рассказы: Рассказы. Пьесы. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 12. ¹³ Там же. – С. 8. ¹⁴ Там же. – С. 13. ¹⁵ См., например: Подобрый А. В. Традиции сказового повествования и сказа-жанра в новеллах “Конармии” И. Бабеля: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09 / Подобрый Анна Витальевна. – Челябинск, 1999. – 211 с.; Тарасова В. В. Стиль Исаака Бабеля (“Конармия”): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Тарасова Вера Владимировна. – Екатеринбург, 1999. – 203 с.; Язык и стиль произведений И. Э. Бабеля, Ю. К. Олеси, И. А. Ильфа и Е. П. Петрова: [сб. науч. тр. / редкол.: Ю. А. Карпенко (отв. ред.) и др.]. – К.: УМКВО, 1991. – 233 с. и др. ¹⁶ Цит. по: Теоретическая поэтика: понятия и определения. Хрестоматия для студентов филологических факультетов [Электронный ресурс] / [автор-составитель Н. Д. Тамарченко]. – М.: РГГУ, 1999. – 286 с. – Режим доступа: <http://www.infoliolib.info/philol/tamarchenko/hr10.html>. ¹⁷ Савчук В. В. Топологическая рефлексия. – М.: “Канон+” РООИ “Реабилитация”, 2012. – С. 146. ¹⁸ Савчук В. Конверсия искусства. – СПб.: Петрополис, 2001. – С. 158. ¹⁹ См. об этом: Штейнбук Ф. М. Тілесність – мімесис – аналіз (Тілесно-міметичний метод аналізу художніх творів): [монографія]. – К.: Знання України, 2009. – 215 с. ²⁰ Бабель И. Э. Одесские рассказы: Рассказы. Пьесы. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 15. ²¹ Там же. –

С. 18. ²² Там же. – С. 19. ²³ Там же. – С. 25. ²⁴ Там же. – С. 26. ²⁵ Там же. – С. 34. ²⁶ Там же. – С. 38. ²⁷ Там же. – С. 98–99.

²⁸ Цит. по: Шматко Н. А. Введение в социоанализ Пьера Бурдьё // Бурдьё П. Социология политики: [пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко]. – М.: Socio-Logos, 1993. – С. 14. См. также: Bourdieu P. Esquisse d'une théorie de la pratique, précédée de trois études d'ethnologie kabyle. – Genève: Ed. de Droz, 1971. – P. 204. ²⁹ Гринберг М. В “другом измерении”: Горенштейн и Бабель [Электронный ресурс] // Слово \ Word. – 2005. – № 45. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/slovo/2005/45/gr10.html>.

³⁰ Жолковский А. К., Ямпольский М. Б. Бабель / Babel. – М.: Cart Blanche, 1994. – С. 207. ³¹ Гринберг М. В “другом измерении”: Горенштейн и Бабель [Электронный ресурс] // Слово \ Word. – 2005. – № 45. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/slovo/2005/45/gr10.html>.

³² См. об этом, например: Поварцов С. Подготовительные материалы для жизнеописания Бабеля Исаака Эммануиловича [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. – 2001. – № 2. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2001/2/povar.html>.

³³ См. об этом, например: Гандлевский С. Гибель с музыкой (О Бабеле) [Электронный ресурс] // Знамя. – 2009. – № 9. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/9/ga15.html>.

³⁴ Ямпольский М. Без большой теории? – Новое литературное обозрение. – 2011. – № 110. – С. 70. ³⁵ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Академический проект, 2009. – С. 193. ³⁶ Ямпольский М. Указ. раб. – С. 70. ³⁷ Там же. – С. 71.

³⁸ Бабель И. Э. Одесские рассказы: Рассказы. Пьесы. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 99. ³⁹ Ямпольский М. Указ. раб. – С. 73.

⁴⁰ Шматко Н. А. “Габитус” в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – № 2. – С. 65. ⁴¹ Бабель И. Э. Одесские рассказы: Рассказы. Пьесы. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 73.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. ИНФОРМАЦИЯ

В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич, О. И. Трофимкина.
Толковый словарь библейских выражений и слов
(Москва, изд-ва “АСТ” и “Астрель”, 2010 г., 640 с.)

Сегодняшнее состояние словарной русистики дает веские основания заявить о становлении нового направления, которому более всего соответствует название “библеография”, подчеркивающее сопряженность с Книгой Книг (а не просто с книгами, как в слове “библиография”), настолько велико, многообразно и разновекторно лексикографическое описание всевозможных речеобразований, так или иначе связанных с Библией. Они закономерно объединяются общим, эксплицирующим эту связь наименованием библеизмы, к которым относятся собственные имена, встречающиеся в Ветхом и Новом Заветах и теперь, покинув их пределы, используемые носителями русского языка в функции нарицательных, в образно-символическом значении; как весьма развернутые, так и крайне лапидарные цитаты из священных для христиан текстов; а также восходящие к ним пословицы, крылатые выражения, фразеологизмы и отдельные, исполненные сакрального смысла слова. В зависимости от целей, концептуальных подходов и личных приверженностей составителей все перечисленные группы библеизмов, либо одна из них, либо несколько в той или иной комбинации собраны и в большинстве случаев прокомментированы в специальных словарях, общее количество которых уже превысило два десятка, даже если учитывать только традиционные печатные книжные и журнальные версии, оставив в стороне многочисленные интернет-издания. Приблизительно половина – это переводные русско-иноязычные и / или иноязычно-русские словари библеизмов, охватывающие самые распространенные в мире романо-германские языки, а также армянский и эсперанто. Моно- и полиязычные (от двух до пяти языков) словари существенно отличаются по своему назначению и характеру исполнения: создатели одних преследуют исключительно просветительские или узкие научно-методические цели – отсюда, соответственно, особая, с развлекательными моментами, манера изложения и небольшой по объему словник; создатели других пытаются показать масштабную картину проникновения библейского начала в русскую лингвокультуру, как, например, в недавно вышедшей в печать красочно иллюстрированной книге, жанр которой определен как энциклопедический, что говорит само за себя¹.

При таком лексикографическом изобилии нелегко найти непроторенную стезю инициаторам новых изданий. С задачей, однако, успешно справились В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич и О. И. Трофимкина, подготовившие “Толковый словарь библейских выражений и слов” (далее – ТСБ), который является, безусловно, важным, более того, этапным в своем направлении по нескольким параметрам.

Этот успех ожидаем читателем, знакомым с теоретическими трудами всех трех авторов, давно и плодотворно работающих с библейским материалом в разных сферах: в историко-этимологической – при разыскании или уточнении источника и путей проникновения в русский общелитературный язык и закрепления в нем конкретных оборотов; в стилистической – при анализе особенностей функционирования слов, устойчивых словосочетаний, фраз, а также при изучении преобразовательного потенциала неоднословных образований, восходящих к Священному Писанию; в лингвокультурологической – при исследовании национальных и интернациональных черт библеизмов русского языка в сравнении с аналогами в других, прежде всего славянских, языках и пр. (см. далеко не полный перечень их работ в ТСБ, с. 633–637). Известен и высоко оценен научным сообществом также и практический опыт, накопленный В. М. Мокиенко как одним из составителей “Большого словаря крылатых слов русского языка” (2000 г.), насчитывающего более 400 библеизмов, причем этот корпус во втором издании, вышедшем в двух томах под названием “Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка” (2008–2009 гг.), по словам редактора и соавтора С. Г. Шулежковой, был значительно расширен именно благодаря усилиям В. М. Мокиенко. Им же совместно с Х. Вальтером был подготовлен и опубликован специальный, непосредственно отражающий интересующую нас группу языковых единиц немецко-русский словарь библейской фразеологии с историко-этимологическими комментариями, в котором, в частности, была предложена, как уже подчеркивалось², оригинальная, содержательно насыщенная, теоретически и прагматически важная – особенно в свете ныне активно ведущихся учеными поисков форм представления во фразеографии лингвокультурологической информации – структура словарной статьи.

Многолетние теоретико-практические усилия трех ученых-единомышленников Г. А. Лилич, В. М. Мокиенко и О. И. Трофимкиной увенчались разработкой собственной концепции лексикографического описания библейских выражений и слов, стройной и апробированной. Ее положения разъяснены в предисловии и реализованы в основной части рецензируемого толкового словаря.

Книга открывается наблюдениями над бытованием библеизмов в русской среде в проекции на широкий европейский контекст. И это не случайно: в последнее время в литературе распространено мнение о губительном воздействии воинствующего атеизма, господствовавшего в советскую эпоху, на витальность слов и оборотов, восходящих к Ветхому и Новому Заветам. Типично в данном отношении высказывание о драматичной судьбе библейской фразеологии русского языка в то время и определенном возрождении употребительности оборотов из Священного Писания в настоящем³. Возражая против резкого противопоставления ситуации “до того” и “после того”, авторы ТСБ справедливо подчеркивают: “В самой языковой системе всегда находятся внутренние силы, препятствующие автоматическому переключению регистров при очередной смене политических вех. Именно крылатые слова и выражения, к которым относятся библеизмы, стали такими «аккумуляторами» традиционной религиозной и книжной культуры и потому сохранялись в русском языке довольно прочно, несмотря на антирелигиозные «указания сверху» и гонения на веру и верующих” (с. 3). И далее заключают: “Наблюдения за современным употреблением и мутациями библеизмов в тексте позволяют проследить динамику этого древнего культурного интернационального пласта в нашем языке, сопоставить их с аналогичными процессами в других европейских языках. Ведь русская языковая система здесь отнюдь не исключение, через какие бы идеологические огни, воды и иерихонские трубы ее ни пропускали” (с. 8. Выделено – Л. Д.).

От себя добавлю, что нередко превратное представление о прерывистости обращения библеизмов в русской речи складывается в результате изучения вторичных источников. Анализ корпуса в словарях разных типов позволяет составителям очередного свода библеизмов аргументировать актуальность своего лексикографического предприятия невниманием предшественников советской поры к этим своеобразным единицам и естественным при таких обстоятельствах отсутствием необходимого справочного материала. Последнее, однако, верно и без акцентирования времени создания определенного словаря. В первом русском сборнике крылатых слов и выражений, опубликованном в период всемерной государственной поддержки христианства, зарегистрировано около 260 оборотов из Библии, причем в большинстве в церковнославянской форме⁴. Для сравнения: в самом популярном в середине – конце XX века собрании крылатых единиц Н. С. и М. Г. Ашукиных, по подсчетам С. Г. Шулежковой, свыше 200 библеизмов русского языка⁵. Следовательно, если брать во внимание современное состояние, репрезентативность в пользу советского издания.

Иное дело, что словарная выборка, действительно, не отражает реальной мощи библейского пласта в русском языке, как, впрочем, и других групп (см. появившиеся на переломе XX и XXI столетий справочники, насчитывающие около 1000 крылатых выражений из отечественного кинематографа у В. С. Елистратова и более 30 000 у А. Ю. Кожевникова⁶, в то время как в ашукинском сборнике они единичны; столь же малочисленны в нем и фразы из литературы для детей, хотя только из сочинений А. Барто в русском языке активно функционирует не менее 20 оборотов⁷). Это объясняется прежде всего тем, что в лингвистике слишком долго игнорировались единицы цитатного происхождения. (Показателен в данном плане вывод А. Кошелева о том, что крылатые выражения – это всего лишь единицы метасемиотического уровня, используемые как стилистическое средство⁸.) Впервые почти одновременно их рече-языковой статус был обоснован только в конце 80-х годов прошлого столетия на материале английского языка В. П. Андросенко и русского – Л. П. Дядечко⁹, а после публикации А. Е. Супруна¹⁰ более или менее признан в науке. Интерес к ним стимулировался также интенсивно развивающимися психолингвистическим и лингвокультурологическим направлениями в языкознании, начиная со ставших классическими работ Ю. Н. Караулова о прецедентных текстах и их роли в организации языковой личности¹¹.

Активизация исследовательской деятельности в данной области привела к возникновению разных концепций, определяющих качественный и количественный состав единиц цитатного происхождения. Поэтому следующей важной проблемой, поднятой в предисловии ТСБ, стала формулировка самого понятия “библеизм”. Оно выкристаллизовалось уже давно и неоднократно утверждалось Г. А. Лилич, В. М. Мокиенко и О. И. Трофимкиной в их публикациях и выступлениях на международных научных конференциях. Библеизм как языковая единица, ассоциативно-генетически связанная с текстами Ветхого и Нового Заветов, характеризуется, по убеждению ученых, “смысловой законченностью, воспроизводимостью (с возможными вариантами), семантической и стилистической маркированностью

(переносным значением, повышенной экспрессивностью, часто принадлежностью к книжному слою лексики)» (с. 9 – с отсылкой к работе 1993 года). Предложенное понимание дает возможность объединить такие разнотипные феномены, как крылатые слова (собственные и нарицательные имена: *Адам, Ева, Каин, Вавилон; ад, ангел, возмездие, воскресение*); крылатые словосочетания и другие типы устойчивых оборотов (*агнец божий, манна небесная, яко тать в нощи*); паремии в широком смысле (*Вера горами движет, Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное*) (с. 11).

Избранный составителями подход к интерпретации библеизмов следует решительно поддержать, даже при следовании более узкой трактовке крылатых единиц, которые в этом случае обозначаются как эпитимы (начальная часть от гомеровского *ερεα pteroenta*) и к которым, в частности, не относятся нарицательные существительные и другие апеллятивы¹². Фактически, он отвечает в наибольшей мере сути самого явления, цитатного по своей природе, а цитироваться, как известно, может и одно слово, и многостраничный фрагмент, и произведение целиком. (Очевидно, конечно, что развернутость библеизма как языковой единицы ограничена возможностями человеческой памяти: при компонентном составе, превышающем число Миллера – Ингве 7 ± 2 , он теряет способность воспроизводиться в речи.) Более того, если говорить о цельнооформленных – однолексемных – образованиях, то их включение во многом обусловило новизну ТСБ. В имеющихся словарях описывается библейская фразеология (в широком смысле) – раздельнооформленные образования, иногда к ним добавляются собственные имена из ветхо- и новозаветных сюжетов и вовсе отсутствуют отдельные нарицательные имена и другие апеллятивы, а без апеллятивной лексики невозможно отразить всей колоссальности влияния Книги Книг на язык и в целом на миропонимание и мироощущение русских.

Обращение к библеизмам – отдельным словам, кроме того, знаменует собой новый шаг в русской лексикографической практике. Намеченное М. И. Михельсоном, который фиксировал в основном иносказательные употребления, например *ясли* ‘дневной приют для малюток’ (намек на *ясли*, в которых лежал Божественный Младенец)¹³, оно получило полноценное развитие в ТСБ, авторы которого с равным вниманием относятся ко всем типам значений реестровых единиц, включая массивы слов, используемых только в прямом значении, сравн.: *благовест, благовестить, благоволение, благовонный, благодарить, благодать* и т. д. и т. д. (с. 72–75). Собранные вместе и лексикографически обработанные, они представляют собой прообраз исторического словаря русской лексики (во всяком случае, ее одной группы), пока существующего только виртуально, или, точнее, фрагментарно, в этимологических словарях, составителей которых, как известно, интересует прежде всего происхождение корней, а не судьба слова в языке, и в разбросанных по разным изданиям историко-лингвистических этюдах¹⁴. Идея такого словаря, как кажется, вызрела в науке, а его необходимость остро ощущается на фоне сделанного в романо-германской лексикографии.

Настойчивые разыскания авторов ТСБ позволили существенно расширить корпус не только за счет однословных, но и многословных единиц. Поиски, судя по всему, не были ориентированы исключительно на словники уже вышедших лексикографических трудов, как это нередко встречается в эптографии, но велись пристальные наблюдения за живой речью, что способствовало включению популярных, но не зарегистрированных ранее (*Адам и Ева, Адамов род* и мн. др.), а также индивидуально-авторских оборотов (например: *Агасфер Идеи, Евин зуд*). В результате, несмотря на критическую переоценку составителями статуса некоторых выражений (так, исключен из реестра фразеологизм *волосы встали / встают дыбом*, квалифицируемый некоторыми учеными как библеизм¹⁵), в ТСБ вошло около 2000 единиц. На сегодня это самый полный словарь библеизмов русского языка, что уже само по себе определяет чрезвычайную ценность его как справочного издания.

Декларируемый в предисловии принцип лексикографической полноты (с. 11), сформулированный Б. А. Лариным и неизменно поддерживаемый в своей словарной деятельности В. М. Мокиенко, всецело проявился и в качестве описания библейских слов и оборотов, обеспечиваемом тщательно продуманной макро- и микроструктурой словаря.

Особенность построения ТСБ в том, что из двух принятых в европейской фразеографии способов размещения реестровых единиц – по алфавиту первого компонента или по алфавиту опорного компонента – выбран второй. Опорный компонент выделяется как субвокабула, после которой следуют описываемые единицы. Не отдавая предпочтения ни одному из способов расположения материала, все же можно отметить, что достоинство избранного в ТСБ очевидно в свете стойкого интереса ученых и вузовских преподавателей к лингвокогнитивным процессам и культурной составляющей в языке, так как субвокабула – обычно имя существительное – представляет собой концепт, притягивающий к себе все единицы, его воплощающие, см.: *душа, вера, благо* и пр. Кстати сказать, это также позволяет увидеть в ТСБ и черты фразеобразовательного словаря русского языка, необходимость которого уже осознается в науке¹⁶. Они просматриваются и в неперенных уточнениях, связанных с индивидуальными

употреблениями библейских цитат, приводящими к появлению новых устойчивых оборотов (*бездна премудрости* – из послания к Римлянам → *убояться бездны премудрости* – из “Недоросли” Д. Фонвизина) или новых семантических вариантов уже известных выражений (см. второе значение *братья наши меньшие* ‘о животных’, возникшее, как полагают составители ТСБ, под влиянием деятельности знаменитых дрессировщиков А. Л. и В. Л. Дуровых и – можно уточнить – популяризированное стихами С. Есенина *Счастлив тем, что целовал я женщин, Мял цветы, валялся на траве И зверье, как братьев наших меньших, Никогда не бил по голове*).

Словарная статья предоставляет все требуемые пользователями лингвистических справочников сведения о реестровой единице: этимологической комментарий; источниковедческую справку – отсылку к необходимому библейскому контексту; информацию об узуальных вариациях, а также о распространенных в русской речи иноязычных аналогах; стилистическую квалификацию; иллюстрацию использования в художественных текстах, публицистике, личной переписке и др.

Если в целом характеризовать источниковедческую зону словаря, то следует подчеркнуть не только широчайшую осведомленность Г. А. Лилич, В. М. Мокиенко и О. И. Трофимкиной в литературе по проблематике, включая новейшую, но и их ответственность перед читателями, проявляющуюся в весьма осторожных заключениях относительно атрибуции, см., например, статью *И все беси в воду, и пузыри вверх* (с. 65).

С максимальной полнотой, встречаемой, наверное, только в писательских словарях, идеей создания и непосредственной разработкой которых славится Санкт-Петербургская (Ленинградская) лексикографическая школа, чьими представителями являются составители ТСБ, выписана иллюстративная зона словарной статьи. Здесь читатель найдет не просто перечень подтверждающих примеров, но также и характеристику слово- и фразеупотреблений – интересных, показательных и демонстрирующих необыкновенное умение цитируемых лексикографами авторов обращаться со словесным материалом, вовлекать адресатов в языковую игру. Поэтому специально отмечено использование описываемой единицы в шутливых или иронических высказываниях, в качестве сравнения, реминисценции, в функции заголовка литературных произведений и под. Кроме того, имплицитную информацию несет количество подтверждающих цитат: их тем больше, чем активнее библеизм функционирует в языке.

Полнота иллюстративной зоны проявляется и в другом отношении. Как истинные ученые, составители ТСБ абстрагируются от личных симпатий, поэтому среди авторов контекстов обнаруживаются такие антагонисты, как В. И. Ленин и А. Мень, приводятся примеры из литературы для детей (например, из “Р. В. С.” А. Гайдара) и взрослых (начиная от классиков XVIII–XIX веков и заканчивая Б. Пастернаком, О. Мандельштамом, И. Бродским, другими известными мастерами), представлена как массовая культура (см. цитаты из детективов Д. Донцовой, современной публицистики), так и высокая проза и поэзия, что позволяет дать объективную картину жизни в языке того или иного оборота, показать настоящую вездесущность библейского слова.

Словарь исполнен так искусно и фундаментально, что кажется: предел, его же не преидеши. Но примечательно, что создатели ТСБ сами отмечают диалектичность понимания полноты, говоря о невозможности установления “среднеарифметического” числа библеизмов в русском языке (с. 11) и тем самым, по-видимому, предполагая дальнейшие разыскания, свои и чужие, в данной области. И действительно, можно дополнить словник подтверждаемыми десятками контекстов фразеологизмами (*Адамовы дети / потомки / сыны, Адамово племя / семья, Евино любопытство, Евин грех, един в трех лицах*) и крылатыми фразами (*Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова; И будут двое одна плоть; Брат на брата пошел; Будьте, как боги*), можно уточнить семантику: *адамово яблоко* имеет еще и символическое значение ‘любовная тяга; искушение любовным соблазном’ (и в этом значении *яблоко* еще и *Евино*); *Адамов род* – не только все человечество, но еще и мужчины (обычно со всеми его грехами и недостатками). Но это дело будущего.

Сейчас же имеем толковый словарь библеизмов, в название которого по праву должно включаться модное в современной русской лексикографии определение Большой.

Это по-настоящему большой словарь, дающий большие возможности для больших и маленьких – исследователей, преподавателей, учащихся, всех тех, кого интересует Великое Библейское Слово.

¹ Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. – М., 2010. ² Дядечко Л. П. [Рецензия на книгу:] Н. Walter, V. Mokienko. Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen: Mit historisch-etymologischen Kommentaren. – Greifswald, 2009. – 199 S. // Мова та історія. – Киев. – 2009. – № 111. – С. 57–66. ³ Дубровина К. Н. Указ. раб. – С. 7. ⁴ Редников И. И. Сборник замечательных изречений, цитат, поговорок и т. п. различных времен и народов с историческим и сравнительным объяснением. – Вятка, 1883. – С. 1–18. ⁵ Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – 2-е изд. – М., 2002. – С. 49. ⁶ Елистратов В. С. Словарь крылатых слов (русский кинематограф). – М., 1999; Кожевников А. Ю. Большой

словарь: Крылатые фразы отечественного кино. – СПб.; М., 2001. ⁷ Дядечко Л. П. “Я свидетель! А что случилось?”, или Крылатые выражения А. Барто как доказательство демократизации языка // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – Киев. – 2006. – № 1. – С. 2–9. ⁸ Кошелев А. О так называемых “крылатых словах” в современном русском литературном языке и их источниках // Годичник на Софийский университет. Факультет по славянски филологии. – Т. 62. – София, 1969. – С. 289. ⁹ Андросенко В. П. Цитата как элемент сообщения и как фактор эстетического воздействия: АКД. – М., 1988; Дядечко Л. П. Лингвистическая характеристика цитат-реминисценций в современном русском языке: АКД. – Киев, 1989. ¹⁰ Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 23–28. ¹¹ Караулов Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные доклады и новые направления в преподавании русского языка и литературы. – М., 1986. – С. 105–117. ¹² См. обоснование в кн.: Дядечко Л. П. “Крылатый слова звук”, или Русская эптология: Учебное пособие. – 2-е изд. – Киев, 2007. – С. 138–152. ¹³ Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний. – Т. 2. [– СПб., 1903]. – С. 578. ¹⁴ В связи с этим нельзя не вспомнить не только труды лингвистов, но и увлекательную, неоднократно переиздававшуюся книгу писателя Л. Бороваго “Путь слова” (М., 1974). ¹⁵ См., например: Уолли И. А., Берков В. П. Русско-английский словарь крылатых слов. – М., 1984. – С. 50. ¹⁶ См. первый исполненный в этом жанре словарь русского языка: Дядечко Л. П. Вокруг да около рекламы: Фразообразовательный словарь. – Киев, 2007.

Л. П. Дядечко (Киев)

Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда (Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. – 389 с.)

Лингвистик столько же, сколько и лингвистов. За последнее время лингвистик стало больше...

Е. С. Кубрякова

Характеризуя облик современной лингвистики, исследователи отмечают ее “многоликость”, “размытость границ” (Е. С. Кубрякова)¹, наличие у нее “многих предметов” (Р. М. Фрумкина)². При этом, подчеркивает Р. М. Фрумкина, “...многие области лингвистики нуждаются в доопределении или определении своего предмета...”³. (В существующей “раздробленности” современного языкознания ученые видят застой и зрелость этой науки одновременно⁴.)

В ситуации “полипарадигматизма”⁵ современной лингвистики чрезвычайно важны трансляция получаемых результатов в научный социум, “методологическая рефлексия”⁶. Поэтому появление рецензируемой монографии, которая, являя собой “обзор научных концепций и направлений исследования Волгоградского лингвистического сообщества” (с. 5), предпринята “для ознакомления с новым лингвистическим знанием в России и возможного интегрирования научных программ и лингвистических проектов” (с. 6), представляется чрезвычайно актуальным. Издаваемые в Волгограде работы, защищаемые здесь диссертации с трудом доходят до Москвы, не говоря уже об Украине.

Идея создания монографии принадлежит болгарским лингвистам, вследствие чего первое издание вышло в Софии на болгарском языке.

Монография, как следует из ее Введения (А. А. Дьякова), представляет собой попытку “рассмотреть систему лингвистических представлений, складывающихся внутри научного сообщества, организованного по территориальному признаку” (с. 8). Предвидя возможные нарекания, автор предупреждает о нестрогом использовании в книге термина *школа* – как объединения “научно-образовательного плана, формальным показателем которого является региональная близость университетов и научных центров, позволяющих ученым регулярно обмениваться научными идеями и апробировать результаты своих исследований” (с. 6).

Монография включает в себя разделы, которые соответствуют школам и направлениям лингвистических исследований в Волгограде. В десяти разделах книги размещены материалы авторов, разрабатывающих аспекты презентуемых на ее страницах исследовательских программ.

Открывает обзор раздел “Развитие и функционирование русского глагола” (О. А. Горбань, М. В. Косова и Е. М. Шентухина). Здесь обсуждается обоснованный проф. С. П. Лопушанской принцип комплексного подхода к исследованию языковых явлений, который предусматривает анализ “языковых единиц в плане выражения и в плане содержания, в парадигматических и синтагматических отношениях с учетом функционирования, а также экстралингвистических факторов, в первую очередь мировосприятия носителя языка” (с. 32). Выдвинутые ученым идеи получили развитие в синхронно-диахроническом исследовании разноуровневых категорий русского глагола. Это многочисленные

диссертации, серии монографий, статей, лексикографические издания и учебная литература участников научного направления.

Мысль В. И. Шаховского о том, что “накопленные в волгоградской лингвистике... теоретические результаты... интегрированы в российскую науку”, высказанная им в Заключении (с. 342), убедительнее всего, как кажется, проиллюстрирована именно в этом разделе монографии.

Продолжает книгу раздел “**Лингвистика эмоций**”, в котором представлены результаты лингвистического изучения эмоциональных переживаний человека. Основная часть раздела написана основателем Волгоградской научной школы эмоций, “самым преданным и последовательным представителем” (с. 55) эмотиологии В. И. Шаховским, который, безусловно, обладает “умением находить проблему” (Р. М. Фрумкина). В своем обзоре ученый уделяет внимание истории изучения эмоций лингвистами и сути лингвистического подхода к исследованию эмоций, выделяет приоритетные направления в эмотиологии, а также этапы становления и развития Волгоградской научной школы эмоций.

Начав исследование эмотивных компонентов языковых единиц с изучения семантики слова, представители Школы, общее количество публикаций которых сегодня приближается к тысяче, изучали эмотивный потенциал языка в разных аспектах. “Сегодня в центре внимания слушателей аспирантского семинара В. И. Шаховского и членов научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность» находятся проблемы языкового кода, развития и реализации скрытых возможностей, вопросы эмоциональной специфики речи в разных условиях общения, механизмов распознавания чужих эмоций и управления собственными эмоциями в процессе коммуникации, согласования эмоций разного качества, стимуляции положительных и нейтрализации отрицательных эмоций в актах межличностного, институционального и межкультурного общения, экологической значимости эмоционально опосредованного устного и письменного общения” (с. 59). В настоящее время Школой разрабатывается более десяти аспектов лингвистической теории эмоций, среди которых – “Дискурсивная компетенция врача”, “Эмотивность экспрессивного синтаксиса”, “Виндиктивный дискурс”, “Эмоциональный концепт «мечь»”, “Проблемы неискренней коммуникации” и др.

Развивая тезис о том, что “лингвистика является базовой наукой для современных наук” (с. 60), В. И. Шаховский представляет теоретические основы эмотивной лингвоэкологии, которая изучает “процесс влияния языка на здоровье человека: его улучшение или порчу, разрушение” (с. 62)⁷. В специальной рубрике раздела автор приводит примеры “неэкологических” коммуникативных ситуаций и языковых единиц, демонстрируя зависимость “экологии общения” от эмоционального состояния коммуникативных партнеров и обосновывая тезис о включении в коммуникативную компетенцию человека таких ее компонентов, как эмотивная и эмоциональная компетенции, т. е. “понимание коммуникантами эмоций и знание об их функциях” (с. 63).

Изучению эмоциональных концептов в лингвистике посвящена рубрика “К вопросу о моделировании концептов эмоций”, которая написана проф. Н. А. Красавским, автором фундаментального труда “Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах” (Волгоград, 2001; М., 2008). Здесь ученый отмечает трудности концептуализации эмоций, приводит дефиниции эмоционального концепта, предлагает схему моделирования концепта эмоций.

В завершение раздела представлен более конкретный материал (“Метафора как способ вербализации эмоциональных концептов”; *Я. А. Волкова*) – результаты исследований, охватывающих процесс метафоризации языковых обозначений эмоций на материале русских и немецких художественных текстов.

Отметим концептуальную и содержательную взаимосвязанность всех рубрик этой части монографии.

Страстная презентация проф. В. И. Шаховским и его учениками возглавляемой им научной Школы наглядно демонстрирует то обстоятельство, что сегодня уже языковеды “не боятся” эмоций, со всей определенностью осознав, что они являются полноправным предметом лингвистики⁸.

Отдельный раздел в рецензируемой монографии – “**Этнолингвистика**” (*Р. И. Кудряшова*) – посвящен разработке проблем региональной лингвистики волгоградскими учеными. Работа по изучению диалектов началась в Волгоградском педуниверситете в 1938 г. Основатель Волгоградской диалектологической школы – проф. Л. М. Орлов, автор государственных программ по русской диалектологии и диалектологической практике. В разделе представлены основные этапы и аспекты изучения местных говоров. Это: “1) изучение традиционных говоров области; 2) исследование современных процессов в говорах; 3) выявление специфики языковых процессов в социально изолированных донских казачьих говорах; 4) развитие этнокультурологического направления в изучении говоров Волгоградской области; 5) исследование языковых процессов в ранних переселенческих, собственно переселенческих и поздних переселенческих говорах Волгоградской

области в лингвогеографическом аспекте (в частности, специфики функционирования в них тематической лексики)” (с. 110). Результаты изучения волгоградских диалектов воплощены в диссертациях, монографиях, учебных и учебно-методических пособиях, докладах, сериях статей, диалектологических атласах и словарях говоров.

Особое значение волгоградские лингвисты уделяют изучению русской диалектной фразеологии (соответствующая рубрика написана *Е. В. Брысиной*). Новый – этнолингвокультурологический – аспект в ее изучении исследователи связывают с антропоцентрическим принципом исследования современной лингвистики. Ср.: “Стремление к постижению сущности диалекта через языковую личность диалектоносителя в конечном итоге привело к пониманию такого феномена, как диалектная языковая картина мира, существенная часть которой может быть интерпретирована в рамках ее фразеологической составляющей, систематизирующей знания об окружающей действительности и репрезентирующей эти знания средствами диалектной фраземики” (с. 114). Важнейшим направлением изучения диалектной лексики и фраземики является ее лексикографическое описание. Презентуя Словарь донских говоров Волгоградской области, *Е. В. Брысина* анализирует практически все аспекты составления диалектного словаря.

В следующем разделе монографии – **“Ономастика”** – обзревается ономастические исследования Волгограда. Рубрика “Проблемы ономатологии в работах волгоградских ученых” написана известным специалистом в области ономастики *В. И. Супруном*, который среди общих и частных проблем русской ономастики, изучаемых волгоградскими учеными выделяет следующие: 1) общая ономастика; 2) изучение антропонимики; 3) топонимические исследования; 4) функционирование литературной (поэтической) ономастики; 5) особенности периферийных разрядов ономастики; 6) сопоставительное исследование имен собственных; 7) ассоциативные связи имен собственных; 8) вопросы орфографического оформления ономастических единиц; 9) методика преподавания ономастики (с. 135).

В отдельной рубрике раздела представлены результаты работы проблемной группы кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета “Имя и общество” (*И. В. Крюкова*), которые посвящены изучению современных рекламных имен. В центре внимания этого научного коллектива – сопоставление рекламных имен с “подлинными” именами собственными, антропонимами; исследование рекламных названий в коммуникативно-прагматическом аспекте (выявление специфики коммуникативного взаимодействия автора и адресата при создании рекламного имени); выявление коммуникативных / номинативных неудач в эргонимии; выявление особенностей функционирования изучаемых номинативных единиц в различных коммуникативных сферах, прежде всего публицистической; переход рекламных имен в разряд прецедентных; разработка рекомендаций составителям названий и авторам рекламных текстов. Эти и другие идеи рассматриваются на материале разных языков – в русской, украинской, английской, немецкой и китайской лингвокультурах. Трудно не согласиться с *И. В. Крюковой*, которая отмечает, что изучение рекламных имен актуально не только для решения ономастических проблем, но и других вопросов, выходящих за пределы ономастических исследований: “языковой стиль и языковая мода, генезис языкового творчества современного человека, интеграционные лексические процессы и глобализация лексики” (с. 160).

Раздел **“Аксиологическая лингвистика”** знакомит читателя с результатами, полученными волгоградскими учеными при изучении лингвокультурных концептов, которые они моделируют по единому плану, включающему в себя характеристику образно-перцептивной, понятийной и ценностной стороны концепта, выделяя на этой основе общие и специфические признаки концептов в сопоставляемых культурах (автор рубрик “Аксиология лингвокультурных концептов” и “Опыт составления словаря концептов” – *В. И. Карасик*).

Еще одна рубрика в этом разделе (“Способы декодирования культурных смыслов в тексте”; *О. А. Леонтович*) демонстрирует процесс извлечения из художественного текста (языковых единиц – культурных маркеров) культурных смыслов и их интерпретации на материале романа *N. Evans “The Divide”*.

В разделе **“Лингвистика текста”** суммируются текстлингвистические исследования волгоградских ученых, которые охватывают проблемы как теории текста, так и текстовой коммуникации. Рассмотрение широкого круга вопросов, связанных с изучением текста, разных аспектов его существования и функционирования волгоградские исследователи ведут в рамках следующих направлений: 1) лингвистическая аппроксимация и текст; 2) вторичный текст; 3) интердискурсивная адаптация текста; 4) эмотивность текста; 5) текстовое пространство; 5) экология текстовой коммуникации (рубрики “Актуальные проблемы лингвистики текста” и “Направления современных исследований текста” написаны *С. В. Ионовой*). Теоретические работы позволяют волгоградским

исследователям успешно решать многие практические задачи, связанные с созданием текстов, их лингвистической экспертизой и мн. др.

Как следует решать проблему создания универсального определения жанра? Связан ли феномен жанра “с лингвокогнитивным (ментальным) аспектом работы языкового сознания” (с. 218)? Каковы лингвокогнитивные инвариантные и варианты характеристики жанра? На эти и многие другие вопросы отвечают волгоградские ученые, разрабатывая лингвокогнитивный подход к изучению феномена литературного жанра. Этот подход освещен в рубрике “Традиции текстовой культуры сквозь призму литературного жанра” (Е. Ю. Ильинова).

В последней рубрике раздела – “Интердискурсивная адаптация текстов” (А. А. Дьякова) – обсуждается определение текстовой адаптации в интердискурсивном аспекте (т. е. “изменение текста в соответствии с иными дискурсивными изменениями его функционирования” – с. 238), называются задачи, решению которых способствует сопоставление исходного и адаптированного текстов, предлагается процедура их комплексного сопоставления.

Необходимость изучения человеческих потребностей обосновывается волгоградскими лингвистами в разделе “**Лингвосемиотика**” (Т. Н. Астафурова и А. В. Олянич). “Потребностная сфера бытия, считают авторы раздела и соответствующего научного проекта, – широкое поле деятельности для особого раздела лингвистики”, который они предлагают именовать *лингвосемиотикой потребностей* (с. 247). Это направление, в рамках которого осуществляется “системное изучение процесса воплощения разнообразных типов потребностей в кластерах языковых и неязыковых знаков, выступающих как отдельные лексические номинации, языковые и речевые формулы, вербальные комплексы, способствующие формированию различных типов / видов текста / дискурса” (с. 247). В настоящее время волгоградские ученые изучают лингвосемиотику *витальных потребностей*, важнейших для выживания человека.

Эффективность исследовательского алгоритма “знак – слово – текст / дискурс” для достижения целей, которые стоят перед лингвосемиотикой потребностей, апробирована авторами раздела и их учениками в многочисленных работах, анализирующих разнообразные знаки в разных лингвокультурах. В монографии представлен анализ глуттонической (гастрономической) составляющей лингвосемиотики потребности в физиологическом выживании, который, “вполне успешно может быть апплицирован на исследование лингвосемиотической и дискурсивной актуализации широкого спектра потребностей” (с. 261).

Раздел “**Коммуникативная лингвистика**” состоит из двух рубрик. В первой из них – “Достоверность в коммуникативном поведении языковой личности” (Н. Н. Панченко) – привлекается внимание лингвистов к изучению речевого взаимодействия в аспекте реализации в нем достоверности – с точки зрения адресанта и адресата. Опираясь на известные работы В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, В. В. Красных, К. Ф. Седова, волгоградские ученые выделяют “коммуникативные типажи”, соотносимые с семантическими полями правды (*правдолюб*) и обмана (*демагог, притворщик, льстец, враль*). Анализируя метакоммуникативное комментирование, квалифицирующее достоверность / недостоверность сообщения, ученые изучают также процесс восприятия адресатом информации с точки зрения ее соответствия действительности.

Во второй рубрике – “Коммуникативные ситуации романтического общения” (Т. Г. Ренц) – анализируется ситуация признания в любви (из романа Ф. Н. Арнольд “Not My Will”) с точки зрения реализации в ней эмотивности, в ходе сделанного анализа автор приходит к выводу, что сама эта ситуация может рассматриваться как эмотив (с. 294).

Стилистике звучащей речи отведен в монографии раздел “**Фоностилистика**” (О. А. Прохватилова). В первой рубрике раздела – “Фоностилистические исследования волгоградских ученых” – автор презентует научную тему “Стилистическая парадигма русской звучащей речи”. Результаты изучения темы следующие: 1) разработаны принципы стилистического анализа звучащей речи; 2) установлены критерии выделения фоностилей русской звучащей речи и предложена система ее произносительных стилей; 3) дано описание их экстралингвистических параметров и языковых характеристик; 4) представлены просодические свойства нейтрального, религиозно-проповеднического, рекламного фоностилей; 5) начата работа по фоностилистическому описанию отдельных фонетических подсистем русского языка – региональной, художественной, вокальной и дикторской речи (с. 297). Здесь же автор представляет свой собственный подход к стилистическому анализу звучащей речи как поэтапной процедуре и останавливается на проблеме типологии фоностилей русского языка.

Следующая рубрика раздела – “Фоностилистические характеристики современной духовной речи” – посвящена изучению интонационно-звуковой организации молитвы и проповеди, интерес к которым активизировался в наше время в силу известных причин⁹. В этой же рубрике почему-то представлены

характеристики остальных фоностилей и всех фонетических подсистем, выделяемых волгоградскими учеными.

Завершает книгу раздел “Документная лингвистика” (С. П. Кушнерук). Этот раздел носит не обзорный, а проблемный характер. Здесь обсуждаются: определения термина “документ”, его лингвистические признаки, понятие специальной (документной) коммуникации, необходимость его изучения “в лингвистических координатах”.

И это далеко не весь “запас идей, методик, подходов” в волгоградской лингвистике, констатирует в Заключении В. И. Шаховский (с. 342). Размах научных интересов волгоградских ученых, совмещение в волгоградской лингвистике традиционных и новых аспектов исследования языка, конструирование “свежих предметов” лингвистического познания, уменьшая с каждой страницей монографии, сводят на нет первоначальное неприятие ее масштабного названия.

Выскажу некоторые замечания, которые, возможно, следует учесть при подготовке переиздания книги (ведь ее тираж составляет всего 100 экземпляров):

1. Книга не свободна от повторов, что, видимо, обусловлено коллективным характером монографии. Это в первую очередь касается второго раздела книги.

2. К сожалению, далеко не каждый раздел монографии предваряется теоретическим введением. Так, например, общеизвестно, что коммуникативная лингвистика представлена целым рядом научных направлений, каждое из которых отличается своими установками, своей областью анализа и своими методами. Однако в монографии отсутствует презентация исследовательской программы волгоградских ученых в этой сфере языкознания, необходимая для адекватного восприятия последующего изложения.

3. Не всегда наблюдается сочетание презентуемых в книге теоретических разработок и практического приложения их к анализу и описанию конкретного материала – см., например, раздел “Аксиологическая лингвистика”. Проводимый в п. 5.3 анализ не является иллюстрацией тех исследовательских процедур, о которых сообщается в п. 5.1. Обещанные в нем результаты изучения лингвокультурных концептов представлены лишь в п. 5.2.

4. Раздел “Документная лингвистика”, как следует из содержащихся в нем библиографических отсылок, представляет собой анализ немногочисленных работ только одного волгоградского ученого. К тому же в нем не получает объяснения термин *документная лингвистика*, автор раздела не вводит читателя в проблематику заявляемого научного направления. (Впрочем, это не единственный термин из числа не получивших в лингвистике общепринятого определения, который используется в монографии “по умолчанию”.)

5. Заметим также, что иногда авторы, освещая результаты своих исследований, забывают о необходимости трансформации их первичных текстов во вторичный текст научного обзора. Ср., например, формулировку целей раздела “Лингвосомиотика”: “выявление разнообразных связей витальных потребностей с формированием коммуникативного пространства социума и его членов”; “описание динамических процессов оязыковления (семиотизации) удовлетворения данного типа потребностей людьми...”; “исследование, дескрипция и типологизация языковых и неязыковых знаков...” (с. 248).

Несмотря на высказанные замечания монография, безусловно, является весомым вкладом в “накопление” лингвистических знаний. Она демонстрирует исследовательскую самодисциплину авторского коллектива – привычку к метанаучным размышлениям, взаимодействию с научной средой. Не может не вызывать восхищения небезразличие волгоградских ученых к судьбе лингвистической науки, их стремление “в какой-то мере способствовать преодолению разрыва между научными традициями, поколениями ученых” (с. 341).

В заключение отметим, что составляющие монографию научные этюды, свидетельствуя о разнообразии тематики современных лингвистических исследований, убедительно иллюстрируют мысль, высказанную крупнейшим теоретиком современного языкознания Е. С. Кубряковой: объект лингвистики “...представляет собой один из самых сложных и самых интересных объектов человеческого познания и... адекватное отражение его свойств вряд ли под силу одной науке, если только она не найдет способов объединить в постижении своего объекта свои усилия с усилиями других наук”¹⁰.

Книга, несомненно, найдет своего адресата – это широкий круг лингвистов, работающих в разных парадигмах лингвистического знания.

¹ Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. РАН. Сер. лит и яз. – 1994. – № 2. – Т. 53. – С. 4, 14. ² Фрумкина Р. М. “Теории среднего уровня” в современной лингвистике // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 56. ³ Фрумкина Р. М. Там же. – С. 57. ⁴ Кубрякова Е. С. Там же. – С. 4, 15. ⁵ Кубрякова Е. С. Там же. – С. 4. ⁶ Фрумкина Р. М. Там же. – С. 57. ⁷ О становлении понятийно-терминологического аппарата российской лингвистической экологии см. также в: *Культура русской речи*: Энциклопедический словарь-справочник / [под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова,

Е. Н. Ширяева и др.]. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 293–296. ⁸ Умение В. И. Шаховского “заражать” своими идеями видно и на примере данной рецензии – того текстового пространства, которое в ней занимает анализ “эмотиологического раздела” монографии. ⁹ См., например: *Розанова Н. Н.* Сфера религиозной коммуникации: храмовая проповедь // *Русский язык: Социальная и функциональная дифференциация.* – М., 2003. – С. 341–363. ¹⁰ *Кубрякова Е. С.* Там же. – С. 15.

О. В. Красовская (Алчевск)

Коллективная монография
“Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда”
(Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. – 389 с.)

Рецензируемая работа затрагивает целый комплекс ключевых проблем изучения явлений, связанных с репрезентацией человека в языке, который интенсивно развивается в конце XX – начале XXI веков в отечественной и зарубежной лингвистике. Необходимость его разработки, на наш взгляд, связана с антропоцентризмом современного гуманитарного знания, поскольку продолжением и существенным дополнением антропоцентрического подхода к изучению языковых явлений, связанных с репрезентацией человека в языке, является аксиологический аспект, определяющий то, что человек считает ценным для себя, окружающих его людей и общества. Еще И. А. Бодуэн де Куртенэ в своей работе “Введение в языковедение” писал: “С точки зрения языкового мышления и основанного на нем научного языковедного (лингвистического) мышления, фонемы и вообще все произносительно-слуховые элементы не имеют сами по себе никакого значения. Они становятся языковыми ценностями и могут быть рассматриваемы лингвистически только тогда, когда входят в состав всесторонне живых языковых элементов, каковыми являются морфемы, ассоциируемые как с семасиологическими, так и с морфологическими представлениями” (Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Наука, 1963. – Т. 2. – с. 276).

Обращение к такой сложной и многогранной части речи, как глагол, делает честь любому исследованию. Классическое описание глагола сквозь призму синхронно-диахронной составляющей (Раздел 1. Развитие и функционирование русского глагола – авторы О. А. Горбань, М. В. Косова, Е. М. Шептухина) на основе формально-семантического подхода, безусловно, заслуживает внимания. В лингвистике известен опыт изучения глагольного слова на основе дивергентных и конвергентных отношений, систематизированных формально-семантических характеристик деривационных возможностей словоформы (О. М. Соколов). Метод матричной реконструкции анализируемого материала, сформулированный С. П. Лопушанской, позволяет соотнести реальные (имеющие материальное выражение) и мнимые (семантические компоненты значения) величины и “обнаружить закономерности эволюции не только отдельных единиц, но и лексических подсистем языка” (с. 26).

Изучение современного состояния языка невозможно без обращения к его истокам. Основанные на региональном материале ономастические (раздел 4. Ономастика – авторы В. И. Супрун, И. В. Крюкова) и этнолингвистические исследования (раздел 3. Этнолингвистика – авторы Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина) дают возможность представить Волгоградскую лингвистическую школу как научный центр, созданный и базирующийся на фундаментальных сведениях, берущих свое начало в глубокой древности. Обращение к подобному материалу формирует целостное представление и восприятие полученных результатов с учетом трансформации смыслового компонента. И хотя название раздела дано очень широко, тем не менее в данном случае отражено одно из магистральных направлений научных лингвистических исследований, связанных со спецификой региона.

Проблема ценностей – постоянно актуальна, связана с вопросами о полезном и вредном, добре и зле, справедливом и несправедливом, должном и недопустимом, прекрасном и безобразном, об идеале и благе. Язык и коммуникативная деятельность выступают важной формой репрезентации ценностей и открывают доступ к ценностно-нормативной системе социума. Это определяет безусловную актуальность коллективной монографии представителей Волгоградской лингвистической школы, посвященной глубокому теоретико-практическому осмыслению параметров языковой картины мира человека, динамики его сознания и социально-коммуникативных условий его жизнедеятельности (с. 7).

Раздел 5 рецензируемой монографии посвящен проблемам аксиологической лингвистики. В. И. Карасик и О. А. Леонтович направляют свой исследовательский интерес на детальную проработку следующих тем: Аксиология лингвокультурных концептов (5.1.), опыт составления словаря концептов

(5.2.) и способы декодирования культурных смыслов в тексте (5.3.). Этот раздел, на наш взгляд, является одним из ключевых в современном описании языка.

Ценности, отмечают авторы, высшие ориентиры поведения – являются концентрированным выражением культуры (с. 161). Результатами развития аксиологической лингвистики авторы полагают полученные при изучении лингвокультурных концептов лингвокультурные типажи и типы дискурса.

Исследовательскими процедурами, используемыми представителями региональной школы при анализе лингвокультурных концептов, являются такие, как: 1) семантический анализ слов, называющих имена концептов; 2) этимологический анализ этих имен; 3) семантический анализ переносных, ассоциативных значений слов, воплощающих концепты; 4) интерпретативный семантический анализ контекстов, в которых употребляются слова и словосочетания, обозначающие и выражающие концепты; 5) интерпретативный культурологический анализ ассоциаций, связанных с определенным концептом; 6) интерпретативный анализ ценностно-маркированных высказываний (поговорок, афоризмов, цитат), выражающих определенные концепты; 7) анализ коротких сочинений, написанных информантами на тему, соответствующую содержанию исследуемого концепта; 8) анализ ассоциативных реакций информантов на вербальные обозначения концепта (с. 162).

Максимально учитывая концепции других ученых и разную интерпретацию актуальных для данной работы научных понятий и категорий, авторы создают прочный теоретико-практический фундамент исследования. Так, В. И. Карасик одним из возможных подходов к составлению словаря концептов видит “моделирование концептов по единому плану, предполагающему характеристику образно-перцептивной, понятийной и ценностной сторон концепта, и выделение общих и специфических признаков концептов в сопоставляемых культурах” (с. 163).

В соответствии с выработанной и ставшей классической схемой презентованы модели различных институциональных, профессиональных, идеологических концептов, концептуальных диад и концептуальных полей, архетипических концептов, как-то: концепт СВОБОДА в английской и русской лингвокультурах, концепт КРАСОТА в английской и русской лингвокультурах, концепт ПУНКТУАЛЬНОСТЬ в немецкой и русской лингвокультурах, концептуальное поле ТЕРПЕНИЕ в английской и русской лингвокультурах, идеологический концепт “ДЕМОКРАТИЯ” в американской лингвокультуре и др.

О. А. Леонтович, говоря о декодировании культурных смыслов в тексте, отмечает сложность данного процесса – результата взаимодействия многих факторов: 1) формирование “микросмыслов” на основе культурно-специфических значений; 2) их комбинирование, в результате чего образуются сложные культурные смыслы; 3) логика смыслообразования, формирующая “макро-смысл” всего текста романа (с. 187). Учет всех этих факторов является необходимым условием успешной интерпретации смысла произведения. Резюмируя позицию автора, можно отметить, что в любом тексте присутствует аксиологический феномен – оценка, которую определяют смыслы, появляющиеся при восприятии материала: именно они могут вызывать появление определенных оценок у реципиента, а значит, детерминировать оценочный знак поданной информации. Основное внимание автор уделяет формированию культурных смыслов на примере современного американского романа Н. Иванза “The Divide”. Процедура интерпретации смыслов сложна, ибо не является процессом смыслополагания. По мнению авторов, задача полностью постичь смыслы говорящего / пишущего утопична. Формирование культурных смыслов – сложный процесс. Поэтому для успешной интерпретации смысла произведения следует учитывать следующие параметры: формирование “микросмыслов” на основе культурно-специфических значений, их комбинирование; логика смыслообразования, формирующая “макросмысл” всего текста.

Особого внимания заслуживает перечисление способов анализа концептов (семантический, этимологический анализ, интерпретативный культурологический анализ ассоциаций, анализ ассоциативных реакций и др.), которое является достаточно широким, хотя может быть, безусловно, расширено.

Подраздел “Опыт составления словаря концептов” практически полностью состоит из словарных статей. Концепты русского языка сравниваются с концептами английской, немецкой, китайской, французской, калмыцкой, американской, иранской лингвокультур. На наш взгляд, данный раздел необходимо дополнить описанием принципов составления словарной статьи в словаре концептов.

Представленные словарные статьи достаточно разнородны. В них описываются не только лингвокультурные концепты, но и этноспецифический регулятивный концепт (на примере американской лингвокультуры), концептосфера (английской и русской лингвокультур), концептуальное поле, концептуальные диады, идеологический концепт, архетипический лингвокультурный концепт. Однако этноспецифический регулятивный концепт представлен только примером из американской лингвокультурологии (примеры из русского языка отсутствуют).

Основными задачами лингвокультурной концептологии, по мнению авторов, являются моделирование типов концептов, изучение концептов в индивидуальном сознании, в анализе концептуальных диад и полей.

Раздел 6 монографии посвящен развернутому, многоаспектному описанию проблем лингвистики текста, формирование которой происходит в условиях новой общественной ситуации с характерными рыночно-презентационными установками, влияющими на коммуникативные процессы в разных дискурсивных практиках. Авторский коллектив – С. В. Ионова, Е. Ю. Ильинова, А. А. Дьякова – презентует как направления современных исследований текста, традиции текстовой культуры сквозь призму литературного жанра, так и специфику интердискурсивной адаптации текстов.

Хотим отметить, что вхождение в пространство новых условий текстопорождения не может не сопровождаться рисками, объясняемыми невыработанностью инструментария интерпретации новых коммуникативных сфер и моделей. Но эти риски оправданы необходимостью видеть накапливающиеся изменения и их консолидацию в тексте, вырабатывать новые механизмы анализа. Текст, функционирующий в пространстве социума, культуры своего времени, как справедливо отмечают авторы рецензируемой работы, мощный инструмент общественного и межличностного влияния, средство осуществления взаимодействия людей и целых социальных институтов в разных сферах их деятельности. В связи с этим материал для исследования универсальных текстовых категорий, используемый в работах волгоградских лингвистов, отличается многообразием: тексты *рекламы и СМИ, деловые тексты, юридические документы*, тексты общероссийской и региональной *художественной литературы, исторические документы и памятники русской письменности*, тексты *оригиналов и переводов* с разных языков, классические *вербальные и синтетические* (креализованные) речевые произведения (с. 198).

Наработки авторов отличаются несомненной прикладной значимостью и могут использоваться в решении целого ряда задач: создания и анализа текстов СМИ; разработки технологий воздействующей коммуникации; мониторинга текстовой среды, в том числе в аспекте лингвоэкологии; адаптации текстов к условиям учебного общения, при обучении родному и иностранному языкам; редактирования текстов; совершенствования методов их автоматической обработки, совершенствования техник хранения, поиска и отбора информации в текстовых базах и корпусах; решения задач лингвистической экспертизы (с. 212). Думается, что выработанный в рамках текстолингвистики представителями школы алгоритм анализа можно считать инвариантной моделью интерпретации различного рода текстов.

Внимание к языковой личности, всестороннее описание этого феномена сквозь призму в том числе коммуникативной составляющей (раздел 8. Коммуникативная лингвистика – авторы Н. Н. Панченко, Т. Г. Ренц) позволяют фиксировать происходящие в языке изменения, связанные как с фоностилистической спецификой (раздел 9. Фоностилистика – автор О. А. Прохвятилова), так и с различным дискурсивным освоением современного языка (Раздел 10. Документная лингвистика – автор С. П. Кушнерук), а также представленной в разделе 7 лингвосемиотикой дискурса (авторы Т. Н. Астафурова, А. В. Олянич). Не последнее место в этом процессе занимает обобщенный опыт изучения лингвистики эмоций, достаточно убедительно описанный в Разделе 2. (2.1. Лингвистика эмоций как область исследования; 2.2. Основные направления исследований в области эмоций; 2.3. Волгоградская научная школа лингвистики эмоций; 2.4. Теоретические основы эмотивной лингвоэкологии (автор подразделов В. И. Шаховский); 2.5. К вопросу о моделировании концептов эмоций (автор – Н. А. Красавский); автор подраздела 2.6. Метафора как способ вербализации эмоциональных концептов – Я. А. Волкова).

В целом, рецензируемая монография, обладающая несомненной научной новизной, представляет собой масштабное исследование, выполненное известными в России и за ее пределами учеными (Е. В. Брысина, Т. Н. Астафурова, О. А. Горбань, С. В. Ионова, Е. Ю. Ильинова, В. И. Карасик, М. В. Косова, Р. И. Кудряшова, О. А. Леонтович, С. П. Кушнерук, А. В. Олянич, Н. И. Панченко, О. А. Прохвятилова, В. И. Супрун, В. И. Шаховский, Е. М. Шептухина и др.), свидетельствующее о высокой научной квалификации авторов, – представителей Волгоградской лингвистической школы.

И действительно, представленный взгляд на систему научных знаний представителей волгоградской лингвистической школы демонстрирует новые тенденции и специфические черты развития современного российского языкознания, позволяет обозначить вклад ученых в развитие культуры, образования, социальных институтов региона.

Г. Ю. Богданович (Симферополь)

Монография Карпенко Ульяны Алексеевны
“Трансляция смысла и трансформация значений первокорня”
(К.: Освита Украины, 2013. – 496 с.)

Прошлое и будущее во всех сферах жизнедеятельности социума всегда опосредовано настоящим. Наше прошлое во многом определяет наше настоящее и будущее, и, как известно, без прошлого нет будущего. Именно исследование исторических связей между прошлым, настоящим и будущим первокорней в лексике русского языка на фоне других ностратических языков стало предметом анализа в работе Ульяны Алексеевны Карпенко.

Рецензируемая монография посвящена актуальной проблеме современной лингвистики, в частности, ее сравнительно-исторического направления, поскольку охватывает изучение лексико-грамматических и функциональных аспектов языка, лексической и грамматической семантики, структуры, особенностей образования и функционирования пракорней, в т. ч. и их современных реализаций в русском языке. Позитивным является то, что русский язык исследован на фоне многих других, дополнительно привлеченных к анализу, языков – итальянского, украинского, турецкого, английского, арабского, испанского, греческого, кечуа.

Автор довольно четко мотивирует актуальность своего монографического исследования (с. 10). Поставив цель – определить и проанализировать первокорни, которые продолжают функционировать в современном русском языке, определить их значения и возможности трансформации этих значений, закрепленных в русском и других неродственных языках (с. 11), У. А. Карпенко определяет круг лексем, которые несут в себе первокорни, анализирует смысл первокорней в диахронии, исследует их трансформации, определяет набор первокорней в русском языке, которые также представлены и в других привлеченных к анализу языках, а также устанавливает закономерности трансляции смысла и трансформации значений первокорня.

Следует отметить четкость, ясность и последовательность в изложении содержания монографии, что становится очевидным с первых страниц при прочтении.

У. А. Карпенко последовательно описывает методику своего научного исследования (с. 12), указывая цель применения каждого из привлеченных методов, принципов и приемов анализа (с. 13–14). Важным научным достижением монографии в этом плане является внедрение нового когнитивно-сравнительного этимологического метода исследования первокорня (с. 13), как его называет автор, четко формулирует его в виде краткого (“энциклопедического”) определения как “совокупность приемов и процедур комплексного подхода к выявлению первокорня в русском языке и подтверждению его функционирования в других неродственных и отдаленно родственных языках для установления закономерностей трансляции заложенного в нем смысла и трансформации значений” (с. 13). При этом автор делает акцент на комплексном характере исследования. Очевидно, все же, здесь речь идет шире – не о методе, а о методике комплексного когнитивно-сравнительного этимологического анализа (что подтверждается и описанием последовательности этапов исследования и примененных на каждом из них методов, с. 12–28), так как данная методика включает в себя методы, приемы и принципы непосредственно анализа языкового материала. Поскольку в ней задействованы когнитивный, сопоставительный и этимологический анализ с использованием междисциплинарного подхода, следует указать и на применение полипарадигмального анализа в данной работе, который в аспекте диахронии и синхронии (на материале русского языка) был впервые применен М. В. Холодиловой (см. диссертацию М. В. Холодиловой “Лексика русской лесопильной промышленности: полипарадигмальный подход”, спец. 10.02.01. – Красноярск, 2008. – 344 с.), указав при этом на особенности своей собственной методики комплексного анализа.

Несомненны научная новизна, теоретическое и практическое значение проведенного исследования. В нем впервые выявлен набор первокорней (170), которые функционируют в русском языке и некоторых других языках, был проведен комплексный анализ трансляции смысла трансформации значений анализированных первокорней, выявлены значения, которые были трансформированы в русском языке, разработана собственная методика комплексного полипарадигмального анализа первокорня.

В целом, проведенное исследование У. А. Карпенко, отраженное в данной монографии, производит впечатление фундаментального, глубокого лингвистического анализа и, безусловно, заслуживает высокой оценки. Работа выполнена внимательно, скрупулезно, системно, она последовательно структурирована. Введение традиционно содержит основные установочные данные и определяет главный понятийный аппарат исследования.

В главе 1 “Первокорень как предмет научного анализа” автор, соблюдая традиции написания монографических работ, ссылается и последовательно характеризует исследования и достижения ученых-предшественников, которые занимались этимологическими разработками в целом и в рамках сравнительно-исторического подхода в языкознании, чьи идеи стали базовыми при написании рецензируемой монографии (В. И. Абаев, М. А. Брицын, Ж. Ж. Варбот, Т. В. Горячева, Л. Киш, Г. А. Климов, Б. А. Ларин, В. В. Лучик, М. М. Маковский, П. Н. Сергеев, Н. М. Шанский и многие другие), анализирует феномен первокорня, его константность и универсальность, опираясь на научные положения В. И. Ильич-Свитыча, Б. М. Гранде, М. Я. Марра, М. М. Маковского, В. В. Иванова, Т. В. Гамкрелидзе и др. У. А. Карпенко доказательно утверждает, что первокорень инвариативен, а его реализации в современных языках являются вариантами, изменяющимися на основе национально-культурной специфики (с. 36). При этом автор делает ряд важных выводов и наблюдений, в частности о том, что первокорень изменчив, он “транслирует первородный смысл, заложенный в момент номинации семой, актуализированной в его внутренней форме”, порождает новые слова, подвергается трансформациям в процессе исторического развития преимущественно по причине национально-культурного влияния и / или взаимодействия (с. 35), количество первокорней в современном русском языке четко детерминировано (с. 34) и др. Далее автором прослеживается соотношение первокорней со смежными и подобными понятиями – с языковым знаком, языковыми универсалиями, элементарными понятиями ностратических языков, архетипом, внутренней формой слова, этимологом, единицами праязыка, заимствованиями; детально рассмотрена суть трансляции смысла и трансформации значений первокорня (с. 37–86). Здесь, очевидно, следовало бы при рассмотрении соотношения трансляции смысла и трансформации значения первокорня (с. 74–77) акцентировать, на какое из определений *трансформации* автор ссылается и использует в качестве рабочего определения в монографии, дать соответствующие ссылки, поскольку во введении на с. 14–15, где бегло характеризуется термин *трансформация* и трансформационный метод, такого четкого определения нет; автор лишь замечает, что в работе “идея трансформаций эксплицируется на трансформации значений первокорня” (с. 15). Далее в этой главе рассматривается корреляция значения и смысла, значения метафоры и метонимии в трансформировании семантики, анализируются оценочные коннотации первокорня (с. 86–102). При этом У. А. Карпенко ссылается в основном на научную позицию Н. Д. Арутюновой, а также Е. М. Вольф, С. М. Ворониной и др. Главу 1 завершают лаконичные выводы, в которых определен основной признак первокорня – избыточность и потенциал к трансляции смысла и трансформации значений (с. 103), подытоживается рассмотрение соотношений первокорня и других подобных категорий, свойств первокорня, его характерных особенностей.

В главе 2 представлен детальный анализ ЛСГ “элементарные действия и процессы” (пп. 2.2.1, с. 232–324), “основные качества” (пп. 2.3.1, с. 324–376), “названия животных” (пп. 2.1.1, с. 107–148), “основные явления природы” (пп. 2.1.2, с. 148–185), “пространственные отношения” (пп. 2.4.1, с. 392–424), “части тела” (пп. 2.1.3, с. 185–214), “названия растений” (пп. 2.1.4, с. 214–232), “родственные отношения” (пп. 2.3.2, с. 376–392) и т. д., в которых автор последовательно и тщательно исследует языковые единицы, содержащие первокорень в русском языке, контрастируя их на фоне других ностратических языков. Материал исследования изложен грамотно, в достаточной мере мотивирован и проиллюстрирован примерами, поэтому в целом работа читается легко, с интересом.

Глава 2 также содержит ряд научно значимых гипотез и наблюдений (например, о сближении корней сопоставляемых ностратических языков (с. 123), о конкретных смыслах, транслируемых первокорнями (с. 213, 252 и др.), о соотношении количества языков, транслирующих первокорень, и “шагов в его трансформации значений”, случаях полного совпадения значения и смысла (с. 253), о роли и влиянии метафорического и метонимического переносов на передачу значения первокорня (с. 318, 356, 363, 378 и др.) и ряд других), анализ современных тенденций процессов номинации (с. 391 и др.), которые надлежащим образом “кристаллизуются” в выводах к главе 2 (с. 424–428).

В заключении обобщаются научные изыскания автора, в которых кратко и вместе с тем систематизированно характеризуются тенденции и исторические процессы формирования системно-структурных признаков исследуемых пракорней и их репрезентаций в современном русском языке.

Монографию завершают: приложение, содержащее перечень исследуемого материала, список условных сокращений источников справочной литературы и список литературы (всего 821 позиция), при этом, на наш взгляд, вполне логично было бы списки использованной литературы на итальянском и английском языках не выносить отдельно, подавая их после справочной литературы. В целом, цитируемая литература и источники, на которые ссылается автор, еще раз свидетельствуют о фундаментальности и глубине проведенного исследования, скрупулезности автора. Представленный в приложении проанализированный языковой материал четко упорядочен, классифицирован, надлежащим

образом проиллюстрирован, что также свидетельствует о завершенности, “зрелости” проведенного автором исследования.

Таким образом, монография У. А. Карпенко содержит все необходимые структурные рубрики, по своему содержанию, форме и изложению соответствует требованиям ДАК МОН Украины к таким работам. Высказанные в рецензии критические замечания и пожелания никоим образом не снижают общего позитивного впечатления от прочтения монографии и высокой оценки проведенного исследования, которое описано на ее страницах и заслуживает одобрения.

Монография У. А. Карпенко “Трансляция смысла и трансформация значений первокорня” является актуальной, самостоятельной, в достаточной мере научно обоснованной и мотивированной работой. Она имеет свою научную новизну, теоретическую и практическую значимость, перспективы дальнейшего применения и дальнейших научных разработок.

Монография адресована филологам и всем, кто интересуется этимологией и занимается изучением и преподаванием нескольких неродственных языков, но прежде всего – русистам.

С. И. Терехова (Киев)

Общероссийский научно-теоретический семинар “Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве”

5–6 октября 2012 года в Институте иностранных языков Волгоградского государственного социально-педагогического университета (ВГСПУ) при поддержке гранта РГНФ (проект № 12-04-00008 а) состоялся общероссийский научно-теоретический семинар “Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве”. Организаторами семинара выступили научно-исследовательская лаборатория “Язык и личность” и кафедра языкознания ФГБОУ ВПО “ВГСПУ”.

Целью научно-теоретического семинара явилось 1) привлечение внимания широкого круга лингвистов, лингвоэкологов, лингвокультурологов к роли эмоций в человеческой коммуникации, к изучению их влияния на здоровье человека через правильное / неправильное пользование языком, а также на здоровье, экологию самого языка; 2) обсуждение актуальных вопросов нового лингвистического направления – эмотивной лингвоэкологии; разработка методологии и терминологического аппарата данной отрасли языкознания.

В семинаре приняло участие более 60 профессоров, доцентов, аспирантов и студентов-исследователей, интересующихся проблемами лингвистики эмоций.

В рамках семинара доктор филологических наук, профессор В. И. Шаховский (г. Волгоград, ВГСПУ) прочитал установочную лекцию “Модус экологичности в эмоциональной коммуникации”. Далее были прочитаны 7 лекций лингвистами-теоретиками из Москвы, Ульяновска, Краснодара, Воронежа и Ростова-на-Дону. Активное участие в чтении лекций по проблеме семинара приняли и ученые-лингвисты из волгоградских вузов.

В лекциях развивались и комментировались положения установочного выступления, обсуждались различные аспекты рассматриваемой теоретической проблемы, анализировались конкретные примеры из разных сфер человеческой коммуникации.

Семинар проходил в течение двух дней. Первая половина каждого дня была посвящена лекциям, вопросам к лекторам и дискуссиям по затронутым проблемам. Во вторую половину дня проводились круглые столы, на которых обсуждались частные вопросы становления и развития нового направления в лингвистике эмоций. Завершился научно-теоретический семинар обсуждением и принятием резолюции о перспективах развития эмотивной лингвоэкологии с призывом к объединению различных лингвоэкологических школ России и центров по изучению эмоций вокруг этого направления.

В прочитанной в первый день лекции проф. В. И. Шаховского прослеживались истоки возникновения эмотивной лингвоэкологии, рассматривался вопрос о ее объекте и предмете, а также анализировались возможные направления исследований и пути развития данной отрасли лингвистики. В частности, по мнению лектора, в рамках эмотивной лингвоэкологии предстоит решить вопрос о типах зависимости экологичного / неэкологичного общения от амбивалентных / поливалентных эмоций; об амбиэкологичности дискурсивных практик оскорбления и мата; о влиянии масс-медиа поведения на здоровье получателей информации и др. Особое внимание проф. В. И. Шаховский уделил вопросу о здоровьесохранительной функции языка, а также о необходимости включения в коммуникативную компетенцию личности эмоциональной и эмотивной компетенций, участвующих в формировании экологической компетенции,

и как компонентов, формирующих эмоциональный интеллект человека и его экологическую составляющую (экологический интеллект). Поднимался также вопрос о необходимости особого внимания лингвистов к развитию эмотивной лингвоэкологии (эколингвистики) как новой отрасли лингвистики эмоций.

В лекции доктора филологических наук, профессора А. В. Пузырева (г. Ульяновск, УлГУ) “Лингвоэкология (эколингвистика) в аспекте субстратного подхода к языку” предлагался перечень проблем, которые предстоит осмыслить, если ставить задачу выделения эколингвистики в составную и самостоятельную часть лингвистики. Изучение проблематики проф. А. В. Пузыревым осуществляется в рамках субстратного подхода к языку, который являет собой вариант конкретно-научной (общелингвистической) методологии и может быть использован при изучении любых языковых феноменов. Необходимое для лингвистов разграничение пяти ипостасей языка (уровней *мышления, языка, психофизиологии, речи и общения*), по мнению проф. А. В. Пузырева, ставит перед эколингвистами задачу различать уровни экологического и экологичного мышления, экологического и экологичного языка, экологической и экологичной психофизиологии, экологической и экологичной речи, а также экологического и экологичного общения. Лектор выделил 25 проблем эколингвистики, объединенных в пять основных групп на уровне мышления, языка, психофизиологии, речи и общения, включая и их эмоциональный / эмотивный аспект, в соответствии с предложенным им подходом.

Доктор философских наук и доктор искусствоведения, профессор П. С. Волкова (г. Краснодар, КГАУ) в лекции “Эмотивность как принцип экологической коммуникации: методологический подход” представила оригинальный лингвокультурологический подход к пониманию категории эмотивности и ее роли в определении экологичности / неэкологичности различных видов коммуникации. Как продемонстрировала проф. П. С. Волкова, множественность и неоднозначность ситуаций, с которыми языковая личность сталкивается в процессе мыслеречи, актуализируемом в работе с текстами культуры, преодолевается только и исключительно в опоре на *категорию эмотивности*, которая является неотъемлемой составляющей всякого реального и художественного текста, независимо от его языковых средств выражения и, вследствие этого, носит универсальный характер. Эмотивность рассматривается проф. П. С. Волковой как “пусковой механизм” процесса смыслообразования, стимулирующий речевую способность носителя языка, что, по ее мнению, позволяет говорить о методологической направленности данной категории. Лектор последовательно аргументирует свою позицию, основываясь на деятельностном подходе к языку, и приходит к выводу, что категория эмотивности оказывается на сегодняшний день одним из фундаментальных методологических принципов, обеспечивающих полноценную жизнедеятельность сознания языкового носителя.

В лекции кандидата филологических наук, доцента Е. С. Кара-Мурзы (г. Москва, МГУ) “Юридизированные эмоции как причины и последствия речевых конфликтов” анализировалось российское законодательство с позиций наличия в нем “антидиффамационных законов”, призванных защищать нематериальные права как личности, так и разных групп – социальных и национальных. Нанесенный вред, по убежденному мнению лектора, воплощается в юридизированных эмоциях оскорбленности и униженности, в психологическом эффекте дискредитации. При этом, как считает доц. Е. С. Кара-Мурза, два феномена, нематериальные блага и права социальных групп (и сами эти социальные группы), не определены в должной мере; лингвоправовые признаки этих преступлений вместе с их юрислингвистическими показателями существенно различаются, психологическая составляющая не верифицируема. Лектор приходит к выводу, что в “речевом блоке” российского законодательства недостаточно учитываются внутренние закономерности речевого взаимодействия. Это затрудняет производство судебных лингвистических экспертиз и вынесение справедливых приговоров, что в свою очередь становится источником новых конфликтов, т. е. приводит к созданию неэкологичных эмотивных ситуаций. Выход из такого положения видится доц. Е. С. Кара-Мурзе в создании и внедрении специального лингвоконфликтологического курса для будущих юристов, который можно было бы читать в дополнении к курсам законодательной техники, гражданского и уголовного права.

Кандидат филологических наук, доцент Т. И. Сурикова (г. Москва, МГУ) в лекции “Эмотивные компоненты этической рефлексии в языковой картине мира (по материалам СМИ)” на практическом материале массмедийной коммуникации проанализировала этическую рефлексивность, под которой лектор понимает дискурсивные реакции коммуникантов на свое и чужое речевое поведение. В сфере этического регулирования практически все императивы наивной этики детерминированы эмоционально, при этом они ориентируют поведение и задают оценки. Лектор обратила внимание, что в некоторых из них эмоциональная сторона может доминировать настолько, что мотивирует результаты противоположные задуманным. В качестве примера доц. Т. И. Сурикова детально проанализировала ориентацию на социальное благо. В лекции было показано, что новые эмотивы этической оценки

возникают и как следствие логического осмысления в сфере действительности, и как чисто эмоциональное явление, психологическая ориентация личности, которая вербализуется в речевом поведении и коммуникации, управляет интерпретацией сведений о действительности, формирует чувства и эмоции. Но при всем этом они остаются в неосознаваемой сфере сознания и поэтому могут приводить к следствиям, противоположным желаемому. Таким образом, доц. Т. И. Сурикова включает этичность в качестве компонента в лингвоэкологическую (эколингвистическую) эмотивность.

В лекции доктора филологических наук, профессора Н. И. Клушиной (г. Москва, МГУ) “Эмоциогенность как критерий дифференциации современного медийного пространства” было проанализировано современное медийное пространство с позиций разработанного ею интенционального метода описания медиадискурса. Этот метод основан на выявлении ведущей интенции адресанта, которая проявляется через специфический набор интенциональных категорий и формирует общую интенциональность целого текста и шире – дискурса. Лектор полагает, что современная российская медиакommunikация представлена тремя основными типами дискурсов: информационным, публицистическим и развлекательным, различающимися своей интенциональностью, коммуникативными стратегиями и тактиками порождения текстов, а также перлокутивным эффектом, направленным на адресата. Таким образом, новейший российский медиадискурс, по мнению проф. Н. И. Клушиной, в полной мере отражает разновекторные интересы современного медиаадресата. Но поскольку русский национальный стиль сегодня формируется в медиaprостранстве, а не в пространстве классической литературы, постольку современные журналисты, в каком бы типе изданий они ни работали, должны осознавать свою ответственность за судьбу родного языка, т. е. в их коммуникативной компетенции должны находиться признаки и параметры экологичности массмедийного общения.

После перерыва в рамках семинара были проведены два круглых стола.

На первом из них (“Эмотивная лингвоэкология: параметры и аспекты. Валеология и экология в их отношении к экологии языка”) состоялась дискуссия по следующим проблемам: содержание научного направления “Эмотивная лингвоэкология” (доц. Н. Г. Солодовникова, г. Волгоград, ВГСПУ), языковая категоризация “смешанных чувств” (канд. филол. наук А. А. Штеба, г. Волгоград, ВГСПУ), экологичность Новозаветной притчи (канд. филол. наук И. Ю. Рыкунова, г. Волгоград, ВГСПУ), неэкологичные компоненты современного коммуникативного поведения (доц. В. А. Буряковская, г. Волгоград, ВГСПУ).

На втором круглом столе “Номинативный аспект лингвоэкологических исследований” обсуждались следующие вопросы: конфликтность в русской эргонимии (проф. И. В. Крюкова, г. Волгоград, ВГСПУ), эргонимия как объект лингвоэкологического анализа (эмотивный аспект) (доц. О. В. Врублевская, г. Волгоград, ВГСПУ), оценочная семантика бленда и оксюморонима как индикатор их экологичности / неэкологичности (асп. Н. И. Коробкина, г. Волгоград, ВГСПУ).

Присутствующие на семинаре задали много вопросов участникам круглых столов, что значительно увеличило интерес к проблемам эмотивной лингвоэкологии, которую большинство выступавших в дискуссиях предлагали назвать эмотивной эколингвистикой.

На второй день участники семинара прослушали и обсудили несколько лекций.

В лекции доктора филологических наук, профессора С. В. Ионовой (г. Волгоград, ВолГУ) “Признаки экологичности и проблема их выделения в лингвоэкологии” рассматривался центральный вопрос лингвоэкологии: проблема установления признаков экологичности в применении к языковым и речевым явлениям как объектам рассмотрения или фактам среды жизнедеятельности людей. Проф. С. В. Ионова выделяет две основные группы признаков экологичности: биологические, в которые включены эргономические особенности влияния информационных потоков на человека, ортобиотические признаки информационной среды, синтаксические, семантические, прагматические факторы информационного воздействия, эмоциональная сфера человека, и социальные, к которым следует отнести митигационные тактики и применение средств позитивной эмоциональной модальности. Лектор приходит к выводу, что сочетание биологических и социальных признаков экологичности в применении к анализу информационной среды жизнедеятельности человека должно корректироваться с учетом законов языкового и текстового существования, а также особенностей организации информационно-текстовых пространств.

Доктор филологических наук, профессор Е. Ю. Ильинова (г. Волгоград, ВолГУ) в лекции “Эмоциональный интеллект и ироничный идиостиль как основа коммуникативной лингвотерапии” проанализировала проблему установления эколингвистических особенностей прагматики публичного текста. Лектор обратила внимание на следующие факторы эколингвистического баланса информации: правдивость / вымысел, точность / неточность, логичность / нелогичность, а также тональность.

Проф. Е. Ю. Ильиной предпринимается попытка обосновать положение о том, что эмоциональный интеллект человека специфичен, он формирует особый образ мира, в котором переключаются позитивные и негативные смыслы. Предлагаемый проф. Е. Ю. Ильиной взгляд на информационно-текстовую среду позволяет в рамках многогранной парадигмы анализа публичного текста соотнести сведения о типичных стратегиях, приемах и языковых средствах информирования с возможными морально-этическими последствиями воздействия текста на психоэмоциональное состояние современного гиперинформированного сообщества и предложить приемы коммуникативной терапии, позволяющей нивелировать неэкологичные последствия пребывания человека в гиперинформативной среде.

В лекции кандидата филологических наук, доцента Л. П. Амири (г. Ростов-на-Дону, ЮФУ) «Языковая игра – угроза языковой экологии (на материале рекламной коммуникации)» выделяются игровые факты рекламной коммуникации, наличие и распространение которых в состоянии непосредственно повлиять на формирование общественной речевой компетенции молодого поколения. Рассматриваемые доц. Л. П. Амири примеры текстов рекламной коммуникации имеют диагностирующее значение для развивающейся эмотивной лингвоэкологии и могут способствовать выработке определенного рода приемов, необходимых для усовершенствования методов лингвистической экспертизы, направленной на сохранение экологии языка в современной языковой ситуации. Лектор делает вывод, что исследование проблематики языковой и речевой деградации в текстах рекламной коммуникации объясняет необходимость более глубокого изучения именно нравственных аспектов лингвоэкологии и доказывает тот факт, что опасаться следует не самой реализации неэкологичной языковой игры, а снятия эффекта табуирования с открыто вульгарных, нарушающих рамки современной морали рекламных текстов. Таким образом, по мнению доц. Л. П. Амири, центральной проблемой лингвоэкологии применительно к текстам рекламной коммуникации является создание базы конкретных образцов рекламных текстов, реализация которых в рамках современной языковой и культурной ситуации является недопустимой и неприемлемой, и приравнивается к речевому хулиганству.

В лекции доктора филологических наук, профессора В. И. Карасика (г. Волгоград, ВГСПУ) «Ценностные параметры лингвоэкологического общения» подробно рассматривались ценностные параметры неэкологичного общения. Лектор отметил необходимость учитывать ценностные ориентиры социума при изучении любого вида коммуникации. Проф. В. И. Карасиком сделан вывод, что экологичность / неэкологичность конкретного коммуникативного события может быть определена только в зависимости от ценностных установок участников этой коммуникации. Поэтому ценностные матрицы конкретного языкового общества, по мнению проф. В. И. Карасика, должны быть включены в коммуникативную, как внутри-, так и межкультурную, компетенцию.

Доктор филологических наук, профессор Н. А. Красавский (г. Волгоград, ВГСПУ) в лекции «Индивидуально-авторские концепты Германа Гессе в повести «Сиддхартха. индийская поэма»: лингвоэкологический аспект» интерпретировал в лингвоэкологическом аспекте повесть «Сиддхартха. Индийская поэма» («Siddhartha. Eine indische Dichtung», 1922 г.) швейцарско-немецкого писателя Германа Гессе. Проанализировав основные индивидуально-авторские концепты данного произведения (мудрость, терпение, невозмутимость, неизбирательная любовь), лектор приходит к выводу, что данная повесть Г. Гессе является эталоном художественного лингвоэкологического общения. Г. Гессе умело используются языковые (прежде всего стилистические) ресурсы для создания сложного мира образов протагонистов, выражающих вербальными и авербальными поступками оценочное отношение к миру, аксиологически интерпретирующих его. Использование в полемике протагонистами стилистически нейтральной и позитивно-оценочной лексики, уравновешенная тональность голоса, плавные буддистские жесты и дружелюбная мимика, добрая улыбка, выражающая парадоксальным для европейца образом несогласие с оппонентом, эмоционально настраивающие собеседника к искреннему разговору – это те, по мнению проф. Н. А. Красавского, коммуникативные средства, которые в высшей степени экологичны и эффективны в эмотивном аспекте.

В лекции доктора филологических наук, профессора Н. А. Сребрянской (г. Воронеж, ВГПУ) «Национально-культурная асимметрия семантики инвективной лексики» была рассмотрена проблема национально-культурной асимметрии лексики, в результате чего показано несоответствие между дискурсивной нормой и словарной семантикой инвектив. На обширном материале англоязычных инвектив, используемых чаще в своей культурно-языковой среде в переносных значениях и заимствованных в русскую коммуникацию, проф. Н. А. Сребрянской устанавливаются как несбалансированность значения и смыслового наполнения данной группы лексики, так и лакунарность коммуникативной компетенции российских школьников в ее использовании в русскоязычной

культурной среде. Этот факт лектор объясняет тем, что актуализация переносного значения инвектив может вызвать в иной культурно-языковой среде коммуникативный сбой и приводить к взаимному непониманию.

На третьем круглом столе “Коммуникативный аспект лингвоэкологических исследований” была проведена дискуссия участников семинара и гостей по следующим проблемам: деструктивность как характеристика неэкологичного межличностного общения (доц. Я. А. Волкова, г. Волгоград, ВГСПУ), лингвоэкологический аспект категории инакости в межконфессиональном общении (доц. Е. Ю. Кислякова, г. Волгоград, ВГСПУ), правда и искренность в экологичной / неэкологичной коммуникации (проф. Н. Н. Панченко, г. Волгоград, ВГСПУ), лингвоэкология эмотивного компонента бизнес-коммуникации (доц. А. И. Цой, г. Волгоград, ВИБ).

В рамках заключительной дискуссии выступили проф. С. В. ИONOVA, проф. В. И. Карасик, доц. Е. С. Кара-Мурза, проф. Н. И. Клушина, доц. Т. И. Сурикова, а также председатель оргкомитета данного научно-теоретического семинара проф. В. И. Шаховский, которые подвели итоги высказанным участниками семинара мнениям по обсужденным проблемам.

В заключение заседания зам. председателем оргкомитета доктором филологических наук, профессором Н. Н. Панченко был зачитан проект резолюции научно-теоретического семинара.

Резолюция общероссийского научно-теоретического семинара

“Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве”

Целью научно-теоретического семинара явилось 1) привлечение внимания широкого круга лингвистов, лингвоэкологов, лингвокультурологов к роли эмоций в человеческой коммуникации, к изучению их влияния на здоровье человека через правильное / неправильное пользование языком, а также на здоровье, экологию самого языка; 2) обсуждение актуальных вопросов нового лингвистического направления – эмотивной лингвоэкологии; разработка методологии и терминологического аппарата данной отрасли языкознания.

Эмотивная лингвоэкология предназначена не только для установления тесной связи языка с эмоциональным мышлением его носителей, для характеристики позитивных перспектив и опасных тенденций эмоционального общения, но и для поиска возможностей преодоления девиантного развития русской речи и, опосредованно, языка.

По итогам научно-теоретического семинара были сделаны следующие выводы:

1) Предложено определение эмотивной экологичности коммуникации, согласно которому она представляет собой ее синергетическую характеристику: это эмоциональная мощь языка как вербальной и невербальной семиотической системы в совокупности с культурой речи и соблюдением правовых и этических норм коммуникативного кодекса. Вопрос о разграничении экологичного и неэкологичного в эмоциональной коммуникации требует обязательного учета экстралингвистических факторов в конкретной коммуникативной ситуации. Данный подход представляет собой новый виток развития эмотиологии: от категоризации эмоций в системе языка к коммуникативному аспекту эмотивности. Такой подход имеет значительный прикладной аспект – он заключается в разработке моделей адекватного поведения в разных эмоциональных коммуникативных ситуациях и вузовском обучении ему будущих работников социально-педагогических отраслей.

2) Разграничены термины “лингвоэкология” как наука о бережном отношении к языку и “эмотивная лингвоэкологичность” как культура речи во взаимосвязи с этическими и правовыми нормами речевого поведения, в том числе проявления эмоций – как универсальных, так и этноспецифичных. Установлена тесная связь эмотивной лингвоэкологии (эколингвистики) и валеологии, одним из проявлений которой является терапевтическая функция языка, связанная со здоровьесохранительной деятельностью человека: в центре внимания лингвоэкологов находится изучение того, как язык влияет на здоровье человека, точнее, как осмысленная, здоровая, эмоционально выверенная речь способствует сохранению здоровья человека, что, в свою очередь, способствует сохранению “здоровья” национального литературного языка.

3) Продемонстрирована сложность установления зависимости между эмоцией и модусом экологичности. Предполагается, что эта зависимость преломляется через конкретный дискурс, эмоциональный интеллект коммуникантов, помноженные на эмоциональность конкретной ситуации. Все это требует многочисленных экспериментов в разных сферах коммуникации и на примере конкретных положительных и отрицательных эмоций, упакованных в положительную и отрицательную вербалику / невербалику.

4) Установлено, что не любое выражение отрицательных эмоций и употребление соответствующих вербальных и невербальных средств является неэкологичным. Определено понятие амбиэкологичности эмотивного общения.

5) Посредством анализа ситуаций эмоционального человеческого общения выделены параметры эмотивной экологичности коммуникации. Отмечено, что экологичность / неэкологичность коммуникации может быть измерена не только параметрами позитивного или негативного эмотивного общения, что затрагивает поверхностный психоэмоциональный уровень личности. На степень экологичности влияет также и рациональная оценка, имеющая более глубинную, когнитивную основу и направленная на трансформацию ментальной сферы, когнитивной базы человека говорящего.

Участники семинара считают необходимым:

➤ обратить внимание всех лингвоэкологов, и прежде всего тех, кто занимается эмотивным аспектом этой науки, на необходимость разработки таких первоочередных проблем, как онто- и филогенетические аспекты лингвоэкологии как дисциплины; факторы, влияющие на бытие лингвоэкологии в языковом и метаязыковом мышлении личности; психофизиологические основания лингвоэкологии; соотношение рационального, рассудочного и иррационального, интуитивного начал в лингвоэкологически ориентированном мышлении; специфика лингвоэкологического общения; аксиологические аспекты лингвоэкологии; параметры разграничения лингвоэкологического / не лингвоэкологического; параметры лингвоэкологической катастрофы; речевые проявления эффективности лингвоэкологического текста; параметры и эволюция образцовых текстов в русской лингвоэкологии; амбивалентность экологичности текстов СМИ; роль средств массовой коммуникации в пропаганде лингвоэкологии и образцов экологичности межперсонального, группового и массмедийного общения; и др.

➤ составить перечень практических лингвоэкологических рекомендаций для типизированных эмоционально-коммуникативных ситуаций как проявлений межперсонального, группового и институционального конфликта: бытовой ссоры и спора; научной полемики; правовых дискуссий и проч., где используются эмоционально насыщенные речевые акты взаимных обвинений, признания вины, примирения и др., реализуются экспрессивные речевые акты раздражения, гнева и проч.;

➤ разработать специальные лингвоэкологические рекомендации для различных сфер коммуникации:

- профессиональной: медицинской, бизнес-коммуникации, юридической и др.;
- массмедийной: журналистской, рекламной, связей с общественностью;
- научающей коммуникации в школе, в вузе, в дополнительном образовании и др.,
- межкультурной коммуникации;

➤ создать компьютерную базу “отрицательного материала”: рекламных, дидактических, политических и др. текстов, которые привели к конфликтам и в современной языковой и культурной ситуации должны быть оценены как недопустимые и неприемлемые; подготовить ее силами всех лингвоэкологов (эколингвистов), занимающихся разработкой данной проблематики, в первую очередь, лингвоэкологическими центрами России;

➤ подготовить учебные программы спецкурсов по коммуникологии и лингвоэкологии общения силами межвузовских научно-методических коллективов;

➤ по мере их готовности предложить Министерству образования и науки РФ рассмотреть возможность их введения во всех направлениях высшего и среднего специального образования;

➤ подготовить и внести предложение в соответствующие ведомства о необходимости экспертизы текстов детских журналов на предмет их эколингвистической эмотивности;

➤ оповестить научную общественность о результатах семинара;

➤ издать материалы научно-теоретического семинара в виде коллективной монографии;

➤ провести очередную встречу специалистов по лингвоэкологии для обсуждения намеченного круга проблем в формате конференции / школы-семинара в 2014 / 2015 году. Место проведения определить позже.

В. И. Шаховский, Я. А. Волкова (Волгоград)

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Уважаемые коллеги! Приглашаем Вас принять участие в формировании новых выпусков “Русистики”. Статьи и материалы просим высылать по адресу: 01601, Киев, ул. Владимирская, 58, к. 9, e-mail: ros_mova@ukr.net. Контактный телефон: (+38044) 239-34-69.

Редколлегия рассматривает материалы, которые соответствуют следующим требованиям:

- объем – 8 – 12 страниц через 1,5 интервала (формат А4);
- шрифт Times New Roman, размер 14, стиль “Нормальный” (весь текст);
- абзац – 0,5 см; длина строки – 16 см; страницы не нумеруются;
- аннотация (до 500 знаков) и ключевые слова (3 – 5 слов) на трех языках: украинском, русском, английском;
- в статье должны содержаться: постановка проблемы в общем виде и ее связь со значимыми научными или практическими заданиями; анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривалась затрагиваемая проблема и на которые опирается автор; новизна исследования; формулировка цели и задач статьи; изложение основного материала с обоснованием полученных результатов; выводы и перспективы дальнейших исследований в этом направлении;
- инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются на первой странице справа (NB! Все инициалы в тексте набираются через неразрывный пробел – см. прим.);
- название статьи печатается прописными буквами посередине;
- текст набирается без переносов;
- стихи печатаются с абзацным отступом 4 см, размер шрифта – 12;
- примеры в статьях по лингвистике выделяются курсивом, исследуемая единица – полужирным курсивом, толкование заключается в апострофы ‘’, и после двоеточия приводится контекст слово- / фразеупотребления, в круглых скобках шрифтом 12 указывается источник иллюстративной цитаты; например: *быть, как боги* ‘о тех, кто является всесильным или непревзойденным в чем-л.’: *Бьет пот, превращающий на века / художника – в бога, царя – в мужика! / Вас эта высокая влага кропила, / чело целовала и жгла, как крапива. / Вы были как боги – рабы ремесла!* (А. Вознесенский. Баллада работы); *золотой ключик* ‘о средстве, помогающем достичь успеха, счастья (перен.)’: *Золотой ключик к экономическому ренессансу Альбиона* (Лит.газ., 1995);
- все другие выделения производятся с помощью разрядки (не подчеркиванием!), межбуквенный интервал – 1,5 пт.;
- в тексте короткое тире (–) и дефис (-) различаются размером и наличием / отсутствием пробелов: *Байрон – поэт-романтик; 60-е годы, XVI – XIX вв.*;
- сокращения типа *т. е.*, *т. к.* и под. набираются с неразрывным пробелом; *60-е, I-ого* – с неразрывным дефисом;
- в тексте используются кавычки “...”, если встречаются внутренние и внешние кавычки, то внутренними выступают “елочки”: “... «...»”;
- ссылки на литературу включаются в примечания и подаются по мере появления источника в тексте. Рядом с цитатой указывается шрифтом “верхний индекс” (не автоматический) номер примечания, например: *Л. В. Щерба отмечал: “...”¹*. (Команду Word “вставить сноску” использовать нельзя!);
- при неоднократном цитировании автором статьи вводятся условные обозначения, например: Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.; Л., 1950–1965. Далее в тексте – БАС, с указанием римскими цифрами тома и арабскими – страницы. Или: *Бунин И. А. Собр. соч.: В 6-ти тт. – М., 1987–1988.* Далее в тексте указаны том и страница по этому изданию;
- примечания даются в конце статьи, через строку, одним списком. Нумерацию следует производить вручную шрифтом “верхний индекс”: ¹ ² ³ Формат: абзацный отступ 0,5 см, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1, фамилии авторов (с инициалами) цитируемых изданий печатаются курсивом;
- материалы следует отправлять в редакторе Word (с сохранением в формате RTF); необходимо также высылать нестандартные TTF-шрифты (если они использовались при наборе);
- на отдельном листе приводятся сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, должность, место работы, контактный адрес, электронный адрес, телефон. **NB:** Заполнение этой анкеты подтверждает согласие автора на обработку присланных им персональных данных, необходимую для деятельности редколлегии сборника.

Примечание. Неразрывный пробел выполняется командой [Ctrl + Shift + Пробел] или командой “Вставка” — “Символ” — “Специальные символы” — “Неразрывный пробел”; неразрывный дефис – [Ctrl + Shift + клавиша “-”] или: “Вставка” — “Символ” — “Специальные символы” — “Неразрывный дефис”; число в формате “верхний индекс” – Ctrl + Shift + клавиша “+” либо командой: “Формат” — “Шрифт” — “Верхний индекс”.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Богданович Галина Юрьевна – д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского.

Болотнова Нина Сергеевна – д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой современного русского языка и стилистики Томского государственного педагогического университета.

Брысина Евгения Валентиновна – д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой общего и славяно-русского языкознания, декан филологического факультета Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Волкова Яна Александровна – канд. филол. наук, доц., доц. кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Воронин Дмитрий Игоревич – канд. филол. наук, доц., доц. кафедры русского языка Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко.

Дядечко Людмила Петровна – д-р филол. наук, проф., проф. кафедры русского языка Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, член Фразеологической комиссии Комитета славистов (представитель от Украины), награждена медалью А. С. Пушкина (МАПРЯЛ, 2004).

Иванова Наталья Павловна – д-р филол. наук, доц. кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

Иссерс Оксана Сергеевна – д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, декан факультета филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Карпенко Ульяна Алексеевна – канд. филол. наук, доц., доц. кафедры романо-германской филологии, докторант кафедры русского языка Национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова.

Красовская Оксана Владимировна – д-р филол. наук, доц., доц. кафедры украинского и русского языков Донбасского государственного технического университета.

Орехов Владимир Викторович – д-р филол. наук, доц., проф. кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского.

Перзек Андрей Борисович – д-р филол. наук, доц., и. о. зав. кафедрой зарубежной литературы и компаративистики Кировоградского государственного педагогического университета им. В. Винниченко.

Степанченко Иван Иванович – д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой русского языка Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды; проф. кафедры русского языка Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина.

Терехова Светлана Ивановна – д-р филол. наук, доц., проф. кафедры иностранных языков и перевода факультета русской филологии Киевского национального лингвистического университета.

Теряев Дмитрий Алексеевич – канд. филол. наук, доц., доц. кафедры русского языка Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко.

Шалина Ирина Владимировна – д-р филол. наук, доц. кафедры риторики и стилистики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Шаховский Виктор Иванович – д-р филол. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации, проф. кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Шестак Лариса Анатольевна – д-р филол. наук, проф., проф. кафедры общего и славяно-русского языкознания ФГБОУ ВПО “Волгоградский государственный социально-педагогический университет”.

Штейнбук Феликс Маратович – д-р филол. наук, проф., Заслуженный работник образования Автономной Республики Крым, зав. кафедрой русского языка, теории и истории литературы Республиканского высшего учебного заведения “Крымский гуманитарный университет” (г. Ялта), директор Института филологии, истории и искусств Крымского гуманитарного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные проблемы современной лингвистики

<i>Шаховский В. И.</i>	Экология аффективного языка: от теории к коммуникативной практике.....	3
<i>Иссерс О. С.</i>	Дискурсивные игры “Болотного периода”.....	9
<i>Шестак Л. А.</i>	Рах Slavica: состояние и перспективы.....	14
<i>Шалина И. В.</i>	Уральское городское просторечие: лингвокультурологический взгляд.....	19
<i>Брысина Е. В.</i>	Этнокультурная значимость диалектных фразеолокс (на материале донских казачьих говоров).....	24
<i>Болотнова Н. С.</i>	Об интерпретационных возможностях ассоциативного поля текста.....	28
<i>Карпенко У. А.</i>	Соотношение первокорня и концепта.....	33
<i>Воронин Д. И.</i>	Номо Somatikos: к междисциплинарной парадигме человеческой телесности.....	37
<i>Теряев Д. А.</i>	Слогоделение слов русского языка в концепции гармонии звучания (экспериментально-фонетическое исследование).....	40
<i>Степанченко И. И.</i>	Лингвистический антропоцентризм и проблема интеграции наук.....	45

Литературоведение

<i>Орехов В. В.</i>	Европа как русский литературный миф.....	49
<i>Иванова Н. П.</i>	Экспликация идеи космоцентризма в картинах окружающего мира русских писателей XIX века.....	53
<i>Перзекке А. Б.</i>	Поэма “Медный всадник” в контексте произведений А. С. Пушкина о Петре: динамика воплощения архетипа “отца и сына”.....	58
<i>Штейнбук Ф. М.</i>	Особенности телесной топосферы Одессы: случай И. Бабея.....	69

Рецензии. Хроника. Информация

<i>Дядечко Л. П.</i>	В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич, О. И. Трофимкина. Толковый словарь библейских выражений и слов (Москва, изд-ва “АСТ” и “Астрель”, 2010 г., 640 с.).....	74
<i>Красовская О. В.</i>	Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда (Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. – 389 с.).....	78
<i>Богданович Г. Ю.</i>	Коллективная монография “Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда” (Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. – 389 с.).....	83
<i>Терехова С. И.</i>	Монография Карпенко Ульяны Алексеевны “Трансляция смысла и трансформация значений первокорня” (К.: Освита Украины, 2013. – 496 с.)..	86
<i>Шаховский В. И., Волкова Я. А.</i>	Общероссийский научно-теоретический семинар “Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве”.....	88
	Правила оформления статей.....	94
	Сведения об авторах.....	95